

8С 104
21-39

**ИЗУЧЕНИЕ
ТВОРЧЕСТВА
Н.В. ГОГОЛЯ
В ШКОЛЕ**

УЧПЕДГИЗ - 1954

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
ИНСТИТУТ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ

ИЗУЧЕНИЕ
ТВОРЧЕСТВА
Н. В. ГОГОЛЯ
В ШКОЛЕ

Под редакцией
Л. И. ТИМОФЕЕВА и Н. В. КОЛОКОЛЬЦЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1954

ОБ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ В СБОРНИКЕ

В целях сокращения и унификации справочно-библиографического аппарата сборника по всему его тексту принята следующая система библиографических ссылок:

1. Все ссылки на полные академические собрания сочинений Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина даны в скобках курсивом. Соответствующие тома этих собраний обозначены римскими цифрами.

2. Все ссылки на шеститомное издание собрания сочинений Н. В. Гоголя (Гослитиздат, 1948—1950) даны в скобках обычным шрифтом. Соответствующие тома этого собрания сочинений обозначены арабскими цифрами.

3. Все ссылки на наиболее распространённые сборники:

«В. Г. Белинский о Гоголе. Статьи, рецензии, письма». Редакция: вступительная статья и комментарии С. Машинского, ГИХЛ, 1949;

«Гоголь в воспоминаниях современников». Редакция, предисловие и комментарии С. Машинского, ГИХЛ, 1952;

«Письма Н. В. Гоголя». Редакция В. И. Шенрока;

В. И. Шенрок «Материалы к биографии Н. В. Гоголя»

даны в соответственно сокращённой форме:

«Белинский о Гоголе»; «Гоголь в воспоминаниях»; «Письма»; В. И. Шенрок «Материалы».

4. Все шрифтовые выделения в тексте, за исключением курсивных, принадлежат авторам статей. Все курсивные выделения принадлежат цитируемым авторам и в тексте не оговариваются.

Д. Д. БЛАГОИ

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Николай Васильевич Гоголь принадлежит к числу величайших деятелей классической русской литературы, оказавшей огромное влияние на развитие передовой культуры всего человечества.

Чернышевский писал о Гоголе: «Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России». Признание громадной важности дела писателя для народа — высшая похвала художнику слова. И похвала эта, исходящая из уст великого народолюбца, главы русской революционной демократии 60-х годов, Гоголем вполне заслужена.

Гениальные творения Гоголя мощно содействовали развитию русского общественного самосознания, а тем самым и развитию русского революционного движения, переходу его на новую, более высокую ступень — от периода дворянских революционеров к периоду революционеров-разночинцев.

Присвоив себе плоды героических побед русского народа в Отечественной войне 1812 года, опираясь на завоеванный этим международный авторитет, русский царизм стал во главе европейской реакции. Первое вооружённое выступление против царизма — восстание декабристов — было свидетельством серьёзного кризиса в недрах старого феодально-крепостнического строя. Желая всячески умалить значение восстания, подавившие его правящие круги стремились уверить себя и других, что ничего не случилось, что вся страна благоденствует на твёрдых основах «самодержавия, православия и народности», что все классы общества — угнетатели и угнетённые, помещики и крестьяне — находятся в тесном и любовном единении друг с другом. На службу идеологии казённого благополучия Николай I и его министры старались поставить и литературу. Наряду с продажными писаками — прямыми агентами Третьего отделения Булгариным и Гречем — литературную аван-

сцену занимали и пользовались шумным внешним успехом пустопорожные позёры и декламаторы кукольные и бенедиктовы — эти поддельные цветы, которые, по метким словам Герцена «могли распускаться только у подножия императорского трона и под сенью Петропавловской крепости». Но заставить передовое русское художественное слово свернуть с радищевско-пушкинского пути, оторвать его от живых запросов современности, от жизни народа правительству не удалось. Неустанно продолжал закладывать основы русской классической литературы — поборники русского освободительного движения — Пушкин. Реакционная Россия предательски расправилась со своим заклятым врагом. Но вольный и широкий голос Пушкина с новой силой зазвучал в богатырской поэзии Лермонтова, бросившего в лицо убийцам родоначальника новой русской литературы, палачам «свободы, гения и славы», грозный обвинительный приговор — стихотворение «Смерть поэта». Ещё при жизни Пушкина, под его непосредственным вдохновляющим воздействием, раздался горький и гневный смех Гоголя.

В стране то там, то здесь вспыхивали стихийные крестьянские восстания, восстания в военных поселениях, подавляемые железом и кровью, розгами и шпицрутенами. Но Николай I и его приспешники продолжали твердить на все лады, что прошлое царской России величественно, настоящее великолепно, а будущее блистательно. Понадобилось почти тридцать лет новых великих страданий и горя народного, чтобы в результате бездарно проигранной царским правительством Крымской кампании вскрылась вся лживость и пустота этих хвастливых утверждений.

В творчестве Гоголя русский царизм понёс страшное моральное поражение задолго до 1854 г. Бесстрашной рукой могучего художника-реалиста Гоголь сдёрнул с феодально-крепостнического, поместно-чиновничьего строя все его мишурные покровы, выставил на всенародное позорище гнусные звериные хари самодовольных в своём ничтожестве, уверенных в своей полной безнаказанности «хозяев» страны — этих мёртвых душ, невозбранно владевших живой душой отданного им на поток и разграбление «могучего и бессильного» народа.

Творения Гоголя не только потрясли, как об этом свидетельствуют современники, всю Россию. Страшный удар, наносимый ими «фасадной» николаевской империи — жандарму Европы, — имел тем самым и международное значение.

В своём остро критическом отношении к эксплуататорскому феодально-крепостническому строю Гоголь продолжал и замечательно развивал лучшие традиции предшествовавшей ему передовой русской литературы.

Сатирическое направление, которое так ценили критики — революционные демократы, начало складываться в русской литературе с первых же её шагов. Первым выдающимся русским писателем XVIII в. был поэт-сатирик Антиох Кантемир. Кантемировская сатирическая традиция прошла через всю литературу XVIII в.: замечательно развернулась в журналах Новикова и Крылова, в творчестве смелого властелина сатиры Фонвизина, достигла подлинно революционной силы в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. В первую треть XIX в. сатирическое направление пышно расцвело в баснях Крылова, в бессмертной грибоедовской комедии «Горе от ума», в ряде произведений Пушкина, наряду с жалом тонкой иронии владетельского и грозным бичом «пламенной сатиры».

В то же время смех русских писателей-сатириков носил глубоко патриотический, гражданский характер. Уже Кантемир заявлял, что он пишет свои сатиры «по должности гражданина», и, предвзята знаменитую формулу «зримого смеха сквозь незримые слёзы», которой Гоголь определял существо своего творчества, подчёркивал: «Смеюсь в стихах, а в сердце о злонравных плачу». Чернышевский справедливо считал патриотизм — «страстное беспредельное желание блага родины» — отличительным свойством, определяющим и направляющим деятельность больших русских писателей. «Но ни в ком из наших великих писателей, — добавлял критик, — не выражалось так живо и ясно сознание своего патриотического долга, как в Гоголе. Он прямо считал себя призванным служить не искусству, а отечеству».

«Неугасимая ревность сделать жизнь свою нужною для блага государства» возникла в Гоголе с ранних лет, ещё на школьной скамье. Уже тогда копил он силы «для поднятия труда важного, благородного: на пользу отечества, для счастья граждан». Так писал шестнадцатилетний Гоголь матери, добавляя: «Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утратить, не сделав блага».

Важным, благородным, подлинно патриотическим трудом и стало для Гоголя его литературное творчество. «Мысли мои, моё имя, мои труды будут принадлежать России», — с полным правом заявлял он в 1836 г., после окончания «Ревизора» и в разгар работы над первым томом «Мёртвых душ». Не витать в заоблачных сферах, подобно «возвышенному» реакционно-грескущему «романтику» Кукольникову, не отрывать искусство от действительности, от жизни народа, а, наоборот, сойти в самую гущу этой жизни, внести свет во тьму, не прикрашивать, не прикрывать зла и неправды существующих общественных отношений, а показать их во всей их гнусности и безобразии, «сказать святую правду» — в этом видел Гоголь свой долг писателя-патриота.

Своим боевым оружием Гоголь избрал грозный и караю-

щий смех. «Сколько есть у нас добрых людей, но сколько есть и плевел, от которых житья нет добрым», — писал он и восклицал: «На сцену их! Пусть видит их весь народ! Пусть посмеётся им! О, смех великое дело! Ничего более не боится человек, как смеха».

Ленин писал о царской России: «Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России. И чиновники эти стоят над безгласным народом, как темный лес, — простому рабочему человеку никогда не продраться через этот лес, никогда не добиться правды... Армия чиновников... соткала густую паутину, и в этой паутине люди бьются, как мухи.

Царское самодержавие есть самодержавие чиновников»¹. Против самодержавия чиновников и направил прежде всего могучее оружие смеха Гоголь и в своих петербургских повестях, и в особенности в «Ревизоре», мысль о создании которого подал ему Пушкин. «Я решился собрать в одну кучу всё дурное, какое я тогда знал... и за одним разом посмеяться над всем», — так объяснял происхождение «Ревизора» сам Гоголь.

Сила этого концентрированного удара была громадна. Велико было и его значение. Нанося удар по самодержавию чиновников, Гоголь, хотел он этого или не хотел, бил и по царскому самодержавию. Прав был И. С. Тургенев, говоря, что пьесы такой силы социального обличения ещё никогда не появлялись дотоле ни на одной сцене мира.

Постановка «Ревизора» была с восторгом встречена всеми передовыми людьми того времени и навлекла дикое озлобление против его автора со стороны армии чиновников. Но сам Гоголь готовил в это время второй, ещё более могучий удар по насильникам народа. «Огромно, велико моё творение и вскоре конец его. Ещё восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками», — писал он в связи со своей работой над «Мёртвыми душами».

Сюжет «Мёртвых душ», по свидетельству самого Гоголя, был передан ему Пушкиным, настойчиво и горячо призывавшим его приступить к созданию большого, монументального произведения, в котором отразилась бы жизнь всей страны. Этому замечательно способствовал уступленный Пушкиным сюжет, который давал «полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров». Подсказывая Гоголю этот сюжет, Пушкин, конечно, вспоминал о радищевском «Путешествии из Петербурга в Москву», над статьёй о котором он как раз в это время работал.

«Мёртвые души» Гоголя лишены прямой революционности, составляющей основную силу радищевской книги. Но картина

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 334.

дикого, грубо-невежественного, тупо-бессмысленного помещичьего царства дана Гоголем с такой изумительной жизненной правдой, с такой полнотой и силой художественно-реалистического воплощения, до которой, естественно, ещё не смог подняться стоявший только у истоков русского реализма Радищев. Этим и определяется то исключительное значение, которое «Мёртвые души» имели для развития русской революционной мысли, русского освободительного движения. «Ещё не было доселе более важного для русской общественности произведения», — писал о «Мёртвых душах» Белинский, подчёркивая, что в них «глубокость живой общественной идеи неразрывно сочеталась с бесконечной художественностью образов».

Сам Гоголь, по его словам, старался так лепить свои образы, чтобы каждый из них «метался бы, как живой, пред глазами». И величайший знаток и мастер русского языка, как никто, говоря его собственными словами, «назвучавшийся» меткостью и разумом русской живой речи, Гоголь полностью достиг этого. В то же время каждый из предельно жизненных образов-портретов Гоголя отмечается небывалой силой художественного обобщения.

Сатирически заострённые образы Гоголя с исключительной яркостью и силой раскрывают сущность данного социально-исторического явления — российского самодержавно-крепостнического строя, характерного образца общественного строя, основанного на рабстве и эксплуатации человека человеком. Этим и объясняется небывало широкая типичность гоголевских образов. Хлестаков, Манилов, Ноздрёв, Собакевич и др., как персонажи, представляют собой ограниченное явление, выросшее в определённый исторический период на определённой общественной почве. Но хлестаковщина, маниловщина, ноздрёвщина выходят далеко за эти пределы. Белинский образ Манилова метко использовал в своей борьбе со славянофилами. «Манилов сидит в каждом народнике»¹, — замечал В. И. Ленин, применяя в дальнейшем понятие маниловщины к различным видам ликвидаторства, оппортунизма, контрреволюции, говоря о Манилове-меньшевике, Манилове-либерале, Манилове-кадете. На опасность «революционной» маниловщины указывал И. В. Сталин². Мало того, исключительная широта обобщения, заключённая в гоголевских образах, выводит их за пределы русской действительности, делает типичными и для основанного на угнетении и эксплуатации буржуазно-капиталистического строя. И в западноевропейских странах, иронически подчёркивал Белинский, имеются свои Чичиковы, «только в другом платье: во Франции и в Англии они не скупают мёртвые души, а подкупают живые души на свободных парла-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 298.

² И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 186.

ментских выборах!.. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда, но в сущности оба они не лучше друг друга». На это же указывал Чернышевский: «Во Франции, как и повсюду, есть свои Маниловы и Чичиковы... Германия, довольно скудная Чичиковыми, преизобилует Маниловыми... англичане мало расположены к маниловщине, как народ сухой, а Чичиковы там заняты биржевыми и фабричными проделками». А сколько прожжённых Сквозник-Дмухановских, хвастунишек Хлестаковых, ловких дельцов Чичиковых, грубо-неуклюжих Собакевичей и полицейских Держиморд можем мы насчитать сейчас в продажном стане маршаллизированных западноевропейских «демократий», в империалистическом лагере поджигателей войны!

Широта и мощь обличения представителей эксплуататорского общества — наглядное свидетельство глубоко демократического существа гоголевского художественного творчества. Действительно, сила ненависти и презрения Гоголя к «благородному нашему аристократству», к «надменной гордости безмозглого класса людей», к продажному чиновничеству всех степеней и рангов — ко всем этим «советникам», «начиная от титулярного до действительных тайных» — питалась у него, как и у Радищева, великой любовью к простому трудовому народу. «Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина! А доказательство в наше время», — писал Гоголь в период, непосредственно предшествующий созданию «Ревизора» и «Мёртвых душ»; а значительно позднее, как бы прямо в противовес своему утверждению о «глупости» «знатных» классов, замечал, что «между крестьянами особенно слышится оригинальность нашего русского ума».

Герцен прав, указывая, что «не будучи по происхождению подобно Кольцову, из народа, Гоголь принадлежал к народу по своим вкусам и по складу своего ума». К широким демократическим кругам читателей обращал Гоголь и своё творчество. Рассказывая в одном из писем к Пушкину о живом отклике на его «Вечера на хуторе близ Диканьки» со стороны типографских наборщиков, которые, едва его завидели, «давай прыскать и фыркать себе в руку», Гоголь полушутя добавляет: «Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни». Однако сам Пушкин воспринял этот эпизод с полной серьёзностью и сочувствием, видя в этом большую заслугу начинающего автора, свидетельство его подлинной народности. Пушкин прямо противопоставил в этом отношении творчество Гоголя творчеству западноевропейских писателей — прославленных представителей в области комического. Мальер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков», — писал Пушкин в своём печатном отзыве на «Вечера на хуторе...», передавая рассказ Гоголя.

Успех «Вечеров на хуторе...» у людей из народа был законо-

мерен. Гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» дышат большой и подлинной любовью автора к простому народу, чарующей, проникнутой тонким, ласковым юмором поэтичностью в изображении картин жизни украинского крестьянства.

Могучий образ народного героя, патриота, человека железной силы характера, безграничного в любви к своей родине, к своим боевым товарищам, сурово карающего изменника-сына, дан Гоголем в его красочной эпопее из эпохи национально-освободительных войн украинского народа с польскими панами — в повести «Тарас Бульба».

Буржуазное литературоведение пыталось представить Гоголя в качестве художника, рисующего русскую жизнь только мрачными красками. Это ложь и клевета на великого русского писателя-патриота. Ненавидя всеми силами души тёмные, уродливые порядки крепостнического строя, Гоголь страстно воспевал огромную силу, красоту, величие русского народа, русского трудового человека.

С особенной яркостью и силой любовь Гоголя к России и русскому народу, составляющая внутреннее существо, пафос всего его творчества, раскрывается в так называемых лирических отступлениях «Мёртвых душ». О необъятных пространствах своей родины, о меткой хватке русского народного ума, о богатстве и силе русского народного слова, о богатырской шире и мощи русского характера, о народной песне, звенящей из конца в конец по нескончаемым родным просторам, восторженно говорит здесь Гоголь. И речь его сама становится широкой, звучной и напевной, как раздольная народная песня.

Передовые современники Гоголя сравнивали впечатление от отвратительного «зверинца» помещиков и чиновников, беспощадно выставленного Гоголем на всенародное позорище, с впечатлением от зрелища анатомического вскрытия, с хождением по кругам Дантова ада. Но вдохновенные, полные горячей любви к своей родине и к своему народу лирические отступления делали «Мёртвые души» книгой в основе своей глубоко оптимистичной. Слишком наглядно выступало здесь вопиющее несоответствие между могучей страной с её великим народом и той жалкой и жадной сворой «дворянчиков», которые, по гневно-презрительным словам Герцена, высасывали «жизнь и кровь народа с тою же естественностью и наивностью, с какой питается ребёнок грудью своей матери». Слишком уж резко было это несоответствие, чтобы оно могло долго продолжаться. И вселяющим веру и бодрость заключительным мажорным аккордом звучала знаменитая концовка первого тома «Мёртвых душ» — сопоставление родной страны с «бойкой необгонимой тройкой», выносящей путника из мира пошлости и грязи — жалкого и презренного мира ноздрёвых, собакевичей, чичиковых — вперёд, в светлое будущее!

Дивный художник и глубоко социальный писатель-патриот, показавший без прикрас, во всём их отвратительном ничтожестве вековых насильников народа, автор «Ревизора» и первого тома «Мёртвых душ», Гоголь стал, говоря проникновенными словами Белинского, «надеждой, честью, славой» своей страны, «одним из великих вождей её на пути сознания, развития, прогресса», т. е. на пути освобождения народного от уз рабства и эксплуатации. Вслед за Белинским творчество Гоголя подняли и высоко понесли, как боевое знамя, деятели второго, революционно-демократического периода в развитии русского революционного движения — Чернышевский и Добролюбов, Некрасов и Салтыков-Щедрин.

Сам Гоголь, как известно, убоялся того революционно-демократического пути, на который толкала его и стремительно развивавшаяся жизнь русского общества, и логика его собственного творчества. Отказавшись идти нога в ногу со своими подлинными друзьями и союзниками, с Россией революционной, с Белинским, Гоголь в последние годы жизни оказался п одиноким, и беспомощным перед лицом России реакционной, отдался во власть религиозно-мистических настроений, написал и опубликовал реакционные «Выбранные места из переписки с друзьями», на которые с законной резкостью обрушился Белинский в своём замечательном «Письме к Гоголю». За всё это Гоголь заплатил дорогой ценой — тягчайшим творческим кризисом, уничтожением своих собственных новых творений, безвременной и глубоко трагической смертью. Но, говорит о Гоголе Чернышевский, «великого ума и высокой натуры человек был тот, кто первый научил знать наши недостатки и гнушаться ими. И что бы напоследок ни сделала из этого великого человека жизнь, не он был виноват в том. И если чем смутил нас он, всё это миновалось, а бессмертны остаются заслуги его».

Заслуги Гоголя воистину бессмертны. С именем Гоголя связан новый период в развитии русской литературы. Вслед за Гоголем, под его непосредственным воздействием возникла целая плеяда новых писателей, писателей гоголевской школы — великих художников критических реалистов, среди которых находятся самые блестящие имена русской классической литературы.

Произведения Гоголя получили широкое распространение и признание за рубежом.

Вместе с советским народом столетие со дня смерти Гоголя отметили все прогрессивные силы земли. Всемирный Совет Мира одобрил предложение провести юбилей Гоголя наряду с юбилеями тех людей, кто, благодаря значению своих трудов, принадлежит всему человечеству.

Огромная сила правдивых реалистических творений Гоголя высоко оценена В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

Ленин писал, что идеи Белинского и Гоголя «делали этих писателей дорогими... всякому порядочному человеку на Руси...» И. В. Сталин назвал Гоголя великим русским писателем.

В произведениях В. И. Ленина и И. В. Сталина часто используются бессмертные гоголевские образы. Великие вожди народа раскрыли огромное значение творчества Гоголя, значение его сатирических образов, его художественного мастерства для нашей современности. Гоголевские образы использованы вождями революции для разоблачения враждебных народу сил.

Критический реализм Гоголя является несравненной школой художественного мастерства и для советских писателей.

Гоголь смело разрабатывал жизненные конфликты. В его произведениях до сих пор нас волнуют и захватывают острые столкновения и противоречия, составляющие основу действия. Искусству разработки острых, правдивых конфликтов должны настойчиво учиться у Гоголя советские писатели. Утверждая новое, растущее, передовое, воссоздавая прекрасный образ нового, социалистического человека, наши писатели должны уметь по-гоголевски выводить на всеобщее посмеяние пустозвонную хлестаковщину, прекраснодушную маниловщину, грубую ноздрёвщину, ловкую и пронырливую чичиковщину, которые ещё притаились по разным тёмным углам и закоулкам.

Многие прекрасные особенности русской нации нашли замечательное воплощение под пером Гоголя, который был «русским национальным поэтом во всём пространстве этого слова» (Б е л и н с к и й).

Как драгоценный вклад в общую сокровищницу мировой культуры, высоко ценит великие художественные создания Гоголя всё прогрессивное человечество.

В. В. ГОЛУБКОВ

ИЗУЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА Н. В. ГОГОЛЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

I

Художественное мастерство Н. В. Гоголя — это лишь одна сторона многогранного творчества великого писателя, но она имеет столь существенное значение для учебно-воспитательной работы в школе, что заслуживает особого внимания учителя.

Чтение и изучение произведений Гоголя проходят через весь курс средней школы. Уже в V классе программа предлагает для внеклассного чтения «Вечера на хуторе близ Диканьки»; в VI классе для классной работы — «Тараса Бульбу» и отрывок из «Страшной мести» (описание Днепра), а для домашнего чтения — «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и «Старосветские помещики»; в VII классе для классной работы — комедию «Ревизор», а для домашнего чтения — «Женитьбу» и другие избранные произведения Гоголя; в VIII классе ученики должны знакомиться уже со всем творческим путём Гоголя и подробно анализировать «Мёртвые души»; в IX классе они вновь возвращаются к Гоголю и его историко-литературному значению в связи с изучением литературно-критических статей Белинского и Чернышевского; в X классе, повторяя в конце года основные этапы историко-литературного курса, ученики не могут не остановиться в этом широком историческом плане на выяснении роли Гоголя в русской и мировой литературе.

Таким образом, средняя школа имеет достаточно возможностей для того, чтобы ознакомить учащихся с художественным мастерством Гоголя.

Когда, в какой момент изучения творчества писателя следует ставить вопрос о его художественном мастерстве?

Школьная практика показывает, что некоторые преподаватели обращаются к этому вопросу лишь в самом конце изучения творчества писателя. Тем самым вопрос о художественном мастерстве рассматривается как особая тема, на которую отводится последний, заключительный урок.

Такая практика методологически порочна, так как исходит из предположения, что художественную форму можно изучать в отрыве от идейного содержания произведения.

Школьное изучение творчества писателя обычно проходит три основных этапа: чтение литературного материала, сообщение учителя о писателе, включающее в той или иной степени сведения о его методе и художественном мастерстве, и анализ литературных произведений, где художественным средствам писателя, его мастерству должно уделяться большое внимание. В такой последовательности надо изучать в школе и творчество Н. В. Гоголя.

Начнём с первого этапа — с чтения, роль которого в деле оценки учащимися писателя как мастера художественного слова чрезвычайно значительна.

Обычно непосредственное впечатление от прочитанного произведения имеет для читателя решающее значение: читатель уже в процессе чтения определяет, интересно это произведение или нет, хорошее оно (с его точки зрения) или плохое. Преподаватели, к сожалению, далеко не всегда учитывают эту непосредственную читательскую реакцию учащихся и ещё реже принимают меры к тому, чтобы направить, организовать, углубить восприятие текста.

Известно, что есть два типа чтения. Одних учащихся интересует по преимуществу занимательность произведения: они следят только за развитием действия, пропускают описания и всё то, что, по их мнению, не имеет прямого отношения к развёртыванию событий, спешат поскорее добраться до развязки и лишь по контексту догадываются о смысле читаемого. Такое чтение не даёт сколько-нибудь ясного представления о характере, композиции, языке произведения, а следовательно, и о художественном мастерстве писателя.

Есть читатели другого рода, которые останавливаются не только на событийной части произведения, но и на описаниях, на портрете, пейзаже, читатели, которые проявляют интерес к психологии героев и поэтому ищут и находят слова и выражения, в которых показаны те или иные стороны изображаемых характеров. Такие вдумчивые читатели, естественно, имеют больше материала для того, чтобы судить о художественном мастерстве писателя.

Задача школы — культивировать чтение второго типа, для чего она располагает такими средствами, как показательное чте-

ние учителя, слушание произведения в художественном исполнении чтецов и артистов на сцене и практика выразительного чтения учащихся. И чем шире применяются эти средства, тем в большей степени учащиеся уже на первом этапе непосредственного ознакомления с текстом подходят к пониманию художественного мастерства писателя.

Чтение в различных его формах, как основа для первоначальной оценки художественного произведения, при изучении Н. В. Гоголя имеет особое, исключительное значение. Это объясняется тем, что Гоголь принадлежал к тем писателям, для которых звучание слова, выразительное его произнесение было одним из путей выработки художественного мастерства.

Гоголь был мастером художественного чтения, и это имело самое прямое отношение к процессу его писательской деятельности. Художественное слово для Гоголя было не только написанным и видимым, но одновременно произносимым и слышимым, сопровождаемым той или иной интонацией. Мы имеем свидетельства, что Гоголь, создавая свои произведения, не только зрительно представлял себе воображаемых им людей, но и слышал их речь. «Мёртвые», — писал он из Парижа Жуковскому 12 ноября 1836 г., — текут живо... и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мной все наши, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, — словом, вся православная Русь... Ещё один Левиафан затевается. Священная дрожь пробирает меня заранее, как подумаю о нём: слышу кое-что из него» (XI, 74, 75).

Это слышание художественного слова, исключительная восприимчивость к его интонационно-звуковой стороне проявлялись у Гоголя в особенности тогда, когда он выступал в качестве чтеца собственных произведений. Известно, как мастерски читал Гоголь. Об этом рассказывают в воспоминаниях и письмах Щепкин, Тургенев, С. Т. Аксаков, Д. А. Оболенский и другие.

Вот как вспоминал об этом Д. А. Оболенский: «Гоголь мастерски читал: не только всякое слово у него выходило внятно, но, переменяя часто интонацию речи, он разнообразил её и представлял слушателя усваивать самые мелочные оттенки мысли... Меня в высшей степени поразила необыкновенная гармония речи... Он иногда, видимо, вставлял какое-нибудь звучное слово единственно для гармонического эффекта»¹.

Чувство звучащего слова проявлялось у Гоголя и в той своеобразной манере, в какой он диктовал свои произведения. «Николай Васильевич, — рассказывает П. В. Анненков, —

¹ Д. А. Оболенский, Воспоминания о Гоголе, «Русская старина», 1873, т. IV.

разложив перед собой тетрадку..., весь уходил в неё и начинал диктовать мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома «Мёртвых душ» приобрели в моей памяти особенный колорит. Это было похоже на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслью. Превосходный тон этой поэтической диктовки был так истинен в самом себе, что не мог быть ничем ослаблен или изменён... Случалось..., что он прекращал диктовку на моих орфографических заметках, обсуживал дело и, как будто не было ни малейшего перерыва в течении его мыслей, возвращался свободно к своему тону, к своей поэтической ноте. Помню, например, что, передавая ему написанную фразу, я вместо продиктованного им слова: «щекатурка» употребил «штукатурка». Гоголь остановился и спросил: «Отчего так?» — «Да правильнее, кажется». Гоголь побежал к книжным шкафам своим, вынул оттуда какой-то лексикон, приискал немецкий корень слова, русскую его передачу и, тщательно обследовав все доводы, закрыл книгу и поставил опять на место, сказав: «А за науку спасибо». Затем он сел попрежнему в кресла, помолчал немного, и снова полилась та же звучная..., возвышенная и волнующая речь»¹.

Надо обратить внимание на то, что, по словам Анненкова, перерывы в диктовке не мешали Гоголю сразу вернуться к тому же тону, к той же ноте. Интонация Гоголя как бы стала со словом, была неотъемлемой частью слова, почему и декламационность диктовки не заключала в себе ничего искусственного. И даже обычная речь Гоголя поражала собеседников выразительностью и той же естественной декламационностью. По словам П. В. Анненкова, Гоголь высказывал свои мысли «протяжным, медленно текущим голосом, исполненным силы и выразительности». О том же свидетельствует и Тургенев: «Гоголь говорил много, с оживлением, размеренно отталкивая и отчеканивая каждое слово — что не только не казалось неестественным, но, напротив, придавало его речи какую-то приятную вескость и впечатлительность»².

В особенности интересно то, что чуткость Гоголя к интонационно-звуковой стороне слова проявлялась в самом процессе создания его произведений.

В воспоминаниях Д. А. Оболенского мы читаем: «Граф А. П. Толстой рассказывал мне, что ему не раз приходилось слышать, как Гоголь писал свои «Мёртвые души»: проходя мимо дверей, ведущих в его комнату, он не раз слышал, как

¹ «Гоголь в воспоминаниях», стр. 270—271.

² Там же, стр. 532.

Гоголь один, в запертой горнице, будто бы с кем-то разговаривал, иногда самым неестественным голосом. В черновых рукописях видны следы этой работы. Каждый разговор переделывался Гоголем по нескольку раз. Зато как живо, верно и естественно говорят все его действующие лица»¹.

Все эти особенности Гоголя определяют в известной степени и работу преподавателя.

Если чтение вслух имело большое значение для самого Гоголя, помогая ему критически оценивать написанное и вносить в текст необходимые исправления, то не обязывает ли это и преподавателя уделить достаточное внимание интонационно-звуковой стороне гоголевского текста, не приводит ли его к выводу о том, что выразительное чтение и сценическое исполнение произведений Гоголя являются одним из очень существенных средств ознакомления учащихся с мастерством великого писателя.

Известно, какую роль в выразительном чтении играет интонация. Интонации в чтении текста могут быть в высшей степени многообразными, но всё же можно сказать, что у каждого писателя есть свои интонации, выражающие его личное отношение к жизни, его мировоззрение, его художественные задачи.

У Гоголя с его обострённо эмоциональным, лирическим восприятием действительности, основные интонации должны были проявляться с исключительной силой. Эти интонации и должны быть выяснены учителем, приступающим к выразительному чтению произведений Гоголя.

В V классе учитель в порядке внеклассного чтения знакомит учащихся с рассказами «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Уже в «Сорочинской ярмарке» — первом произведении, открывающем серию рассказов «Вечера на хуторе близ Диканьки», можно установить многообразие интонаций, определяемых сложным отношением автора к изображаемой действительности. Смешное, страшное, печальное, величественное и красивое, сменяя друг друга и переплетаясь одно с другим, проходят через весь рассказ и придают ему своеобразное звучание, характерное для стиля раннего Гоголя.

«Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землёю, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих!» Таким торжественно-патетическим тоном

¹ «Гоголь в воспоминаниях», стр. 549.

начинает «Сорочинскую ярмарку» Гоголь, восторгающийся красотой родной украинской природы.

Но этот тон тотчас же сменяется тоном юмористическим, когда Гоголь переходит к описанию быта и на сцену выступают Солопий Черевик и его суровая сожительница. «Треск отборных слов посыпался дождём на голову разгульного парубка: «Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том овете чорт бороду обжёл!» — «Вишь, как ругается», — сказал парубок...»

А юмористический тон, являющийся основным для всего рассказа, сменяется ещё новым тоном — передачей чувства страха перед таинственным, фантастическим: «Окно брякнуло с шумом; стёкла, звеня, вылетели вон, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, как будто спрашивая: а что вы тут делаете, добрые люди?... Ужас оковал всех находившихся в хате...»

И в заключение финальная картина весёлой, разгульной свадьбы, описанная в «Сорочинской ярмарке», заканчивается печальным элегическим размышлением: «Не так ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас, и напрасно одинокий звук думает выразить веселье... Не так ли резвые други бурной и вольной юности, поодиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют, наконец, одного, старинного брата их? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему!»

Это разнообразие интонаций Гоголя необходимо усвоить преподавателю, когда он будет читать «Сорочинскую ярмарку» на внеклассных занятиях. И чем больше он сумеет передать различные интонации рассказа и среди них выделить, как основную, интонацию юмора, добродушного смеха, сопровождаемого явным сочувствием к украинскому народу и его поэтическим сказкам и поверьям, тем в большей степени он заинтересует учащихся и подведёт их к пониманию смысла рассказа, а вместе с тем поможет оценить в пределах, доступных их возрасту, мастерство Гоголя-художника.

Те же интонации повторяются и в рассказах «Майская ночь», «Ночь перед Рождеством», с которыми также надо познакомить учеников V класса. Но интонации в этих рассказах даются в иных сочетаниях, и основной тон в каждом из них особый. Так, читая «Майскую ночь», надо передать тон торжественно-патетический в знаменитом описании украинской ночи («Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!...») и тон юмористический в изображении Каленика, головы и его свояченицы; однако основные интонации в чтении «Майской ночи» должны проявляться в передаче красоты молодости и первой робкой любви Ганны и Левко, в рассказе

о том, как «девушка, на поре семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская деревянной ручки, переступила через порог. В полуюсном мраке горели приветно, будто звёздочки, ясные очи...» Рядом с этим должна прозвучать другая основная интонация: передача страха и печали, охвативших Ганну, когда Левко рассказывал ей историю панночки и ведьмы.

Рассказы из «Вечеров на хуторе...» надо читать именно в V классе, и не только потому, что они отвечают интересам возраста, но ещё и потому, что их легко можно связать с тематикой классных занятий, с изучением народной поэзии и сказки Пушкина о мёртвой царевне и семи богатырях. Такие эпизоды, как рассказ о панночке и ведьме, непосредственно перекликаются с историей борьбы мачехи и падчерицы, нашедшей отражение и в народной сказке «Морозко», и в сказке Пушкина о мёртвой царевне.

VI класс представляет собой новый этап в ознакомлении учащихся с художественным мастерством Гоголя средствами активного восприятия текста.

В VI классе изучение Гоголя введено в программу классных занятий. Здесь учащиеся читают и разбирают повесть «Тарас Бульба» и описание Днепра (отрывок из повести «Страшная месть»). Учитель не только сам может прочитать вслух три-четыре отрывка для ознакомления с интонациями чтения «Тараса Бульбы», но и предложить учащимся подготовиться к выразительному чтению заранее намеченных текстов. Учитель может показать, что поскольку интонация передаёт отношение писателя к изображаемой действительности, его оценку тех или иных людей или событий, интонации здесь, так же как в чтении любого произведения, тесно связаны с идейной его направленностью, с основной задачей писателя.

Так, в «Тарасе Бульбе» основной задачей Гоголя было показать высокий патриотизм казачества, его героическую борьбу за свободу и независимость родины. Этим определяется основной тон чтения повести, тон торжественно-патетический. Но вместе с тем Гоголь как реалист стремится показать и тёмные стороны изображаемой жизни: широкий разгул казаков, иногда ослабляющий их боевую готовность, или беззащитное, тягостное положение казачки—матери и жены. Поэтому к основному, торжественно-патетическому тону присоединяются при чтении повести интонации дополнительные: тон лёгкой усмешки, добродушного юмора, когда Гоголь описывает быт запорожских казаков, и тон элегический, когда рисуется картина прощания матери с сыновьями.

Наряду с интонациями учащиеся выделяют в тексте логически и художественно значимые слова. Для произведений Гоголя, проникнутых глубоким лиризмом, характерно то, что эти значимые слова, выделяемые при чтении, имеют явно эмо-

циональный оттенок, связанный с той или иной интонацией в обрисовке людей и событий.

Так ученики читают о казаках, готовящихся к решающей битве: «Как орлы, озирали они вокруг себя очами всё поле и чернеющую вдаль судьбу свою... Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге!.. Будет, будет бандурист... и скажет он про них своё густое, могучее слово. И пойдёт дыбом по всему свету о них слава, и всё, что ни народится потом, заговорит о них. Ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной меди, в которую много повергнул мастер дорогого, чистого серебра, чтобы далече по городам, лачугам, палатам и весям разносился красный звон, сзывая равно всех на святую молитву».

Выделенные нами славянизмы (озирали, очами, повергнул, ибо, весям), эмоциональные эпитеты (густое, могучее слово), метафоры (красный звон), сравнения (слово, подобно гудящей меди) вполне соответствуют напряжённой, торжественной патетике этого лирического отступления Гоголя.

Совершенно иной характер имеет отбор слов и выражений в юмористическом изображении казацкого разгула после избрания нового кошевого: «Наконец хмель и утомление стали одолевать крепкие головы. И видно было, как то там, то в другом месте падал на землю казак; как товарищ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вместе с ним. Там гурьбою улеглась целая куча; там выбирал иной, как бы лучше ему улечься, и лёг прямо на деревянную колоду. Последний, который был покрепче, ещё выводит какие-то бессвязные речи; наконец, и того подкосила хмельная сила, и тот повалился. И заснула вся Сечь».

Комизм в положении казаков вызван тем, что как ни сильны, как ни крепки они были, вино их одолевало; захмелев, они стали слабыми, как дети: хмель одолевал их крепкие головы, они расчувствовались и даже плакали, речи их стали бессвязные, и т. п. В данном случае при чтении выделяются именно эти подчёркнутые слова, так как в них по преимуществу может быть выражена интонация лёгкого, добродушного смеха автора.

И снова по-иному отбираются Гоголем слова и выражения, когда ему надо нарисовать образ матери, передать чувство её горячей материнской любви и глубокой скорби: «Одна бедная мать не спала. Она припала к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом... она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться...» Скорбная

драма матери-казачки передана здесь такими эмоциональными словами, как приникла, бедная, дорогих, повторением усиливающегося в своём значении слова вся, гиперболой и противопоставлением (вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться). Всё это также надо выделить при чтении для передачи элегического тона автора.

Надо, чтобы учащиеся, готовясь к выразительному чтению, поняли из всех этих примеров, как искусно пользуется Гоголь языковыми средствами в полном соответствии с интонацией и как в конечном счёте и то и другое даёт ему возможность выразить идейную направленность повести. В этом проявляется его высокое художественное мастерство.

Третий этап в выразительном чтении произведений Гоголя — VII класс, где изучается «Ревизор».

Чтение по ролям «Ревизора» — обычное явление в VII классе. Все учителя, как правило, пользуются этим приёмом, но далеко не всегда учитель сопровождает такое чтение необходимыми методическими указаниями.

Для того чтобы ученики научились выразительно читать комедию, надо раскрыть им понятие комического и объяснить сущность сатиры Гоголя.

Разъясняя понятие комического, можно исходить из определения Н. Г. Чернышевского: «...пустота, бессмысленность формы, лишённой содержания, или имеющей претензии на содержание, несоразмерное её ничтожеству»¹.

В восприятии комического можно различать два момента: ожидание чего-то серьёзного, значительного и... неожиданное выяснение того обстоятельства, что на самом деле ничего значительного нет, а есть лишь пустота, ничтожество, форма без содержания.

Пример комического можно привести из повести «Тарас Бульба», из описания уже разобранный в VI классе отрывка. Когда хмель начал одолевать крепкие казацкие головы, «иной, — говорит Гоголь, — выбирал, как бы получше ему лечь». Читатель вправе ожидать, что этот казак действительно выбирал место помягче и поудобнее, но автор неожиданно добавляет: «и лёг прямо на деревянную колоду».

Комизм «Ревизора» основан на противоречии между тем, чем хотели казаться чиновники, и тем, что они в действительности представляли собой. Они считают себя вполне порядочными людьми, не видят ничего предосудительного в своём поведении (недаром городничий с полной искренностью говорит о себе: «Я сам, матушка, порядочный человек»; «Нет человека,

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. IV, М., 1949, стр. 115.

который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уж так самим богом устроено...»), а зрителю ясно, что за их значительными минами и серьёзными разговорами кроется пустота, грубость, казнокрадство, взяточничество.

Поэтому Гоголь постоянно настаивал на том, чтобы актёры, играющие городничего, Хлестакова, Бобчинского, Добчинского и других, ни в коем случае не старались смешить зрителей, нарочито подчёркивать комические стороны своего поведения. Они должны быть преисполнены сознания важности того, что они говорят и делают. 2 ноября 1846 г. Гоголь писал известному актёру Малого театра И. И. Сосницкому, что роль Хлестакова «непременно нужно сыграть в виде светского человека *comme il faut*, вовсе не с желанием сыграть лгуна и щелкопёра, но, напротив, с чистосердечным желанием сыграть роль чином выше своей собственной, но так, чтобы вышло само собою; в итоге всего, и лгунишка, и подляшка, и трусишка, и щелкопёр во всех отношениях» (XIII, 128).

В наиболее систематизированной форме Гоголь изложил свои взгляды на искусство сценического исполнения в «Предупреждении для тех, которые пожелали бы сыграть, как следует, «Ревизора».

«Больше всего надобно опасаться, — писал Гоголь, — чтобы не впасть в карикатуру. Ничего не должно быть преувеличенного или тривиального даже в последних ролях. Напротив, нужно особенно стараться актёру быть скромней, проще и как бы благородней, чем как в самом деле есть то лицо, которое представляется. Чем меньше будет думать актёр о том, чтобы смешить и быть смешным, тем более обнаружится смешное во взятой им роли. Смешное обнаружится само собой в той серьёзности, с какою занято своим делом каждое из лиц, выводимых в комедии. Все они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своим делом, как бы важнейшей задачей своей жизни... Умный актёр... должен рассмотреть, зачем призвана эта роль, должен рассмотреть главную и преимущественную заботу каждого лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляет постоянный предмет мыслей, вечный гвоздь, сидящий в голове. Поймавши эту главную заботу выведенного лица, актёр должен в такой силе исполниться ею сам, чтобы мысли и стремления взятого им лица как бы усвоились ему самому и пребывали бы в голове его неотлучно во всё время представления пьесы».

Так Гоголь заложил основы теории реалистического сценического исполнения.

Как читал «Ревизора» сам Гоголь? Тургенев, присутствовавший на таком чтении, рассказывал: «Гоголь... поразил меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и в то же время наивной искренностью, которой словно и дела нет — есть ли тут слушатели и что они думают.

Казалось, Гоголь только и заботился о том, как бы вникнуть в предмет, для него самого новый, и как бы вернее передать собственное впечатление. Эффект выходил необычайный — особенно в комических, юмористических местах... С каким недоумением, с каким изумлением Гоголь произнёс знаменитую фразу городничего о двух крысах: «Пришли, понюхали и пошли прочь!» — Он даже медленно оглянул нас, как бы спрашивая объяснения такого удивительного происшествия. Я только тут понял, как вообще неверно, поверхностно, с каким желанием только поскорей насмешить — обыкновенно разыгрывается на сцене «Ревизор». Я сидел, погружённый в радостное умиление: это был для меня настоящий пир и праздник»¹.

Конечно, к ученикам VII класса нельзя предъявлять требований артистического чтения. Педагогическая цель работы с учащимися в данном случае состоит в том, чтобы помочь им средствами активного, выразительного чтения яснее представить образы городничего, судьи, Бобчинского, Анны Андреевны и т. п. и, вместе с тем, понять комизм их характеров, понять всю глубину противоречия между тем, как они смотрят на себя, и тем, что представляют собой в действительности. Чем полнее и глубже эти задачи будут учителем выполнены, тем яснее станет для учащихся художественное мастерство Гоголя.

В VIII классе подводятся итоги тех знаний и навыков, какие приобретают учащиеся в области чтения произведений Гоголя.

Читая «Мёртвые души», учащиеся без труда выделяют две основные интонации: сатирическую, проходящую через всё содержание поэмы, и торжественно-патетическую, свойственную по преимуществу лирическим отступлениям автора. Эти две интонации целиком соответствуют тем двум путям, какими Гоголь раскрывает идейный смысл «Мёртвых душ». С одной стороны, Гоголь обличает господствующие классы, сатирически изображая своих современников, обывательский мир помещиков и чиновников, а с другой — выражает пламенную преданность родине и веру в её великое, светлое будущее. К этому можно добавить, что в «Мёртвых душах» можно найти отзвуки и других интонаций, какими Гоголь широко пользовался в «Вечерах на хуторе...» в раннюю пору писательской деятельности, — интонаций в передаче страшного и красивого. Но как снизился удельный вес этих интонаций, а главное, как они видоизменились, деформировались в «Мёртвых душах»!

Теперь, в период создания первого тома «Мёртвых душ», Гоголя уже не занимает сказочная фантастика — все эти Вии, черти, ведьмы, красные свитки, колдуны, — но перед ним

¹ «Гоголь в воспоминаниях», стр. 535—536.

встаёт призрак трагического в самой реальной действительности, его пугает засасывающая тина обывательской, помещичьей и чиновничьей жизни, власть ничтожных, низменных интересов, в которую погружены плюшкины, коробочки, ноздрёвы: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! Мог так измениться! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может стать с человеком... Грозная, страшная грядущая впереди старость, и ничего не отдаёт назад обратно...» Однако эта интонация трагического лишь на один момент входит в поэму, в лирическое отступление автора, для того чтобы сейчас же уступить место основной интонации — сатирической:

«— А не знаете ли вы какого-нибудь вашего приятеля?— сказал Плюшкин...,—которому бы понадобились беглые души?

— А у вас есть и беглые?—быстро спросил Чичиков...» и т. д.

Так же эпизодично, но с ещё большим переосмыслением в общесатирическом плане «Мёртвых душ» проходит интонация передачи прекрасного в природе и человеке.

Красота деревенского пейзажа, казалось бы, столь естественного в главах «Мёртвых душ», посвящённых изображению помещичьего быта, показана Гоголем только один раз. Это — описание живописного «в своём картинном запустении» сада Плюшкина, описание, которое по отбору эпитетов, метафор и сравнений несколько напоминает описания природы в «Вечерах на хуторе...» или в «Тарасе Бульбе». Но какая разница в композиционной роли этих описаний! Если «упоительный, роскошный летний день Малороссии», с описания которого начинается «Сорочинская ярмарка», вполне гармонирует с красочной картиной народной украинской жизни, если широкое раздолье степи, изображаемой в «Тарасе Бульбе», является вполне подходящей рамкой для портретов Бульбы и его сыновей, то красота плюшкинского сада показана только для контраста, для того, чтобы сильнее оттенить безобразие и ничтожество владельца этого сада, для того, чтобы ещё более усилить общий сатирический тон поэмы.

В «Мёртвых душах» не передаётся красота молодости так, как это сделано было в «Вечерах на хуторе...»: нет Ганны, Пидорки, Оксаны, но всё же есть образ губернаторской дочки, «молоденькой, шестнадцатилетней, с золотистыми волосами». Описание сцены встречи с ней Чичикова и пережитого им «чувства, не похожего на те, которые суждено ему чувствовать всю жизнь», требует при чтении особой интонации, ибо «герой наш уже был средних лет и осмотнительно-охлаждённого характера», и Гоголь говорит о мимолётном чувстве, охватившем Чичикова, для того, чтобы лишний раз посмеяться над его торгашеской, расчётливой душой: «Славная бабёшка!

...Ведь если, положим, этой девушке да придать тысячо-

нок двести приданого, из неё бы мог выдти очень, очень лакомый кусочек. Это бы могло составить, так сказать, счастье порядочного человека...»

Таким образом, интонации для передачи чувства страха и любования красотой почти не находят себе места в поэме «Мёртвые души». В ней, повторяем, чередуются два основных тона: сатирическая интонация для разоблачения командующих классов крепостнической России и торжественно-патетическая в гимнах, посвящённых будущему великой родины. И чем лучше учащиеся усвоят эти интонации в чтении «Мёртвых душ», тем ярче воспримут они настроенность Гоголя и его сложное отношение к русской жизни. Для них яснее станет и то, с каким гениальным мастерством Гоголь дал свет и тени в художественном единстве, почему «Мёртвые души» воспринимаются читателем как в высшей степени целостное произведение. Учитель должен отобрать в «Мёртвых душах» эпизоды, посильные для чтения учащимися и наиболее характерные для двух указанных выше интонаций. Для первой интонации — диалоги Чичикова и Собакевича, Чичикова и Манилова, Чичикова и Ноздрёва, Чичикова и Коробочки, дамы просто приятной и дамы приятной во всех отношениях и т. п. Для второй интонации — лирические отступления: о двух писателях, о Руси, о дороге и т. п., являющиеся в VIII классе материалом не только выразительного чтения, но и заучивания наизусть. Подготовка к чтению всех таких отрывков потребует осмысления анализа текста, но об этом будет сказано нами далее, в главе, посвящённой вопросам анализа, вопросам ознакомления учащихся с художественным мастерством Гоголя средствами изучения идейного содержания, композиции и языка его произведений.

II

Второй этап изучения Гоголя — вступительное слово учителя, обычно предшествующее самостоятельной работе учащихся над текстом. В VI и VII классах это вступительное слово перед анализом «Тараса Бульбы» и «Ревизора» бывает кратким, в VIII же классе развёртывается в лекцию, где даётся общая характеристика жизни и творчества Гоголя..

Остановимся на содержании этой лекции в VIII классе. Общая её задача состоит в том, чтобы выяснить основные черты творчества Гоголя как основоположника (вслед за Пушкиным) критического реализма и в этом плане рассмотреть тематику его произведений, особенности созданных им типических характеров и применяемых им художественных средств.

Критический реализм Гоголя вырабатывался одновременно двумя путями: практикой художественного творчества, тщательной работой над литературными произведениями и вме-

сте с тем теоретическим осмыслением творческого процесса и формированием взглядов на задачи и приёмы литературного мастерства.

Учитывая эти два пути, преподаватель в лекции, с одной стороны, сообщает о теоретических взглядах Гоголя, как они проявились в его «Записных книжках», в литературно-критических статьях, в учебной книге по словесности и т. п., а с другой — обращается для иллюстраций взглядов Гоголя к его произведениям, в особенности к тем, которые изучены в VI и VII классах и хорошо известны учащимся: к «Тарасу Бульбе» и «Ревизору».

Надо показать учащимся, что художественное мастерство Гоголя не было результатом одного только его дарования. Гоголь всю жизнь упорно работал над собой: он постепенно овладевал и самым материалом, и средствами его художественной обработки.

Что же надо сообщать учащимся о взглядах Гоголя на задачи литературного творчества?

Надо прежде всего рассказать о том, что Гоголь был продолжателем и в известном отношении учеником Пушкина. Подобно Пушкину, Гоголь считал, что писатель должен правдиво, верно отображать реальную действительность, ставя перед собой при этом общественно-воспитательные задачи. Но вместе с тем одной из наиболее существенных отличительных особенностей Гоголя, сравнительно с Пушкиным, был его юмор, переходящий в последних, лучших его произведениях в общественно-политическую сатиру.

Гоголь считал, что одно из самых действенных средств перевоспитания общества — осмеяние его типических недостатков, осмеяние того «презренного и ничтожного», что мешает дальнейшему его развитию. Когда Гоголя упрекали в том, что в «Ревизоре» он собрал одних только мошенников и подлецов и не противопоставил им ни одного честного человека, который мог бы для читателя стать примером, Гоголь отвечал, что роль этого честного, благородного лица играет у него смех: «Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, жёлчным, болезненным расположением характера; не тот также лёгкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей; но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека, — излетает из неё потому, что на дне её заключён вечно бьющий родник его, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без проникающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека» («Театральный разъезд после представления новой комедии», 1842).

Источником смеха Гоголя, направленного преимущественно на господствующие классы, на бездельников-дворян, эксплуатирующих крестьянский труд, на чиновников, грабящих народ,

была горячая любовь писателя к родине и вера в могучие духовные силы русского человека.

Они-то и были «вечно бьющим родником» в творчестве Гоголя, придавали особую остроту его юмору и сатире и сделали его реализм критическим, обличительным.

В свете такого понимания Гоголем задач литературы понятно и его неустанное стремление к изучению реальной действительности, и отбор тех явлений, тех человеческих качеств, которые были нужны ему для художественных обобщений.

Учитель должен рассказать о том, какой интерес проявлял Гоголь к человеческой психологии, особенно к пошлым, низменным человеческим качествам в их общественном значении, как внимательно вглядывался он в характеры своих друзей, знакомых и всех тех, с кем сталкивала его жизнь.

«Зоркий глаз его постоянно следил за душевными и характеристическими явлениями в других, — вспоминал о нём П. В. Анненков. — ...Сколько было тогда подмечено в некоторых общих приятелях мимолётных черт лукавства, мелкого искательства..., сколько разоблачено риторической пышности, за которой любит скрываться бедность взгляда и понимания; сколько открыто скудного житейского расчёта под маской приличия и благонамеренности!»¹ Богатый материал дали Гоголю поездки по России и встречи с людьми разных характеров и разного общественного положения. В «Воспоминаниях» Л. И. Арнольди (родственника А. О. Смирновой) мы читаем о том, как Гоголь по дороге из Москвы остановился в Малоярославце: Гоголь, познакоившись с местным городничим, «говорил с ним уже о купцах и внимательно расспрашивал, кто именно и чем торгует, где сбывает свои товары, каким промыслом занимаются крестьяне в уезде; бывают ли в городе ярмарки и тому подобное.

...явился половой и бойко повёл нас по лестнице в особый номер... Покуда мы обедали, он всё время разговаривал с половым, расспрашивал его, откуда он, сколько получает жалованья, где его родители, кто чаще других заходит к ним в трактир... хорош ли у них городничий и тому подобное. Расспросил о всех живущих в городе и близ города и остался очень доволен остроумными ответами бойкого парня...»²

Подобные наблюдения и расспросы Гоголя были продиктованы не простой любознательностью писателя. По мере того как Гоголь переходил на позиции критического реализма, он всё больше и больше проявлял интерес к вопросам хозяйственной и социально-политической жизни России, к вопросам общественной психологии и в особенности к нравам правящих общественных классов. В записных книжках Гоголя,

¹ «Гоголь в воспоминаниях», стр. 260.

² Там же, стр. 478—479.

относящихся к 1841 — 1846 гг., мы находим своего рода заготовки для создания типических характеров «Ревизора» и «Мёртвых душ». Гоголь записывает, какие бывают сельскохозяйственные работы и какими промыслами занимаются крестьяне, какие продукты продают они купцам и закупщикам, и как, какими путями идёт продажа хлеба, и какие бывают способы рыбной ловли и т. п.

Подробно записаны Гоголем «приметы дурного управителя», особенно угождающего барыне, «строного при сборе холстов и яиц, строго взыскивающего, чтобы баба принесла положенный кузов грибов и проч.». Подробно перечисляются в «Записных книжках» виды взяток прокурора и губернатора. Оказывается, взятки прокурора бывают четырёх видов: 1) общие — «от всех мест правительственных берёт взятки, 2) от случайных дел, 3) от уездных стряпчих, получающих много при следствиях; и 4) от откупщика». Взятки губернатора: а) «Самые нестыдные, неопасные взятки с откупщиков, которые берут и честные... Они берутся явно... б) Взятки с мерзавцев, замешанных в уголовных преступлениях... в) С старообрядцев во время ревизии и объезда всей губернии... Тут в виде хлеба-соли пук ассигнаций запекают в хлеб» и т. п. (VII, 354).

Исключительный интерес имеет запись под заголовком: «*Маски, надеваемые губернаторами*». Это: а) «*Маска благородного и воспитанного губернатора*: говорит о благородстве... Любит литературу», говорит, что «взятки вывести можно только воспитаньем, просвещеньем» и т. д.; б) «*Военный генерал — прямой человек*. Жалуется на то, что все воры и мошенники..., что секретарь его мерзавец... Но сам берёт взятки через секретаря»; в) «*Губернатор — делец*... делает всё сам и берёт сам, потому что знает, как брать... Видит промысл и волю провидения во всяком случае своей жизни и рассказывает подвиги правды своей, но скрывает все подлости и взятки...» (VII, 355).

Так собирал и обобщал Гоголь материал для художественного изображения русской жизни.

Ясно, что не абстрактная «пошлость пошлого человека» интересовала здесь Гоголя: его интересовали экономический, социальный быт русского народа и злоупотребления правящих классов.

В том же направлении и с теми же целями собирал Гоголь материал и через своих корреспондентов.

Наряду с обобщением наблюдений над жизнью русского общества в записных книжках Гоголя отражается тщательная и систематическая работа его над языком, отбор и истолкование русских слов, большинством которых писатель потом воспользовался для художественных целей. Записные книжки в основной своей части — толковый словарь, в котором много-

численные русские слова, записанные и прокомментированные Гоголем, группируются обычно по темам: хлебопашество, ремёсла и торговля, виды деревьев, породы собак, их клички, названия блюд, названия игральные карт, птички и звериные крики, рыболовные снасти и т. п., хотя неоднократно даётся перечень и объяснение слов, тематически между собой не связанных. Подавляющее большинство этих слов взято из общенародного русского языка.

Особенный интерес проявляет Гоголь к народной речи. Он записывает поговорки: «в лапоть звонить», «рожна ему хочется», «чорт по ночам горох молотил на роже», «с глаз-то воровата, а с разума проста». Записывает диалоги, образцы народного остроумия. Вот два примера.

В деревню приехал заседатель для сбора подушной подати. Сотский лежит в избе на печи. К нему приходят сообщить о приезде начальства. Начинается диалог.

У Гоголя он записан так:

«Сцена на печи.

Выглядывает из-за двери.

— Соцкий!

— Ге!

— То-то ге! Создатель приехал.

— Из чего ж слышно?

— То-то из чего? Из подушной!

— Ну так що ж?

— То-то що! Курицу слопал да другу просыть» (VII, 324).

Или вот записанный Гоголем шуточный диалог, замечательный по силе словесной выразительности:

«Встреча мужиков.

— Сват, здорово!

— Здорово, сват!

— А что табак-от есть?

— Есть.

— Ну ещё здорово! (Нюхает.)

— Да что ж ты, сват, к нам того...

— Я было того, жена-то таё, я так уж и ну». (VII, 325).

Но для понимания художественного мастерства Гоголя существенно установить, каким путём он превращал записанные им слова и выражения в художественный язык, как он вырабатывал свойственный ему стиль.

В статье «Несколько слов о Пушкине» (1835) Гоголь ставит в заслугу Пушкину три особенности его художественного языка.

Язык Пушкина национален: «В нём, как будто в лексиконе, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка» (6, 33).

Вторая особенность языка Пушкина, по мнению Гоголя, состоит в том, что его язык всегда соответствовал цели и пред-

мету изображения. Он был верен «одной истине: быть высоким там, где высок предмет, быть резким и смелым, где истинно резкое и смелое, быть спокойным и тихим, где не кипит происшествие» (6, 36).

И третье достоинство языка Пушкина Гоголь видел «в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет». В лирических стихотворениях Пушкина: «Слов немного, но они так точны, что обозначают всё. В каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт» (6, 38).

В этом хвалебном гимне своему учителю Гоголь наметил критерии поэтического языка, которым он стремился следовать и в своей художественной практике.

Язык Гоголя, так же как язык Пушкина, имеет чисто русский, национальный характер. Гоголь упорно старался осваивать литературный язык от той иностранщины, которая в то время была модной в дворянских, особенно в аристократических кругах, освободить от влияния жаргонов.

Именно поэтому Гоголь, отделявая свои произведения, тщательно изгонял из них иностранные слова, если их можно было заменить русскими. Так, вместо «флегматическая наружность» он пишет «хладнокровная наружность», вместо «озадаченный такой характеристикой» — «озадаченный таким определением» и т. п. Если Гоголь оставляет в тексте французские слова, то лишь в устах модных молодых людей и дам дворянского общества и оставляет со специальной целью заклеить лишний раз оторванность дворянства от народа.

Гоголь отказывается также и от мифологических терминов, которыми любили пользоваться поэты XVIII и начала XIX в. Если у него встречаются имена классических богов и героев, то исключительно с целями сатирическими. Так, чиновников губернского присутствия, казнокрадов и взяточников, он именует жрецами Фемиды, а сыновей Манилова наделяет именами Фемистоклос и Алкид.

Гоголь внедряет в русский литературный язык просторечие города и деревни, пользуясь в значительной степени своими материалами, собранными в записных книжках.

Подобно Пушкину Гоголь считает необходимым согласовывать языковые средства с задачами и предметом художественного изображения. В особенности настойчиво он разрабатывает мастерство передачи обыденной бытовой речи, добиваясь того, чтобы самые простые слова давали яркие, живые образы и передавали то особое отношение к жизни, которое получило название юмора Гоголя.

Столь же упорно работает Гоголь и над максимальной содержательностью и выразительностью своего языка, над умением в немногих словах сказать многое.

Совершенство своё художественное мастерство, Гоголь наряду с языком подошёл и к вопросам композиции.

В литературной науке первой половины XIX в. вопросам композиции произведения не уделялось достаточного внимания, и самый этот термин ещё не вошёл в научный обиход, но Гоголь затрагивал эти вопросы и в своих критических оценках русских и иностранных писателей (например, Мериме), и в статьях о живописи (например, о картине Брюллова «Последний день Помпеи»), и об архитектуре (в особенности готической), а также в подготовляемой, но не законченной «Учебной книге словесности для русского юношества» (1844 — 1846).

Выясняя в «Учебной книге» особенности поэзии повествовательной или драматической, Гоголь говорит о том, что организирующим началом произведения является идея, но эта идея должна быть художественно раскрыта в ряде связанных между собой и взятых из жизни образов; это и придаёт произведению единство, цельность и значительность. «Значительность поэзии повествовательной или драматической, — говорит Гоголь, — увеличивается по мере того, как поэт стремится доказать какую-нибудь мысль и, чтобы развить эту мысль, призывает в действие живые лица, из которых каждое своей правдивостью и верным сколком с природы увлекает внимание читателя и, разыгрывая роль свою, ему данную автором, служит к доказательству его мысли. По мере того, чем совершается это естественней, и всё происшествие кажется живым, естественным случаем, недавно случившимся, между тем как внутренне двинуто глубоким логическим выводом ума».

А в главе о романе в той же «Учебной книге» Гоголь ещё резче подчёркивает необходимость внутреннего идейного единства в произведении всех эпизодов и всех действующих лиц. «Всякий приход в романе лица, вначале, повидимому, незначительный, уже возвещает об его участии потом... Здесь, как в драме, допускается одно только... тесное соединение между собой лиц; всякие же дальние между ними отношения, или же встречи такого рода, без которых можно обойтись, есть порок в романе, делают его растянутым и скучным».

Таков круг сведений, какие можно сообщить учащимся, говоря о теоретических взглядах Гоголя по вопросам художественного творчества. Нетрудно объяснить, что эти теоретические положения Гоголя имели самое прямое отношение к тому, что носит название критического реализма. Именно в целях реалистического изображения тёмных сторон общественно-политической жизни, в целях их критической оценки и разоблачения Гоголь тщательно отбирал и обобщал явления действительности, в этих целях он усиленно работал над языком, добываясь простоты, общепонятности и выразительности изложения, в этих же целях он искал таких композиционных

форм, которые давали бы ему возможность раскрыть глубокое идейное содержание с максимальной ясностью и чёткостью.

Общественно-политическая направленность, идейность творчества, правдивость и типичность образов, юмор, переходящий в сатиру в изображении жизни правящих классов, стремление найти словесно-художественные и композиционные средства, в наибольшей степени отвечающие задачам идейного, критического реализма, — вот отличительные черты Гоголя, как они сказались в его записных книжках, в его «Учебной книге по теории словесности» и в критических статьях.

Но для того чтобы конкретизировать эти теоретические взгляды Гоголя и тем самым сделать их более понятными учащимся, преподаватель в той же лекции проиллюстрирует свои выводы примерами из произведений, изученных в VI и VII классах, главным образом из «Ревизора». В том-то и проявилось мастерство великого писателя, что его теоретические взгляды на литературу нашли блестящее отображение в его художественной практике.

Преподаватель начнёт с того, что напомним учащимся о задачах, какие ставил перед собой писатель в «Ревизоре», о том, какой общественно-политический смысл имела комедия и как отозвались на неё прогрессивно и реакционно настроенные читатели, современники Гоголя.

В свете сатирических задач комедии станет понятно, почему Гоголь обратился к реальной, повседневной действительности, почему он взял из неё самое существенное, характерное и превратил в типические образы.

Мастерство Гоголя проявилось в том, что, изобразив в «Ревизоре» типических провинциальных чиновников, помещиков и мещан, он наделил каждого из них отчётливо показанными индивидуальными чертами: городничего — грубостью и честолюбием, попечителя богоугодных заведений — подлостью, судью — халатным отношением к делу, зрителя училищ — паническим страхом перед начальством и т. д. Зритель не смешает героев «Ревизора»: у каждого из них — ясно выраженное лицо. Но все эти черты показаны в плане общей идеи комедии, т. е. все вскрывают социальную сторону характеров чиновников, рисуя их отношение к своим обязанностям, друг к другу, к подчинённым, к народу. В том же плане даны и семейные отношения в доме городничего. Мы не знаем, как относился городничий к жене: любил ли её, верил ли ей — это в комедии не раскрыто. Но мы знаем, что семейный быт влиял на его общественные отношения, толкал его на лишние взятки, на то, чтобы, кроме шубы в 500 рублей для себя, взять с купцов ещё «супруге шаль».

Таким образом, индивидуализируя своих героев, Гоголь подчёркивает их типичность, но типичность сугубо социаль-

ную, имеющую целью разоблачить «несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости».

В связи с этим Гоголь очень экономен в характеристике героев. Перерабатывая варианты «Ревизора», он решительно отбрасывает то, что само по себе для полноты характеристики было бы и важно, но в данном случае, для показа социальной сущности чиновничьего мира, оказывается излишним и мешающим ясному раскрытию основной идеи. Так, в первоначальных вариантах Анна Андреевна рассказывала дочке о штаб-ротмистре Ставрокопытове, который из-за неё якобы «хотел непременно застрелиться, да как-то пистолеты куда-то запропастились; а случись пистолеты, его давно бы уже не было на свете». В окончательной редакции этого рассказа нет.

В комедии нет ни одного действующего лица, хотя бы самого второстепенного, нет ни одной сцены, нет ни одной детали, которые не были бы необходимыми, не были бы подчинены основной задаче «Ревизора». Всё очень плотно пригнано одно к другому в этой поистине классической комедии.

Но композиционное мастерство Гоголя в «Ревизоре» проявляется, наряду со стройной системой образов, в чётком развитии действия.

Исходя из указания Гоголя о том, что завязкой комедии может быть страх ожидания кары за совершённые беззакония, следует определить в «Ревизоре» основную интригу, завязку, развязку и кульминацию и показать учащимся, что и здесь композиция продиктована идейным замыслом Гоголя. Чем дальше развивается действие, чем сильнее становится страх чиновников перед воображаемым ревизором и чем больше усиливает этот страх Хлестаков своим безудержным фанфаронством, тем шире и шире разворачивается перед нами закулисная сторона жизни уездного города, тем яснее вскрываются преступления чиновников, пустота жизни городских помещиков и бесправие общественных низов.

В самой тесной и непосредственной связи с изучением композиции находится и анализ языка «Ревизора», так как своеобразие речи того или другого персонажа для всякого драматурга является одним из основных компонентов характеристики.

Выше говорилось о том, с каким мастерством показывает Гоголь «дела» своих героев, их поступки и отношение к окружающим, для того чтобы зритель ясно видел их индивидуальные особенности и вместе с тем понимал их типическое, обобщающее значение.

С этой же целью отделявал Гоголь и «слово», т. е. язык героев.

Возьмём для примера городничего и Хлестакова и сопоставим их речь по лексике и синтаксису.

Язык городничего по своему лексикону и по наличию не только простых, но и сложных предложений, правильно построенных, — литературный язык, которым говорили люди, получившие известное образование. Он употребляет такие слова, как вольтерьянцы, ассирияне, вавилоняне, Александр Македонский, и такие книжные обороты, как «перед добродетелью всё прах и суета». Нередко пользуется городничий и канцелярским, служебным языком: «ассигнована сумма», «рапорт представил», «сообщите известие». Но наиболее характерная особенность языка городничего, выделяющая его из ряда других чиновников, — обилие просторечных слов.

Слова, заимствованные из иностранных языков (например, фриштик, аллегии и экивоки), — редкость в речи городничего. Он любил пользоваться народными выражениями, часто не лишёнными выразительности и сочности, как например: «подбирались к другим городам», «эк, куда хватили!», «теперь я задам перцу», «с каким дьяволом породнились» и т. п. В просторечии городничего преобладают грубые, бранные слова: «сто чертей и одна ведьма вам в зубы», «самоварники, аршинники, надувалы морские», «разопрёт тебе брюхо» и т. п.

Всё это индивидуализирует образ городничего, выделяет его из ряда других персонажей комедии, а вместе с тем подчёркивает типические черты чиновника крепостной эпохи, начавшего службу с маленьких чинов, пробившего себе дорогу с помощью природного ума, изворотливости и плутовства, внешне отшлифованного постоянным общением с дворянско-чиновничьей средой, но по существу человека грубого, некультурного.

Язык Хлестакова — также в общем литературный язык, но в нём бросаются в глаза две другие особенности. Одна — это стремление (имеющее комический характер) к тому светскому, дворянскому жаргону, господствовавшему в высшем обществе, который характеризовался наличием некоторых специфических слов, отражавших вкусы аристократии, некоторых выражений из просторечия и, наконец, иностранных слов. Эта сторона речи Хлестакова проявляется главным образом в его диалогах с дамами, перед которыми он хочет блеснуть своими манерами. «Как я счастлив, сударыня, что имею в своём роде удовольствие вас видеть» — это обращение к Анне Андреевне должно показать светскость Хлестакова, но оно испорчено некстати вставленными им словами: «в своём роде».

«Возле вас стоять уже есть счастье... Как я счастлив, что, наконец, сижу возле вас» — снова любезная фраза, испорченная вставкой «наконец».

«Привыкли жить, *comprenez-vous*, в свете и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества» (в первоначальной редакции французских слов не было, — они вставле-

ны Гоголем при окончательной отделке комедии, для усиления «светского тона» в речи Хлестакова). С той же целью пустить пыль в глаза провинциалам своей образованностью Хлестаков сыплет такими именами, как Фигаро, Роберт Дьявол, Норма, барон Брамбеус, Юрий Милославский и т. п., и даже цитирует наизусть (совершенно некстати) стихи из оды Ломоносова: «О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек!»

Другая сторона речи Хлестакова — грубые слова, с которыми он обращается в минуты раздражения к Осипу и трактирному слуге: «Дурак! Грубое животное! Ах ты, дурак! Поросёнок ты этакий. Канальи!» и т. п. Это — привычные слова для дворянских Митрофанов, воспитанных на крепостных хлебах, на руках крепостных мамок и дядек.

Что касается синтаксического строя речи, то и в этом отношении Хлестаков очень отличается от городничего. Хлестаков не способен к длительной связной речи, он если и пользуется сложными предложениями, то лишь такими, которые состоят из двух коротких предложений: главного и придаточного. Преобладают в его речи отрывочные фразы, часто не законченные. Вот образец его речи:

«У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся. Графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно жжж... Иной раз и министр... Мне даже на пакетах пишут — Ваше Превосходительство...»

Особенности речи Хлестакова выполняют ту же роль, что и особенности в языке городничего. Они резче оттеняют индивидуальные отличительные свойства этого персонажа и одновременно подчёркивают типические черты Хлестакова как дворянского сынка, нахватавшегося кое-каких верхов светской дворянской образованности, но пустого, грубого, не способного ни к какой работе — черты, характерные для дворянского класса в период начавшегося дворянского разорения.

Говоря о языке «Ревизора», необходимо остановиться ещё на одной стороне мастерства Гоголя: на его умении сделать язык комедии возможно более действенным, выразительным.

Для слова, произносимого со сцены, существенно не только то, чтобы оно ярче характеризовало действующих лиц; не менее важно, чтобы оно действовало на чувства зрителя, волновало его, заставляло глубже переживать то, что происходит на сцене.

Одним из средств усиления этого эмоционального воздействия является подбор живописующих, действенных слов и особое построение предложений.

В первоначальной редакции городничий, отвечая на предложение судьи попотчевать его собачонкой, говорил: «Бог с ними теперь, с вашими зайцами!

...Так и ожидаю, отворится дверь и войдёт...»

В настоящее время мы слышим со сцены: «Батюшка, не милы мне теперь ваши зайцы... Так и ждёшь, что вот отворится дверь и — шасть!»

Последняя редакция живее и действеннее: ждёшь и шасть экспрессивнее, чем ожидаю и войдёт.

То же и с синтаксическими особенностями речи.

Вот для сопоставления два начала «Ревизора».

В первоначальной редакции

Г о р о д н и ч и й. Я пригласил вас, господа... Вот и Артемия Филипповича и Аммоса Фёдоровича, Луку Лукича и Христиана Ивановича... с тем, чтобы сообщить вам одно пренеприятное известие. Меня уведомляют, что отправился инкогнито, из Петербурга, чиновник с секретным предписанием обривизовать в нашей губернии всё относящееся по части гражданского управления.

Аммос Фёдорович. Что вы говорите? Чиновник-инкогнито?

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч (в испуге). Из Петербурга, с секретным предписанием?

Л у к а Л у к и ч. Обривизовать гражданское устройство?

Г о р о д н и ч и й. Я признаюсь вам откровенно, что я очень потревожился... Я как будто предчувствовал...

В окончательной редакции

Г о р о д н и ч и й. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор!

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Как ревизор?

А р т ё м и й Ф и л и п п о в и ч. Как ревизор?

Г о р о д н и ч и й. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И ещё с секретным предписанием!

А м м о с Ф ё д о р о в и ч. Вот те на!

А р т е м и й Ф и л и п п о в и ч. Вот не было заботы, так подай!

Л у к а Л у к и ч. Господи боже, ещё и с секретным предписанием!

Г о р о д н и ч и й. Я как будто предчувствовал...

Нетрудно показать, сопоставляя в двух редакциях сообщение городничего и реплики чиновников, что работа Гоголя над языком шла по линии большей живости диалога, большей эмоциональности и выразительности каждого высказывания.

III

Третий (и основной) этап изучения художественного мастерства Гоголя в VIII классе — самостоятельная работа учащихся над текстом «Мёртвых душ».

Для того чтобы такая работа была продуктивна, необходимо предварительно создать для неё благоприятные условия. Преподаватель заблаговременно должен позаботиться о том,

чтобы все ученики прочитали «Мёртвые души», а для усиления интереса к поэме Гоголя должен сам выразительно прочитать первую главу или хотя бы её начало, интонационно подчёркивая наиболее существенные детали. В последующей лекции преподаватель знакомит учащихся с особенностями реализма Гоголя и с его мастерством, после чего в краткой ориентировочной беседе проверяет, насколько основательно учащиеся прочитали поэму, и разъясняет задание для самостоятельной работы над текстом. После такой подготовки можно быть уверенным, что учащиеся справятся с заданием.

При этом следует иметь в виду, что изучение «Мёртвых душ», помимо своей прямой задачи — выяснения идейной и художественной сущности произведения, имеет и большое общедидактическое значение: оно вырабатывает у учащихся навыки самостоятельного анализа, которые они будут применять потом в работе и над другим материалом.

Выше мы отмечали общедидактическую ценность чтения произведений Гоголя, связанную с его исключительной чуткостью к звуковой стороне слова. То же надо сказать и об анализе поэмы.

Гоголь принадлежал к писателям, предъявлявшим к своей работе над текстом максимальную требовательность. «Вследствие устройства головы моей, — писал он 28 февраля 1843 г. Шевырёву, — я могу работать вследствие только глубоких обдумываний и соображений, и никакая сила не может заставить меня произвести, а тем более выдать вещь, которой незрелость и слабость я уже вижу сам; я могу умереть с голода, но не выдам безрассудного, необдуманного творения» (XII, 144—145).

Гоголь всегда стремился, по его выражению, «производить плотное создание, сущное, твёрдое, освобождённое от излишеств и неумеренности, вполне ясное и совершенное в высокой трезвости духа». Но для того чтобы достигнуть такого совершенства, Гоголь много раз переделывал свои черновики, исправлял, добавлял, выбрасывал целые сцены или писал новые.

Эта напряжённая работа творческой мысли Гоголя имеет для школьного преподавания двоякое значение. Произведения Гоголя, признанные им законченными или достойными опубликования, представляют собой совершенные образцы литературного творчества. «Тарас Бульба», «Ревизор», «Мёртвые души» — шедевры, дающие возможность нашим ученикам изучать законы и нормы художественного мастерства. А вместе с тем некоторое ознакомление учащихся с вариантами первоначальных редакций произведений Гоголя вводит учащихся в лабораторию его творчества, показывает, каким путём шёл писатель, какими словесными и композиционными

приёмами он пользовался, чтобы добиться художественного совершенства.

В задачу настоящей статьи не входит подробный анализ «Мёртвых душ»: такой анализ читатель найдёт в других статьях нашего сборника. Наша задача — наметить лишь тот основной путь работы учащихся над поэмой, который поможет им возможно яснее понять сущность художественного мастерства Гоголя.

С чего начинать анализ «Мёртвых душ»? Если учащиеся получили ту предварительную подготовку к самостоятельной работе над текстом, о которой говорилось выше, можно начинать с постановки коренного вопроса: в чём основной идейный смысл «Мёртвых душ»?

Не следует думать, что учащиеся сразу дадут на этот вопрос развёрнутый, тем более — исчерпывающий ответ. Ответ будет дан лишь в общей форме и будет иметь предварительный характер; это — гипотеза, нуждающаяся в проверке и уточнении, а для того чтобы её проверить, надо обратиться к анализу образов, композиции и словесно-художественных средств произведения.

Тем не менее начать анализ надо с общего вопроса об идейном смысле «Мёртвых душ», так как это сразу даёт учащимся правильное направление дальнейшей работы над текстом. Это побудит их все художественные особенности поэмы рассматривать в плане раскрытия её идейного содержания, что, естественно, приведёт к пониманию художественного мастерства Гоголя.

От постановки вопроса об общей идее закономерен переход к плану и композиции «Мёртвых душ».

Общими силами класса составляется план поэмы по главам с указанием важнейших вставных эпизодов и лирических отступлений в следующей форме:

Развитие сюжета	Вставные эпизоды	Лирические отступления
1. Приезд Чичикова в город		
2. Чичиков у Манилова		
3. Чичиков у Коробочки		
4. На постоялом дворе. Чичиков у Ноздрёва		

Развитие сюжета	Вставные эпизоды	Лирические отступления
5. Чичиков у Собакевича		О метком русском слове
6. Чичиков у Плюшкина		Воспоминания о юности
7. В гражданской палате		О двух писателях. О крестьянах, купленных Чичиковым
8. На балу у губернатора: разоблачение Чичикова		
9. Волнение в городе	Происшествие с купцами и с заседателем Дробяжкиным	
10. Волнение усиливается	Повесть о капитане Копейкине	
11. Отъезд Чичикова из города	Биография Чичикова. Рассказ о Кифе Мокиевиче и Мокиеве Кифовиче	Русь! Русь... Дорога. Русь-тройка

Как видно из этого плана, в «Мёртвых душах» надо различать три ряда взаимно связанных компонентов.

1. Основной костяк поэмы — образы и события, непосредственно связанные с ведущей сюжетной линией — с «похождениями Чичикова».

2. Вводные эпизоды, с первого взгляда представляющиеся инородными в развитии сюжета («Повесть о капитане Копейкине» и т. п.), но в действительности очень существенные и необходимые для раскрытия замысла писателя.

3. Лирические отступления, также по своему торжественно-патетическому тону как будто противоречащие общему сатирическому характеру повествования, на самом же деле имеющие колоссальное значение для выявления идейного содержания поэмы.

Сюжет «Мёртвых душ» замкнут в художественную рамку, придающую повествованию внешнюю стройность и закон-

ченность: приезд Чичикова в губернский город (1-я глава) — отъезд Чичикова из города (11-я глава).

Завязкой для развития сюжета в «Мёртвых душах» служит не любовная интрига, а мотивы самого прозаического свойства — попытка путём хитро задуманной авантюры нажить капитал. Мотив любовного увлечения Чичикова введён в поэму, но он играет служебную роль: в этом увлечении на первом месте стоит мечта о приданом («тысячонок двести»), что ещё более подчёркивает приобретательский азарт героя.

Гоголь предпочёл избрать для своей поэмы прозаическую завязку потому, что считал её наиболее подходящей для изображаемой среды, потому что она давала возможность в произведении «обнимать все лица, а не одно или два, коснуться того, что волнует более или менее всех...»

И действительно, мы видим, что авантюрная интрига, определяющая ход действия в поэме, захватывает прямо или косвенно всех героев: тайна покупки «Мёртвых душ» волнует всё губернское общество.

Но вот какой вопрос обычно возникает перед учащимися: чем объяснить, что действие в «Мёртвых душах» развёртывается по-разному в первых семи главах и в последних четырёх? В первых главах оно развивается замедленно, и лишь с восьмой главы, когда среди чиновников и во всём городе разрастается волнение, действие принимает характер динамический.

Кажущаяся статичность первых семи глав объясняется своеобразием сюжетной интриги: в этих главах рассказывается о том, как постепенно ловкий авантюрист вовлекает в свой преступный замысел одного помещика за другим, как помещики, одни по расчету, а другие по наивности и недомыслию, легко поддаются на это, так как не обладают большой щепетильностью по части морали и законности; как далее Чичиков вовлекает в интригу и губернских чиновников, начиная с Ивана Антоновича Кувшинное рыло и кончая председателем губернского присутствия.

И только тогда, когда замысел осуществлён и все оказались так или иначе связанными с Чичиковым соучастием в преступной сделке, когда Чичиков объявлен «миллионщиком» и торжествует, когда за ним наперерыв ухаживают на губернаторском балу все дамы, тут-то, в восьмой главе, и разражается катастрофа. Чичиков разоблачён как авантюрист, но его авантюра остаётся неразгаданной тайной, и это пугает чиновников. Страх перед ожидаемой карой вызывает на свет пустую и преступную закулисную жизнь города.

Так, в связи с общими идейными задачами, поставленными Гоголем в первом томе «Мёртвых душ», можно объяснить особенности сюжетного развития поэмы.

Следует, кроме того, добавить, что замедленное развитие

сюжета в первых семи главах, где в основном рассказано о «похождениях» Чичикова, о разъездах его по дворянским усадьбам, представляло для Гоголя большие удобства, так как давало возможность создать галерею образов провинциальных помещиков — владельцев крепостных душ.

Что же добавляли ко всему этому вставные эпизоды «Мёртвых душ»? Надо остановиться на двух из них, наиболее значительных для раскрытия общественно-политического смысла поэмы: на «Повести о капитане Копейкине» и на эпизоде с заседателем Дробяжкиным.

Преподаватель сообщает о первоначальном варианте «Повести о капитане Копейкине» и предлагает сопоставить с тем текстом, какой известен учащимся. Это сопоставление приводит учащихся к выводу, что Гоголь нападал отнюдь не на одних только мелких провинциальных чиновников, — он имел в виду весь бюрократический аппарат крепостнической России, начиная с канцелярского писца и кончая министром.

Наряду с «Повестью о капитане Копейкине» известное значение для понимания идейной направленности «Мёртвых душ» имеет эпизод с заседателем Дробяжкиным, который был убит крестьянами за «несправедливые притеснения». Этот эпизод, введённый в девятую главу, говорит о том, что Гоголь характеризовал чиновников не только со стороны их взяток и халатного отношения к своим обязанностям: он пытался заглянуть глубже в жизнь современной ему деревни и показать (в завуалированной форме) то своеволие правительственных властей, которое поднимало крестьян на бунты и восстания.

Вставные эпизоды, таким образом, усиливали сатирический смысл «Мёртвых душ». Недаром поэма Гоголя вызвала столь враждебный отпор в реакционных кругах правительства и дворянской аристократии и недаром Герцен в статье «О развитии революционных идей в России» увидел заслугу Гоголя в «Мёртвых душах» в том, что он «выставил на показ... Россию дворянчиков,... крепостников, которых мы, наконец, увидели выходящими из своих дворцов и домов без масок, без прикрас, вечно пьяными и обжираться: рабы власти без достоинства и тираны без сострадания своих крепостных, высасывающие жизнь и кровь народа...» «Мёртвые души», — говорил Герцен, — потрясли всю Россию».

Учащиеся переходят к третьему ряду компонентов поэмы: к лирическим отступлениям Гоголя и к поставленному в одном плане с ними рассказу о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче.

Герцен в той же статье «О развитии революционных идей в России», охарактеризовав поэму Гоголя, как «крик ужаса и стыда, который испускает человек, унизившийся от пошлой жизни, когда вдруг замечает в зеркале своё оскотинившееся лицо», счёл необходимым добавить: «Но чтобы такой крик мог

раздаться из чьей-нибудь груди, нужно, чтобы были и здоровые части, и большое стремление к реабилитации».

У Гоголя было страстное стремление к «реабилитации» России, в нём жила мечта о прекрасном будущем своей родины.

В лирических отступлениях Гоголя проходят две основные темы: тема родины, её тёмного настоящего и лучезарного будущего, и тема писателя, служителя своего народа. Обращения к родине, к Руси, целиком сосредоточены в заключительной, одиннадцатой главе; тема писателя, только затронутая в начале седьмой главы, полное своё освещение получает также в главе одиннадцатой.

Заклячая этими лирическими отступлениями первый том «Мёртвых душ», Гоголь стремится к тому, чтобы у читателя не было никакой неясности в понимании поэмы. Он решительно отводит обвинения в измене родине и в односторонности изображения русской жизни, сыпавшиеся на него со стороны реакционеров и «так называемых патриотов, которые спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накапливают себе капиталы, устраивая судьбу свою на счёт других». К ним он направляет и свой рассказ о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче, показывающий необходимость самой беспощадной самокритичности, как единственного радикального средства общественного оздоровления.

Восторженные гимны родине — «птице-тройке», — непосредственно следующие за этим рассказом, дают поэме яркую патетическую концовку, ещё раз подчёркивающую силу художественного мастерства Гоголя.

В общем изучение композиции «Мёртвых душ» должно привести учащихся к выводу о том, что в поэме Гоголя нет ничего ненужного, лишнего, всё поставлено на своё место и направлено к одной цели — к возможно более полному раскрытию идейного замысла писателя.

В ещё большей степени убедятся в этом учащиеся, когда, следуя тому же пути анализа (от общего к частному), перейдут к изучению отдельных типических образов.

Они прежде всего установят, что герои «Мёртвых душ» делятся на три группы: это помещики, чиновники и крепостные крестьяне, и что основное внимание уделено автором первой группе — помещикам, господствующему классу крепостнической России того времени. Против этого класса по преимуществу и направлено острей гоголевской сатиры.

Анализируя образы помещиков, учащиеся устанавливают их типичность, так как в них выражены наиболее существенные черты класса помещиков-крепостников, устанавливают, что через эти образы Гоголь по преимуществу даёт оценку современному ему русскому обществу и что вместе с тем в компози-

ции этих образов с исключительной яркостью проявляется одна из основных особенностей художественного мастерства Гоголя — умение в немногом сказать многое, умение дать широкую, полноценную картину жизни, пользуясь для этого самыми экономными, но действенными художественными средствами.

Кто не знает Чичикова, Манилова, Собакевича, Ноздрёва, Плюшкина, Коробочки? У кого эти имена не вызывают ясного представления о типичных, резко очерченных человеческих характерах?

А ведь Гоголь говорит в «Мёртвых душах» о большинстве своих героев очень немного, каждому уделяет в среднем 15—20 страниц. Но на этих двадцати страницах он умеет так чётко, так выпукло представить читателю своих героев, что они запоминаются навсегда.

Чем же, какими художественными средствами он этого достигает?

Гоголь в характеристике героев придаёт большое значение «заключительному определению одной чертой». Закончив в одиннадцатой главе «Мёртвых душ» биографию Чичикова, он даёт ему заключительное определение: «хозяин, приобретатель». Именно эта господствующая у Чичикова черта — стремление во что бы то ни стало, каким угодно путём приобрести большие средства, выбиться в люди — и сделала его «подлецом». Это стремление руководит всей его жизнью, определяет его отношение к людям, его мировоззрение, направляет его незаурядную волю, проявляется в его наружности, в манерах, в речи.

Такой приём: найти господствующую черту и показать её в характере, в семейной и общественной жизни, в наружности, а также в тех вещах, которыми он себя окружает, Гоголь последовательно проводит в «Мёртвых душах», изображая и помещиков, и чиновников, и губернских дам, и капитана Копейкина, и всех других.

Это и даёт возможность Гоголю отразить в типических образах сущность социально-исторических явлений его времени.

И самое замечательное то, что, обостряя и подчёркивая такие черты, Гоголь при этом нисколько не изменяет требованиям правдивости и реализма, соблюдает чувство художественной меры, не превращает героев в абстрактные схемы, показывает их во всём их индивидуальном своеобразии и тем самым создаёт конкретные, живые образы, обладающие исключительной силой художественного обобщения.

При изучении творчества Гоголя, как говорилось об этом выше, анализ словесно-художественных средств имеет особое значение, так как Гоголь с присущим ему мастерством не только ищет, но и находит слова и выражения, наиболее правдиво, точно и ярко индивидуализирующие людей и окру-

жающую их обстановку, а вместе с тем выявляющие их типичность.

Так, работая над второй главой (Чичиков у Манилова), Гоголь вносит изменения в речь Манилова, усиливая присущие ему черты сентиментальной слащавости и неумение выразить свои «высокие» мысли. В черновом наброске Манилов говорит Чичикову: «Уж такое, право, доставили наслаждение, майский день...» В окончательной редакции добавлено: «...майский день, именины сердца...» В черновом наброске Манилов говорил Чичикову: «Конечно, другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы можно красноречиво поговорить о любезности, о хорошем обращении, о какой-нибудь науке, чтобы этак расшевелило душу, дало питательность и, так сказать, парение этакое...» В окончательной редакции Гоголь выбросил как неподходящие слова «красноречиво» и «питательность», но зато вставил: «в некотором роде можно было поговорить о любезности, следить за к о ю - н и б у д ь э т а к о ю науку» и тем самым усилил немощные потуги Манилова в передаче обуревавших его мыслей.

В описании имения Манилова Гоголь добивался максимальной изобразительности: вместо «серенькие русские избы», написал «темнели серенькие бревенчатые избы», вместо «поодаль, в стороне темнел сосновый лес» написал «поодаль, в стороне темнел каким-то скучно синеватым цветом сосновый лес». А одновременно заменял первоначально поставленные слова новыми, для характеристики бесхозяйственности Манилова; так, вместо «дом господский стоял на возвышении» в окончательной редакции читаем: «дом господский стоял на ю р у».

Говоря о бытовом языке «Мёртвых душ», необходимо остановиться на специфике гоголевского языка, на его комизме, или юморе.

Образцы юмора преподаватель может взять из первой главы «Мёртвых душ». Так, Гоголь рассказывает, что Чичикову в гостинице отвели «п о к о й н у ю комнату», и читатель ждёт, что дальше будет объяснено, почему эта комната покойна, но автор продолжает: «...покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверью в соседнее помещение... где устраивается сосед, молчаливый и спокойный человек...» Читатель снова настраивается на то, что комната будет покойной хотя бы в отношении соседей, но Гоголь продолжает: «...спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего». Мы видим, таким образом, что действительное состояние комнаты совершенно не соответствовало её «претензии» быть покойной.

Ещё пример. «После обеда господин выкушал чашку ко-

фею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку...» Читатель уже представил себе Чичикова, предвкушающего отдых на мягком диване, но Гоголь неожиданно добавляет: «... подушку, которую в русских трактирах вместо эластической шерсти набивают чем-то похожим на кирпич и булыжник». Опять форма оказалась совершенно не соответствующей ожидаемому содержанию.

Из этих примеров учащимся должно быть ясно, что комический язык не является каким-то особым языком, со своим составом слов и своим грамматическим строем. Это обыкновенный общенациональный язык, которым писатель искусно пользуется для того, чтобы создать впечатление смешного, комического.

Гоголь мастерски владеет этим искусством. Он делает это и в своих описаниях, и в характеристиках, и в индивидуальной речи героев.

Вот сцена разговора Чичикова с Маниловым о полицмейстере. На вопрос Манилова о полицмейстере: «Не правда ли, что приятный человек?» — Чичиков сначала отвечает, подделываясь под вкусы своего собеседника: «Чрезвычайно приятный, и какой умный, какой начитанный человек!» и тут же добавляет: «Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем палаты до самых поздних петухов...» Здесь Гоголь высмеивает хамелеонство Чичикова, его умение подделываться к взглядам и характеру того, с кем он разговаривает.

Один из излюбленных приёмов комической речи Гоголя — гиперболическое сравнение: «Половой бегал, помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу».

Особенно часто пользуется Гоголь развёрнутым сравнением. Комический эффект вызывает развёрнутое сравнение в сцене стычки Ноздрёва с Чичиковым, когда Ноздрёв сравнивается с отчаянным поручиком, подступающим к неприступной крепости: «Перед ним носится Суворов, он лезет на великое дело. Ребята, вперёд! кричит он...» и т. д.

В том же плане разоблачения пустоты и ничтожества помещиков и чиновников Гоголь пародирует модный в их среде дворянский жаргон, их страсть к иностранным словам, в большинстве случаев переделанным на русский лад.

Вот как беседуют друг с другом губернские дамы:

«Юбка вся собирается вокруг..., даже сзади немножко подкладывают ваты, чтобы была совершенная белым».

«Позвольте же... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать. Ведь это история, понимаете ли: история, с ко-напель истора!»

Гоголь сопровождает эту дамскую болтовню следующим ироническим замечанием: «Не мешает заметить, что в раз-

говорах обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, какие приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нём во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне; но при всём том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму. Итак, станем продолжать по-русски...»

Оттенок комизма, юмора в языке проходит последовательно через всю поэму.

И тем сильнее поражён бывает читатель, когда неожиданно в поэму врывается «величавый гром других речей», когда Гоголь сразу переходит на другой тон — торжественно-патетический. Он и здесь не выдумывает своего лексикона и своего трагматического строя: он пользуется общенациональным языком, но подбирает такие выражения и так синтаксически строит речь, что она полновесно и ярко передаёт его восторженную любовь к Руси, к её широким просторам, к невысоким её городам, к её тоскливой песне, к сочному и выразительно-му русскому языку. Для учащихся не представит большого труда выяснить особенности этого «высокого стиля» Гоголя.

С этой целью надо взять одно из лирических отступлений, например: «Русь, Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу!»

Учащиеся должны найти и осмыслить здесь такие необычные выражения, как «полные ожидания очи», «грозное облако, тяжёлое грядущими дождями», «что пророчит сей необъятный простор», «грозно объемлет меня могучее пространство» и т. п. Они отметят в синтаксическом строе инверсию, необычное выдвижение сказуемого на первое место, отметят обилие вопросительных, восклицательных предложений, обратят внимание, наконец, на тенденцию к мерности речи.

Так реализует Гоголь одну из характерных особенностей присущего ему стиля, образцы которого он отмечал у своего учителя, Пушкина: «быть высоким там, где высок предмет, быть резким и смелым, где истинно — резкое и смелое».

После того как учащиеся уяснят себе типические характеры «Мёртвых душ» и лирические отступления Гоголя, преподаватель от анализа переходит к синтезу. Он напоминает учащимся то предположение об идейном смысле поэмы, какое было сделано им в самом начале самостоятельной работы, и теперь, подводя итоги, покажет, насколько полнее, разностороннее, глубже стало их понимание и идейного содержания произведения, и художественного мастерства писателя.

Г. К. БОЧАРОВ и Н. В. КОЛОКОЛЬЦЕВ

УРОКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА» в VI КЛАССЕ

На изучение повести «Тарас Бульба» в VI классе отводится восемь уроков, и перед учителем прежде всего встают вопросы, как распределить материал по урокам, с чего начать разбор повести и чем закончить.

Если учесть многолетний опыт разбора этой повести в советской школе, то наиболее целесообразным представляется следующий общий план поурочных занятий:

первый урок — общее содержание повести, картины украинской природы и быта в ней;

второй урок — картины Запорожской Сечи, героизм запорожцев;

третий урок — характеристика Остапа и Андрия;

четвёртый и пятый уроки — характеристика Тараса Бульбы;

шестой урок — идейное содержание повести и её художественные особенности;

седьмой и восьмой уроки — классное сочинение на материале повести.

Необходимым условием для успешного разбора повести является предварительное усвоение текста повести учащимися. Примерно за две недели до начала работы над повестью учитель должен предупредить об этом учащихся. Предварительное чтение повести может быть сопровождено некоторыми несложными заданиями. Так, учитель предлагает учащимся при чтении повести записать имена действующих лиц, выделить главных героев повести, составить её общий план.

Чтобы учащиеся правильно поняли задание о составлении общего плана и не усложняли его, учитель разъясняет приёмы работы над планом: учащиеся прочитывают главу повести и дают ей общее название.

Таким образом, в итоге у учащихся должен сложиться примерно следующий простой план повести:

I. Встреча Тарасом сыновей. Их отъезд из родного дома.

II. Казаки в степи. Приезд в Запорожскую Сечь.

III. Жизнь в Запорожской Сечи. Подготовка к походу.

IV. В боевом походе. Осада Дубно.

V. Побег Андрия из казацкого стана. Его измена родине.

VI. Бой под Дубно.

VII. Запорожцы в погоне за татарами.

VIII. Второй бой под Дубно. Убийство изменника Андрия. Пленение Остапа и ранение Тараса.

IX. Болезнь Тараса. Его выздоровление и отъезд в Варшаву.

X. Тарас в Варшаве. Его неудавшаяся попытка посетить сына. Казнь Остапа.

XI. Мечь Тараса за казнённого сына. Смерть Тараса.

Составление такого плана не затруднит учащихся. Если же учитель найдёт возможным, то может предложить учащимся предварительно записать приведённый план в тетради.

Общее содержание повести. Картины украинской природы и быта в ней

Прежде чем приступить к раскрытию общего содержания повести путём ее краткого пересказывания по главам, учитель говорит об исторической основе повести и её основной теме.

Это произведение, — говорит он, — переносит нас в далёкое прошлое, за четыре с лишним столетия назад, в ту эпоху, когда русский и украинский народы вели героическую борьбу за свою национальную независимость, за создание мощного Русского государства. Повесть рассказывает о битвах героев-запорожцев с татарскими и турецкими полчищами, с польскими панами-помещиками, разорявшими Русскую землю. Такова тема этого исторического произведения.

Основная часть урока уделяется пересказу повести. В процессе пересказа учитель даёт необходимые комментарии: объясняет непонятные слова и выражения, определяет по карте место действия, показывает соответствующие иллюстрации, например картину И. Е. Репина «Запорожцы»¹ и другие картины.

¹ Комментарий к картине И. Е. Репина «Запорожцы» дан в книге В. В. Голубкова «Методика преподавания литературы», Учпедгиз, 1952, стр. 431—433.

После анализа общего содержания повести учитель сообщает о картинах украинской природы и быта в ней. Приводим примерный текст слова учителя:

События и люди повести проходят перед нами на фоне живых и ярких картин украинской природы и быта. Необъятными просторами раскинулась «вольная прекрасная» степь, по которой скачут в Запорожскую Сечь Тарас и его сыновья. Это степь XVI в., «зелёная девственная пустыня». «Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений». Одинокая фигура татарина «в дальней траве» напоминает о том, какие опасности таит пустая, безлюдная степь.

Как живая, встаёт перед нашими глазами эта украинская степь, потому что великий писатель изобразил её с замечательным мастерством, роскошными многоцветными красками, словно художник на полотне. Мы не только видим степь. Писатель заставляет нас слышать её звуки и ощущать её запахи. Вот какова картина утренней и дневной степи:

«Степь, чем далее, тем становилась прекраснее... Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов... Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов».

Наступает ночь, и перед нами новая картина: «Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пёстрое пространство её охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело... каждый цветок, каждая травка испускала амбру, а вся степь курилась благовонием... Вся музыка, звучавшая днём, утихала и сменялась другою. Пёстрые суслики выползывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединённого озера крик лебедя и как серебро отдавался в воздухе».

Вот другая картина. Она рисует быт старого казака. Мы входим в светлицу Тараса Бульбы и по её убранству видим, что в ней живёт бывалый воин.

«Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами... На полках по углам стояли кувшины, бутылки и флажки зелёного и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями...»

Мы вспоминаем картину ночи в курене Тараса перед отъездом в Сечь и бедную мать Остапа и Андрия, просидевшую до рассвета у изголовья спящих сыновей. Но настала минута прощания, и «когда увидела мать, что уже и сыны её сели на коней, она кинулась к меньшому... она схватила его за стремя,

она прилипнула к седлу его и с отчаянием в глазах не выпускала его из рук своих».

Закончив своё сообщение, учитель разъясняет учащимся задание на дом. Рекомендуется следующая работа над текстом повести:

1) из отрывка, начинающегося со слов «Солнце выглянуло давно» и кончающегося словами «и тогда казалось, что красные платки летали по тёмному небу», выписать выражения, характеризующие краски и звуки степи: а) утром и б) вечером;

2) пересказать близко к тексту описание светлицы Тараса от слов «Светлица была убрана» и кончая словами «позволять школярам ездить верхом»;

3) найти в повести другие картины быта и природы.

Перед проверкой первого задания на следующем уроке прочитывается отрывок — описание степи, перед проверкой второго задания — описание светлицы Тараса. Для выразительного чтения того и другого отрывка учитель может предварительно подготовить двух учащихся.

Проверка первого задания может быть проведена учителем двояко: 1) заслушиваются выписанные учащимися выражения из описания степи, или 2) задаются учащимся вопросы:

1. Какое время дня в степи описано в первой части отрывка?

2. Какой вид имела степь? (Её величина, растительность в ней, небо над степью.)

3. Какие краски использованы Гоголем для описания степи?

4. Какими звуками была наполнена степь днём?

5. Как переменялась степь с наступлением вечера?

6. Каково вечернее небо над степью?

7. Что говорится о запахах, наполняющих степь вечером?

8. Какими звуками наполнялась степь вечером?

9. Как изменялась степь ночью?

Картины Запорожской Сечи. Героизм запорожцев

Первая половина данного урока уделяется проверке домашнего задания, вторая половина — новому материалу. Учитель говорит учащимся, что на предыдущем уроке они познакомились с мирным бытом запорожцев.

Обратимся теперь, говорит он, к картинам военного быта запорожцев. Вместе с Тарасом и его сыновьями въезжаем мы в Запорожскую Сечь. Это большой военный лагерь. Сюда стекались со всей Украины защитники родины.

На первых порах жизнь в Сечи производит на нас впечатление бесшабашного разгула, буйства, жестоких драк, беспорядка. Непрерывное пиршество идёт в Сечи. «Всякий, приходящий сюда, позабывал и бросал всё, что дотоле его занимало». Вспомним, что первый, кто попался Тарасу и его сыновьям при въезде в Сечь, был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас даже остановился, чтобы полюбоваться на него: «Эх, как важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура!»

Но это только первое впечатление. Присмотревшись внимательнее, мы по-другому оценим запорожских казаков.

Ведь у Гоголя изображён XVI век — суровый век. Беспорывно терзали Украину враги: татары и турки с востока и с юга, а с запада польские помещики и воеводы. Вихрем врывались они в города, сёла, курени; жгли, убивали, грабили, вносили в рабство.

Всю свою жизнь проводили казаки-воины в походах, в битвах, и не было у них постоянного пристанища, и не дорожили они тем, что могло быть завтра сожжено и разграблено. Суровое время — и нравы суровые. Но за этой суровостью мы видим иные черты.

Пока нет ратного дела и боевых подвигов, живут казаки бесшабашной жизнью. Некуда девать накопившуюся силу, и растрачивается она на гульбу. Но даже в эти дни свято чтут казаки товарищество и больше всего дорожат сплочённостью и единством. С уважением относятся они к опытным воинам. Мы видим, каким почётом окружён старый Бовдюг, с каким вниманием слушают запорожцы его советы. Самых храбрых и доблестных воинов выбирают они в атаманы. Атаманы уважают казаков и видят в них могучую силу.

Казаки не терпят воровства и убийства, потому что это нарушение товарищества. Если и появится вор, его ждёт суровая расправа.

Когда узнали казаки в походе, что без них напали татары на Сечь и забрали в плен всех, кто там остался, то все, как один, поднялись выручать товарищей.

Таков быт в Запорожской Сечи, говорит учитель, пока не требовалось запорожцам выступать в поход. Но те же самые казаки, которые в дни передышки слонялись без дела и заводили ссоры, становятся иными, когда узнают, что близок враг. Все до единого готовят упряжь, чистят и точат оружие, налаживают лодки, помогают друг другу. Верность долгу, священная любовь к людям, связанным узами товарищества, — выше этого нет ничего для запорожцев.

С особенной силой проявляются эти высокие качества украинских казаков в схватке с врагом.

Немного строк уделил Гоголь казакам Кукубенке, Степану

Гуске, Мосию Шило, Балабану, Демиду Поповичу. Но каждый из них вырастает в богатыря.

Три смертельных раны достались Балабану. Поник он головой и тихо сказал: «Сдаётся мне, паны-братья, умираю хорошою смертью: семерых изрубил, девятерых копьём исколот. Истоптал конём вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветёт вечно русская земля!..» И отлетела его душа».

Накинул аркан Степан Гуска на шею «толстопузому полковнику». Не дал ему убежать к своим. Но не сдобровать и Гуске. Подняли его ляхи на четыре копыя. Только и успел сказать Гуска: «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки русская земля!»

Кокубенко носится по полю со своими незамайновцами, бросается в бой там, где больше ляхов и меньше казаков, выручает товарищей. Не один десяток ляхов уже порубил он. Но вот осталось с ним только семь человек. Обступили его со всех сторон враги. Сам Тарас поспешил на выручку. Но поздно. Успело углубиться Кукубенке под сердце копье. «Повёл Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут ещё лучше, чем мы».

Три раза кричит Тарас: «А что, есть ещё порох в пороховницах? Не ослабела ещё козацкая сила? Ещё не гнутся козаки?» И слышит ответ: «Есть ещё порох в пороховницах!»

Так изобразил Гоголь самоотверженный патриотизм украинского народа в борьбе с врагами-захватчиками.

Нет и помину о бесшабашной удали и драках. В боевых походах запорожцы сплочены, воинственны, доблестны, самоотвержены.

Учитель предлагает учащимся тщательно перечитать дома ряд отрывков из повести по хрестоматии:

- 1) конец первой главы от слов «Через три дня после этого они были уже недалеко от места...»;
- 2) весь отрывок из третьей главы;
- 3) начало седьмой главы;
- 4) весь отрывок из девятой главы.

Для проверки домашнего задания учитель предлагает учащимся следующие вопросы:

1. Каково первое впечатление от Запорожской Сечи? (Приведите примеры.)
2. Чем объясняется бесшабашная удаля запорожцев в мирном быту?
3. Как изменяются казаки в условиях боевой жизни?
4. Приведите примеры героизма Балабана, Степана Гуски, Кукубенко.

Характеристика Остапа и Андрия

Многолетний опыт показал, что анализ образов Остапа и Андрия лучше всего давать в плане сравнительной характеристики. Некоторым опытом сравнительной характеристики учащихся уже владеют, но они ещё не смогут дать самостоятельно сравнительной характеристики Остапа и Андрия. Поэтому пример такой характеристики следует дать самому учителю.

Примерно учитель сообщает следующее.

Среди многочисленных героев в повести Гоголя выделяют-ся три крупные фигуры — Тарас, Остап и Андрий. Остановимся сначала на двух последних.

Впервые мы встречаемся с Остапом и Андрием в их родном курене, у отца и матери. И по первому впечатлению нас может больше привлечь к себе Андрий, чем Остап. Суров с виду Остап, а в Андрии как будто больше чувства. В его чертах больше нежности. Его сильнее жалеет и любит старая мать.

Но вот Гоголь рассказывает нам историю того и другого, и наше первое впечатление изменяется. Мы узнаём о том, что Андрий и в бурсе отличался храбростью, но эта храбрость всегда влекла его к безрассудным поступкам. Несмотря на удачество, у Андрия не было настоящего мужества. Он был изворотлив, часто избегал наказания хитростью, а если не удавалось, то просил о пощаде. Наконец, Гоголь рассказывает о том, в каком жалком и смешном положении оказался Андрий, когда ему понравилась дочь знатного польского пана.

Совсем иной Остап. У него ещё в бурсацкой школе сложился ясный ум и окрепла воля. Он храбр и честен. Остап был одним из лучших товарищей. Никакие розги и плётки не могли заставить его выдать кого-нибудь из друзей. Он не просил пощады, когда его секли в бурсе. Он привык скрывать свои чувства, но на самом деле его чувства были глубокими. Остап больше, чем Андрий, был тронут слезами старой матери, но он не выдал своего чувства, а только задумчиво опустил голову.

Потом мы видим Остапа и Андрия в Запорожской Сечи. Они оба сразу стали на хорошем счету у казаков. Оба ловки и храбры, оба показали себя лихими бойцами. Но и здесь их храбрость неодинакова. У Остапа черты лица грозны и сильны. Он спокоен и всегда уверен в себе. «Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая... он в один миг мог вымерять всю опасность... он мог найти средства, как уклониться от неё; но уклониться с тем, чтобы верней преодолеть её...» Так проявляется в Остапе умная храбрость. За этот ум его ценят казаки. Недаром его выбирают куренным атаманом после гибели Бородатого.

Храбрость же Андрия в Запорожской Сечи оказывается безрассудной и бесцельной. Андрий мало задумывается о том,

ради чего он бросается в бой, «он не знал, что значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заранее свои и чужие силы».

Остап твёрдо знает, для чего он живёт и борется. Горячая любовь к родной земле и к товарищам, ненависть к врагам, стремление защищать родину — вот что делает Остапа настоящим героем.

У Андрия нет любви к отечеству и к товарищам, и поэтому слепое увлечение дочерью врага быстро превращает его в изменника. Он забывает священные чувства верности отчизне и товариществу. Позорные слова произносит Андрий: «А что мне отец, товарищи, отчизна! ...нет у меня никого». Мы видим, как, сделавшись предателем, Андрий выезжает из вражьего лагеря хвастливый, с дорогим шарфом красавицы на руке. Он выезжает биться против своих бывших товарищей, против отца и брата.

И вот он стоит, трусливый и жалкий, перед судом своего отца. Позорной была его жизнь, позорна и смерть его.

И тут же, после казни Андрия, мы видим Остапа в последнем жарком бою. Наскочило на него шестеро, «но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши, угодило копьём в ребро третьего», четвёртого задавило убитым конём. Рубит Остап, спешит Тарас ему на помощь, но одолевают ляхи. Вот ещё наскочило восьмеро разом, уже накинули Остапу на шею аркан и вяжут его. Это последнее, что увидел, падая, раненый Тарас Бульба.

В плену Остап вынес нечеловеческие терзания и пытки. Ни крика не издал он, ни стога. И когда перед казнью огляделся он и увидел неведомые, чужие лица, вырвались наружу у Остапа глубокие и благородные чувства. Он умирал с тоской по родным людям. Вспомнил Остап того, кто роднее всех, и воскликнул: «Батько! где ты? слышишь ли ты?»

Так писатель изобразил судьбу двух братьев. У одного из них есть благородная цель жизни. Он живёт и борется вместе со своим народом. Поэтому он по-настоящему храбр и мужествен. У другого нет никакой высокой цели в жизни. Он не любит родину и товарищей и поэтому оказывается самым низким из людей. У него есть показное удайство, но у предателя не может быть настоящей храбрости и мужества. На самом деле Андрий превращается в жалкого и подлого труса.

С целью проверки того, как учащиеся усвоили сообщение учителя, им задаются следующие вопросы:

1. Каково первое впечатление от Остапа и Андрия?
2. Чем отличались Остап и Андрий друг от друга в бурсе?
3. Как вели себя Остап и Андрий в Запорожской Сечи и в боевых походах?
4. Какова была смерть Андрия? Как погиб Остап?

Для конкретизации и закрепления сравнительной характеристики учащимся предлагается записать следующий план:

Основные эпизоды повести	Черты характера Остапа	Черты характера Андрия
1. Приезд Остапа и Андрия в родной дом	Внешне суров и сдержан, в душе отзывчив	Чувствительный и нежный, но мало отзывчивый
2. История их жизни в буре	Ясный ум, сильная воля, честность, сдержанность, мужество	Безрассудная храбрость, хитрость, изворотливость, отсутствие настоящего мужества
3. Жизнь в Запорожской Сечи	Мужество, рассудительность	Бесцельность жизни, легкомыслие
4. Боевой поход	Патриотизм, ненависть к врагу, героизм	Предательство, хвастливость
5. Последний день их жизни	Мужественная, героическая гибель в плену	Позорная смерть

Домашним заданием для учащихся явится подбор примеров из повести, рисующих основные черты характера Остапа и характера Андрия.

Характеристика Тараса Бульбы

Если на предыдущем уроке учитель шёл от своего сообщения к самостоятельной работе учащихся, то при характеристике Тараса Бульбы целесообразно избрать другой путь: от самостоятельной работы учащихся — к обобщающему слову учителя.

Составление характеристики Тараса рекомендуется провести в форме рассказа учащихся о жизни героя с последовательным определением основных черт его характера.

П л а н р а с с к а з а о ж и з н и Т а р а с а¹

1. Приезд сыновей.
2. Сборы в Запорожскую Сечь.
3. В степи.
4. Запорожская Сечь.
5. Выборы нового кошевого и приготовления к походу.
6. Тарас во главе казацкого войска под городом Дубно.

¹ План взят из книги В. В. Голубкова «Методика преподавания литературы», Учпедгиз, 1952, стр. 137.

7. Смерть Андрия.
8. В Варшаву.
9. У дверей тюремного подземелья.
10. На месте казни Остапа.
11. Месть Тараса.
12. Героическая смерть Тараса.

Кратко рассказав эпизод, учащиеся формулируют ту или другую черту характера Тараса или углубляют уже названную.

Так, рассказав о первом эпизоде, т. е. о приезде сыновей, учащиеся называют прямо́ту, сурово́сть и ши́роту нату́ры как черты характера Тараса. В итоге рассказывания второго эпизода определяются непреклонность и сила воли Тараса. Эти черты затем углубляются при рассказывании последующих эпизодов.

Таким образом, при рассказывании каждого эпизода намечается какая-то новая черта характера и углубляются некоторые из ранее намеченных.

Рассказывание эпизодов следует сочетать с чтением отдельных отрывков из повести. Так, при рассказывании эпизода под Дубно прочитывается речь Тараса о товариществе — прекрасный пример, характеризующий взгляд Тараса на товарищество.

В итоге такой работы складывается следующий план характеристики Тараса:

1. Прямота, суровость и широта натуры.
2. Непреклонность и сила воли, переходящая порой в упрямство.
3. Любовь к широкой и вольной жизни, любовь к родной степи.
4. Чувство дружбы и товарищества, боевой опыт.
5. Глубокая вера в силу войска, воодушевлённого идеей патриотизма.
6. Беззаветная храбрость и героизм.
7. Любовь к родине и ненависть к врагу — источник душевных сил Тараса.
8. Вера в правоту своего дела.
9. Вера в мощь русского народа и в его прекрасное будущее.

При разборе характера Тараса желательно прочитать в классе следующие отрывки из повести: 1) речь Тараса (из главы IX), 2) встреча Тараса с Андрием (из главы IX), 3) гибель Тараса (из главы XII).

План рассказа о жизни Тараса и план его характеристики записываются на классной доске, чтобы учащиеся смогли списать их в свои тетради.

В итоге коллективной работы в классе учитель даёт в своём сообщении пример характеристики Тараса Бульбы.

Суров и своеволен Тарас на первый взгляд. Не дал он сыновьям и дня ~~понежиться~~ дома под родительской кровлей. И может показаться жестоким приказ Тараса собираться на утро в Сечь, и становится жаль бедную осиротевшую мать.

Но чем дальше читаем ~~мы~~ повесть Гоголя, тем больше понимаем, что чувство Тараса к сыновьям гораздо выше и глубже, чем обыкновенное отцовское чувство.

Всю жизнь провёл Тарас в битвах вместе с товарищами-казаками. У него седые волосы, он много пережил и много видел. Он знает, что самое дорогое у человека — это его родина. Тарас знает, что ни ему, ни сыновьям, ни казакам, ни всей Украине не жить, пока кругом лютые враги. Он хочет видеть своих сыновей могучими, как и он сам, и способными защитить родную землю. Поэтому-то и встретил Тарас Остапа и Андрия шутливым кулачным боем.

Когда мы видим Тараса в Сечи, то понимаем, почему он послал сюда сыновей и почему сам поехал с ними. Именно здесь его дети должны стать богатырями, защитниками Украины. Он горячо и крепко любит сыновей, и эта его любовь к своим детям особенно велика потому, что она неотделима от любви к людям, к казакам, к отчизне. По-отцовски радуется и гордится за сыновей Тарас, когда видит в них отважных воинов.

Тарас ищет битвы с врагами, потому что не может человек спокойно сидеть на месте, когда кругом смертельная опасность. Он хочет отстоять родину. В этом смысл всей его жизни, в этом его честь.

Тараса все знают и уважают, потому что он старый полководец, у него большой боевой опыт. Казаки избрали его кошевым атаманом, когда им пришлось разделить надвое. И мы видим, каким умным и опытным вождем он оказался. Тарас заметил, как приуныли казаки, распрощавшись с товарищами. Впереди — лютый бой с польскими панами-захватчиками, мало теперь осталось казаков, а врагов в несколько раз больше. Знает Тарас, как опасно вино перед битвой. Ведь только на днях ~~ляхи со своим взяти~~ весь перепившийся Переяславский курень. Но на этот раз Тарас сам открывает заветный бочонок ~~доброго вина~~. Он делает это, чтобы приободрить людей. И не столько вином ободряет Тарас казаков, сколько сердечными своими речами. Вот как говорит он о товариществе:

«Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы, любит и зверь своё дитя, но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей... Так любить, как русская душа, любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, что ни

есть в тебе... Нет, так любить никто не может!.. Пусть же знают... все, что такое значит в русской земле товарищество!»

В самое сердце вошла казакам речь Тараса. И вот началась страшная битва. Как львы, дерутся казаки. Против каждого десятерого врагов. Тарас появляется всюду, в самых опасных местах, и слышат казаки его ободряющий крик:

«Есть ещё порох в пороховницах? ~~Не иступились ли сабли?~~ Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись козаки?»

В самый разгар боя увидел Тарас изменника-сына. ~~Несётся Андрия, как борзой пёс, на которого атакунул опытный охотник, и не видит ничего, кроме кудрей красавицы.~~

Дрогнуло сердце старого Тараса. Но не дрогнула у него рука, когда догнал он Андрия. «Я тебя породил, я тебя и убью!» Тарас убил Андрия, потому что это был уже не сын его, а самый подлый из людей, который жестоко оскорбил родную землю и оплевал отцовское чувство. ~~Таких людей не может носить земля.~~

~~И тут же, после убийства Андрия, ярко вспыхнула отцовская любовь Тараса, только не к изменнику Андрию, а к родному Остапу.~~ На Остапа насело много врагов. Тарас спешит на помощь к герою-сыну, но падает, сражённый, около него. А Остапу уже накинудли аркан на шею.

~~Потом мы видим, как тоскует Тарас по сыну, как пускается он на розыски Остапа. На возу, под крыльницами, въезжает он в Варшаву, чтобы узнать о сыне. Тарас видит, наконец, родного сына на месте лютой казни. Он видит, как пыгают Остапа перед смертью. Вот раздаётся голос Остапа: «Батюка! где ты? слышишь ли ты?»~~

Тогда Тарас забывает о себе. Он помнит только, что надо ободрить сына в последнюю минуту. «Слышу!» — ~~раздалось среди всеобщей тишины.~~

~~И вот последний подвиг Тараса. Он пойман врагами.. Мы видим его на костре. Пламя лижет его ноги, а он глядит не на пламя, а на уходящих от ляхов казаков. Ему видны е деревя, куда держать путь, он кричит: «К берегу, хлопцы, к берегу!.. Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево...» И казаки слышали его, и были уже на челнах, и гребли вёслами. А Тарас в это время встречал смерть так, как встречали ее в битвах братья-запорожцы.~~

«Прощайте, товарищи, вспоминайте меня, да весной прибавьте сюда вновь, да хорошенько погуляйте!»

Так разбрызгивается перед нами в повести Гоголя образ народного богатыря Тараса Бульбы, самоотверженного защитника родины, умного и опытного полководца и отца, который горячо любил своих детей и хотел видеть в них славных героев.

Несколько слов о домашнем задании.

Давая учащимся домашнее задание составить характеристику героя по готовому плану, учитель должен предупредить их, что сначала у них, возможно, и не получится связного изложения, но г л а в н о е о характере героя они всё же скажут. Учащиеся должны знать, что о каждой черте характера, взятой отдельно, говорить легче, чем связать при изложении все части характеристики в один стройный рассказ. На эту особенность учащиеся и должны обратить внимание, готовясь к устной характеристике героя.

Для заучивания наизусть и для выразительного чтения даётся отрывок — речь Тараса — или часть отрывка, по усмотрению учителя.

Идейное содержание повести и её художественные особенности

В содержание данного урока войдёт ознакомление учащихся с идейным содержанием повести и её языком.

Учитывая особые трудности работы учащихся над языком крупного произведения, каким является повесть «Тарас Бульба», учитель должен сам рассказать учащимся о языке повести, в результате чего они должны получить общее представление о яркости и красочности этого произведения, его взволнованности и выразительности, о высоком мастерстве Гоголя как пейзажиста, о выразительности сравнений, эпитетов, риторических вопросов и восклицаний в повести.

Ознакомление с языком повести может быть несколько усложнено затем домашним заданием, в содержание которого войдёт подбор двух-трёх новых примеров к каждому положению сообщения учителя, причём рамки текста могут быть ограничены пределами той или другой главы повести.

Приводим примерное содержание слова учителя о художественных особенностях повести и её идейном содержании.

Мы помним, как Белинский сравнивал «Полтавский бой» Пушкина с произведением живописи. Точно так же говорил он и о мастерстве Гоголя в повести «Тарас Бульба»: «Какая кисть, широкая, размашистая, резкая, быстрая! Какие краски, яркие и ослепительные!» Эти «яркие, ослепительные» краски представляются нам потому, что произведение написано великолепным языком. Мы уже знаем, как Гоголь изобразил украинскую степь, как он заставляет нас не только видеть вольную, цветущую степь, но и слышать её звуки, вдыхать аромат её трав и цветов.

Припомним также красочное описание Днепра.

«Вот он сверкает вдали и тёмною полосой отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли.

Это было то место Днепра, где он, дотоле спёртый порогами, брал наконец своё и шумел, как море...»

Выразительные и меткие эпитеты, сравнения и метафоры находят писатель, когда изображает героев-казаков. Тарас Бульба — богатырь, «крепкий, как дуб». Об Остапе Гоголь рассказывает, что его качества «приобрели широкую силу качеств льва». В другом месте повести Остап, словно «плавающий в небе ястреб», налетал на врагов. «Славными и храбрыми», «молодыми соколами», «могучей породой» называет Гоголь запорожцев. «Как орлы, озирали они вокруг себя очами», готовясь к решительной битве.

Эти поэтические краски языка ярко выражают любовь писателя к родине и к её героям-защитникам.

Но язык повести Гоголя отличается ещё и другой особенностью. Когда мы читаем слова Тараса о товариществе, то сразу замечаем, какая у него взволнованная, пламенная речь, как много в ней искреннего чувства, любви к товарищам-казакам и ненависти к врагам. Поэтому она и вдохновляет казаков.

Такую взволнованность, в которой выражено горячее чувство любви к отчизне, мы встречаем не только в речи Тараса, но и в описаниях самого Гоголя. Недаром, нарисовав украинские степи, писатель восклицает: «Чорт вас возьми, степи, как вы хороши!»

А в другом месте повести мы читаем гордые и радостные слова Гоголя: «Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие как львы!»

И, наконец, дочитав повесть до конца, мы слышим речь самого писателя о нашей могучей родине: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

Повесть «Тарас Бульба» — это большое эпическое произведение. Оно рисует картины далёкого прошлого. Писатель сумел так изобразить эти картины, что, прочитав повесть, мы запоминаем их на всю жизнь. Нас волнуют герои произведения, их мысли и чувства, их поступки, их судьбы. Повесть захватывает нас потому, что писатель вложил в неё самые высокие и самые благородные мысли и чувства, любовь к родине. Он показал, как лучшие люди русской земли становились богатырями, когда отдавали свою жизнь и свои силы родному народу и отчизне. Мы видели, как писатель мастерски использовал могучую силу и богатства нашего русского языка, чтобы показать, как прекрасна природа нашей родины и как велик её народ. Вот почему В. Г. Белинский назвал это произведение Гоголя «поэмой о любви к родине, о ненависти к захватчикам».

Четыреста с лишним лет прошло с тех времён, какие изображены в повести Гоголя. Далеки от нас гоголевские запорожцы, умиравшие «за святую Русь» и «православную веру». Мы, советские люди, совсем иные люди, и наша социалисти-

ческая родина непохожа на Украину и на Русь XVI в. Но, читая повесть Гоголя, мы гордимся нашими далёкими предками. Их самоотверженная любовь к отчизне пробуждает и у нас горячее чувство преданности нашей советской отчизне — самой передовой, самой счастливой и самой могучей в мире.

Учащиеся записывают общий план сообщения учителя и высказывания Белинского о Гоголе.

Дома учащиеся должны подготовиться к ответам на следующие вопросы.

Идейное содержание повести

1. Какие картины рисуются в повести?
2. Почему повесть волнует нас?
3. Как назвал Белинский повесть Гоголя?
4. Каким чувством проникнута повесть?
5. Какое чувство возбуждает повесть у советских людей?

Язык повести

1. Что говорил Белинский о мастерстве Гоголя?
2. В чём заключаются выразительность и меткость гоголевских эпитетов и сравнений?
3. Приведите примеры взволнованности речи, риторических вопросов и восклицаний.

Классное сочинение

На классное сочинение, являющееся итогом работы над повестью, следует отвести один двоянный урок.

Могут быть предложены для сочинения следующие темы:

1. Характеристика Тараса Бульбы.
2. Остап и Андрий (сравнительная характеристика).
3. Героизм запорожцев (общая характеристика).

Планами и другими записями в тетрадях учащиеся могут пользоваться.

Анализ сочинений проводится на последующих уроках.

На анализ группы сочинений на каждую тему отводится часть урока.

Учитель должен рассматривать данные сочинения не только как контрольные, но и как определённый этап в деле обучения учащихся сочинению. Анализ сочинений как средство обучения учащихся письменной речи имеет большое значение в общей системе занятий по развитию речи учащихся.

П. Г. ВОРОБЬЕВ

КОМЕДИЯ Н. В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР» В ПРАКТИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ЕЁ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

СЮЖЕТ, ТЕМА И ОБРАЗЫ КОМЕДИИ

Сатирическое дарование Гоголя блестяще проявилось в его бессмертной комедии «Ревизор», положившей начало новому типу комедии — комедии общественных нравов и характеров.

Поскольку в основе каждого художественного произведения лежит определённый сюжет и всякое произведение, как из зерна, вырастает из своего сюжета, анализ «Ревизора» целесообразнее всего начинать с раскрытия его сюжета.

После усвоения сюжета естественно перейти к выяснению замысла, темы и идеи комедии.

Творческий замысел писателя и идейно-тематическое содержание произведения раскрываются в образах, поэтому анализ образов должен составить основное содержание работы при изучении комедии «Ревизор».

Задолго до появления «Ревизора» его сюжет бытовал и в жизни, и в изустной молве, и в литературе. В изустной молве об этом ходили забавные анекдоты. В литературе была уже известна комедия украинского писателя Квитки-Основьяненко «Приезжий из столицы, или суматоха в уездном городе», в которой раскрывается сюжет, во многом тождественный сюжету комедии «Ревизор».

Сюжет «Ревизора» подсказал Гоголю Пушкин. Он рассказал Гоголю о литераторе Павле Петровиче Свиньине, который, случайно попав в Бессарабию, был принят там местной администрацией за важного петербургского чиновника и вы-

звал чрезвычайный переполох. Подобный случай произошёл и с самим Пушкиным. Когда он собирал материалы для своего романа «Капитанская дочка», то в Нижнем-Новгороде он был принят местным губернатором Бутурлиным за тайного ревизора. А так как поэт скоро направился из Нижнего в Оренбург, где командовал друг Бутурлина, Перовский, то Бутурлин поспешил написать своему другу предупредительное письмо следующего содержания:

«У нас недавно приезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но, должно признаться, никак не верю, чтоб он разъезжал за документами о Пугачёвском бунте; должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о несправностях. Вы знаете моё к Вам расположение; я почёл долгом посоветовать Вам, чтобы Вы были осторожнее и пр.».

Когда история сюжета гоголевской комедии будет рассказана учащимся, необходимо провести с классом обсуждение сюжета самой комедии. Для этой цели можно воспользоваться следующими вопросами:

1. Где и когда происходит действие, изображённое в комедии?

2. Какие административные должности занимают главные действующие лица пьесы?

3. К какому общественному классу они принадлежали?

4. В чём заключается сюжет комедии?

В итоге беседы класс должен получить ясное представление о сюжете комедии, умение правильно его осмысливать и свободно пересказывать.

Местом действия комедии «Ревизор» является захолустный провинциальный городишко, от которого, по выражению городничего, «три года скачи и ни до какого государства не доскачешь».

Время действия пьесы — начало 30-х годов XIX в. Это легко устанавливается по высказываниям судьи, одного из действующих лиц комедии. Судья говорит, что он избран на должность судьи по воле дворянства с 1816 г. и 15 лет уже занимает свой пост. Таким образом, время действия «Ревизора» — 1831 год, время наибольшего усиления политической реакции в стране и резко обозначившегося кризиса крепостного права.

Сюжет комедии в основном определяет и социальный состав действующих лиц пьесы. На первом месте в крупном плане представлены правящие чиновники, вышедшие из дворянских кругов. Среди них лишь один городничий вышел из низших чинов. Затем идут неслуживые дворяне, превратившиеся в обывателей-сплетников, — Добчинский и Бобчинский — и, наконец, купцы, мещане, крепостные крестьяне.

Таким образом, комедия охватывает все основные общественные классы того времени.

Гоголь поставил перед собой цель — собрать всё дурное в общественно-политическом строе царской России и осмеять его.

Замысел реализуется в комедии на материале быта и нравов безвестного уездного города N. Уездный город, изображённый в комедии, не географическое понятие, а социально-административная единица, охватывающая в миниатюре все сословия старой царской России. Уездный городишко взят писателем как часть для изображения целого, т. е. для показа всей административной правящей России. Подобную мысль высказывал ещё представитель историко-культурной школы в литературоведении Овсяннико-Куликовский: «Ревизор» есть род художественной синекдохи: взята часть для обозначения целого». Но Овсяннико-Куликовский сделал из своего верного наблюдения неверные выводы. Он пришёл к заключению, что выведенные в комедии лица, взятые писателем из захолустья, якобы получили лишь значение общерусских провинциальных типов. Это неверно. Образы Гоголя — не общерусские, а социально-классовые, исторически обусловленные типы, притом это не только провинциальные типы, а весьма характерные представители всей правящей России 30—40-х годов XIX в. При определении темы комедии часто допускается ошибка: полагают, что тема пьесы — это показ быта и нравов уездного городка старой николаевской России. В связи с этим учащимся даже дают такие этнографические темы для сочинений: «Уездный город 30-х годов и его обитатели» или «В уездном городе 30-х годов в ожидании ревизора». Налицо смешение темы произведения с его материалом, протекающее от неверной позиции, рассматривающей художественное произведение как механическую фотографию с действительности, а художника — как пассивного изобразителя жизни, ограниченного материалом. На самом деле в комедии изображается не только уездный город, но вся Россия, не одно сословие, а все общественные классы. Так понимая тему, Гоголь уделяет исключительное внимание широкому изображению общественных нравов и характеров всей чиновно-бюрократической России и всего её полицейско-бюрократического аппарата.

Как писатель-сатирик Гоголь подвергает беспощадному осмеянию и разоблачению бесчестие, пошлость, низменность интересов, умственное убожество правящих, должностных государственных чиновников и представителей других сословий; в комедии — ни одного честного человека ни из одного сословия.

Разъяснение замысла, темы и идеи комедии, ввиду трудности понятий, учитель проводит в форме своего сообщения

с эпизодическими вопросами, обращёнными ко всему классу. Надо, чтобы в итоге урока школьники могли свободно отвечать на вопросы: Что такое замысел, тема, идея произведения? В каком соотношении они находятся между собой? В чём заключается замысел, тема, идея комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»?

Идейно-тематическое содержание комедии выражается прежде всего в соответствующей системе образов. Все действующие лица комедии делятся на группы по социальному признаку. В ней выведены чиновники, помещики, купцы, крепостные крестьяне, мещане. В уездном городе, как солнце в капле воды, отражается в основном вся классово-дифференцированная иерархия старой царской России 30—40-х годов XIX в. Не забыта даже полиция. Исключение сделано только для духовенства. Вся система образов комедии представляет собой социальную пирамиду, на вершине которой представлено правящее чиновничество, а в самом основании её — крепостные крестьяне, гарнизонное войско.

Как проводить анализ образов комедии? Основное — характеристика чиновников.

При анализе нужно обратить внимание прежде всего на индивидуальные черты каждого лица, а потом отметить в них типичные качества.

Выясняются особенности характеров городничего, судьи, попечителя богоугодных заведений, почтмейстера, смотрителя училищ, городских помещиков Добчинского и Бобчинского и петербургского чиновника Хлестакова.

Как индивидуум, каждый из них имеет свою особенность. Городничий — самодур, «себе на уме»; судья самомнителен, т. е. крайне ограниченный, но очень высокого мнения о себе, так как прочитал пять-шесть книг за всю свою жизнь и прослыл «вольнодумцем»; почтмейстер — наивный человек, попечитель — подхалим и фискал, смотритель — запуганный человек, Добчинский и Бобчинский — обыватели-сплетники, а Хлестаков — ничтожный хвостун и болтун.

Остановимся для подробного анализа на главных образах комедии — городничем и Хлестакове.

Приступая к характеристике городничего, следует предварительно провести беседу с классом, имея цель выяснить: 1) замечания автора о городничем, 2) поведение и поступки городничего, 3) жалобы купечества и мещанства на городничего, 4) мнение городничего о самом себе, 5) значение образа городничего.

В таком плане проведённая беседа поможет учащимся живо представить себе характер городничего.

Результаты беседы могут быть записаны учащимися в классе или дома по следующей схеме.

Характеристика городничего

(Своими словами и с помощью цитат)

Замечания автора о городничем.	«Городничий, уже постаревший на службе и очень не глупый, по-своему, человек. Хотя и взяточник, но ведёт себя очень солидно; довольно серьёзен, несколько даже резонёр; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жёстки, как у всякого начавшего тяжёлую службу с низших чинов... Волоса на нём стриженные, с проседью» (из «Замечаний для господ актёров»).
Поступки городничего.	В связи с неожиданным известием о приезде ревизора городничий приказывает немедленно разметать старый забор, так как убеждён, что «чем больше ломки, тем больше деятельности градоправителя» (хитрость). Денег, ассигнованные правительством на постройку церкви, присвоил себе, а в отчёте приказал отметить, что церковь была построена, но сгорела (воровство). Приезжему Хлестакову дал взятку в 400 рублей и устроил ему пышный обед у себя дома (подкуп). Купцов своего города разоряет поборами. Чтобы больше брать поборов с купцов, он справляет свои именины два раза в год: на Антона и на Онуфрия (вымогательство). За три штуки полотна освободил от солдатчины сына купчихи Пантелеевой (взяточничество), взамен чего мужа бедной слесарши Пошлѣпкиной отдал в солдаты вне очереди (произвол).
Высказывания о городничем действующих лиц пьесы.	Из жалоб купцов: «Такого городничего никогда ещё... не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Придѣт в лавку и, что ни попадѣтся, всё берѣт». «Ей-богу, такого никто не запомнит городничего. Так всё и припрятаешь в лавке, когда его заводишь. То-есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берѣт: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажется, всего нанесѣшь, ни в чём не нуждается; нет, ему ещё подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несѣшь». «...а попробуй прекословить, наведѣт к тебе целый полк солдат на постой». Из жалоб слесарши: «Милости прошу, на городничего челом бью, пошли ему бог всякое зло... чтоб ни детям его, ни сну, мошеннику, ни дядьям, ни тѣткам его ни в чём никакого прибытку не было».

**Само-
характеристика
городничего.**

«Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трёх губернаторов обманул!.. Что губернаторов! (*махнув рукой*), нечего и говорить про губернаторов».

На основании проделанной работы учитель обобщает характеристику городничего.

Градоправитель города—человек умный. Но его ум направлен на дела нечестные. Первый среди мошенников, он «мошенников над мошенниками» обманывал и даже «трёх губернаторов обманул». Человек практический, он умеет из всего извлекать для себя пользу. Лишённый чувства долга, он не думает о благе родины и государства, а неусыпно печётся лишь о своём собственном благополучии. Человек самоуправный, он допускает произвол, злоупотребляет своей властью над населением: высек безвинную унтер-офицершу, отдал незаконно в солдаты сына слесарши Пошлёткиной, купцов разоряет поборами. Он крайне груб в обращении с подвластными ему людьми. Так, разговаривая с купцами, он обзывает их аршинниками, самоварниками, архиплутами, бестиями, надувалами, раздражается диким ругательством: «Семь чертей и одна ведьма вам в зубы». Кроме того, он невежественен и суеверен: он верит в сны и поверья. По его мнению, видеть во сне крыс — не к добру.

В заключительной сцене грубый и самоуправный городничий становится жалким и смешным. Зрительный зал дрожит от смеха, но городничий бросает в зал реплику: «Чему смеётесь? Над собой смеётесь!.. Эх вы!..» Этим блестящим приёмом Гоголь удачно подчёркивал несомненную типичность городничего, т. е. общераспространённость подобного типа в царской России.

Значение образа городничего огромно. В нём с большой силой писатель обобщил и типизировал самые омерзительные черты крупного государственного управителя, от произвола или милости которого зависела судьба и жизнь очень многих людей.

Несколько в ином плане возможно осуществить характеристику Хлестакова, на которую надо отвести не менее одного урока. Хлестаков — сложный образ. Предварительно надо дать учащимся задание перечитать все те сцены и явления комедии, где действует Хлестаков или говорят о нём. После этого в классе проводится урок-беседа на тему: «Образ Хлестакова».

В итоге беседы основная характеристика Хлестакова может быть представлена в следующем виде.

Х а р а к т е р и с т и к а Х л е с т а к о в а

П л а н .	С о д е р ж а н и е .
1. Внешность	«Молодой человек, лет двадцати трёх, тоненький, худенький... Одет по моде».
2. Общественное положение.	Мелкий петербургский чиновник. Сын небогатого саратовского помещика.
3. Основные поступки.	По дороге из Петербурга в Саратовскую губернию проигрался в карты. В городе он своим столичным костюмом и враньём ввёл в заблуждение всех чиновников, купцов и мещан города. Его приняли за ревизора. Он обобрал всех правящих чиновников города, получив от каждого из них крупную взятку деньгами. Обобрал и купцов, пришедших к нему с жалобой на городничего, получив от них взятку натурой, т. е. товарами. Вскружил голову дочери и жене городничего, посулил городничему генеральство и уехал из города N на предоставленной ему городничим тройке лошадей.
4. Основные черты.	Легкомыслие: у него «необычная лёгкость в мыслях». Он, по выражению автора, «без царя в голове — один из тех людей, которых... называют пустейшими». Поступки и слова у него не вяжутся друг с другом. Он живёт и действует безотчётно. Болтливость: он ни минуты не молчит, всё время заставляя окружающих слушать лишь самого себя. Лживость и хвастливость: он одержим страстью безотчётного вранья и любит рассказывать о себе небылицы.

Заклячая, учитель. подчеркнёт, что главные черты характера Хлестакова — лживость и хвастливость — проистекают из его ничтожества. В действительной жизни Хлестаков никто и ничто. Но во время лганья он иллюзорно возвышается до уважаемого всеми человека. Он лжёт и завирается искренно, «вдохновенно», «художественно», «артистично». С помощью лжи Хлестаков поднимает себя на недоступную для него в жизни высоту. «Сосулька», он выдаёт себя за важного человека. Пустоцвет — именует себя писателем и поэтом. Пошляк — прикидывается благородным. Нищий — хвастается богатством. Всегда голодный, он хвалится роскошным и сытным обедом, доставляемым ему прямо из Парижа вместе с необыкновенным арбузом ценою в 700 рублей. Пошлый, пустой и придурковатый, он вызвал у чиновников впечатление человека интересного, содержательного и даже очень умного. Но Хлестакова нельзя назвать сознательным и расчётливым

вралём. В его речах нет преднамеренной цели и расчёта: ни в мыслях, ни в словах, ни в поступках у него нет никакой связи.

Изображая Хлестакова, Гоголь придавал ему очень большое, типическое значение. «Хлестаков — он везде», — писал Гоголь. По мнению Гоголя, в каждом из людей есть частица Хлестакова. Так, в «Письме к одному литератору» Гоголь говорил:

«Всякий на минуту, если не на несколько минут, делается или делается Хлестаковым, но, натурально, в этом не хочет только признаться; он любит даже и посмеяться над этим фактом, но только, конечно, в коже другого, а не в своей собственной. И ловкий гвардейский офицер окажется иногда Хлестаковым, и государственный муж окажется иногда Хлестаковым, и наш брат, грешный литератор, окажется подчас Хлестаковым. Словом, редко кто им не будет хоть раз в жизни».

Хлестаков — самое широкое и глубокое художественное обобщение Гоголя. Вот почему имя Хлестакова превратилось в нарицательное понятие «хлестаковщина».

Через индивидуальное Гоголь показывает социальное, через единичное раскрывает типичное.

Все чиновники в комедии даны Гоголем как типы, т. е. как такие художественные образы, в которых воплощены самые характерные черты государственных чиновников старой России.

Какие же общие черты характеризуют чиновников Гоголя? Прежде всего им всем присуща умственная ограниченность и крайняя некультурность. Самым «образованным» человеком слывет среди них судья, и тот, оказывается, едва прочитал за всю свою жизнь только пять-шесть книг, неизвестно какого содержания. Все остальные чиновники, видимо, совсем ничего не читают. Это видно из следующего факта. Когда Хлестаков хвастал перед ними, что он написал все сочинения, известные под именем барона Брамбеуса, «Фрегата Надежды» и «Московского Телеграфа», чиновники поверили ему. Никто из них не заметил чудовищной нелепицы и путаницы в похвальбе Хлестакова: «Московский Телеграф» — это известный в то время общественно-литературный журнал, «Фрегат Надежда» — это роман писателя Марлинского (декабриста А. Бестужева), а барон Брамбеус — это псевдоним популярного в то время, хотя и второстепенного, писателя Сенковского.

Некультурность чиновников сказывается в полном отсутствии у них каких-либо высоких общественных интересов. Попийки, кумовство, картёжная игра, сплетни — вот и все их интересы. Это люди без чувства долга и личного достоинства. Все они нечестны. Городничий говорит: «Нет человека, который за собою не имел бы каких-нибудь грехов. Это уж так самим богом устроено...» Опираясь на такое удобное для себя

убеждение, чиновники во главе с городничим обворовывают государство и народ, крадут казённые деньги, занимаются вымогательством, берут и дают взятки, самодурствуют над подвластными, грубо относятся к людям. Они используют своё общественное и служебное положение лишь в интересах своего кармана и желудка. Все они гонятся лишь за материальными благами. Духовный мир их ничтожен. Высшим идеалом их является чин генерала. Но последний привлекает их не большей возможностью служения родине, а материальными выгодами и преимуществами, которые последуют за этим званием: «Ведь почему хочется быть генералом? — спрашивает городничий. — Потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперёд: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, всё дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там — стой городничий! Хе, хе, хе! *(Заливается и помирает со смеху.)* Вот что, канальство, заманчиво!» Он представляет себя уже в Петербурге: «Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечёт, как начнёшь есть».

Жадность, своекорыстие и эгоизм характеризуют всех чиновников.

В погоне за личным они забывают общее и государственное. Отсюда их халатное отношение к службе. Они допускают во всём беззаконие, произвол, злоупотребления и сами попустительствуют непорядкам. В городе грязь. Квартальные бесчинствуют. Гарнизонное войско не имеет нижнего белья. В тюрьмах не выдают провизии арестантам. В больницах не лечат. В школах не учат, как надо. На почте распечатывают чужие письма и задерживают корреспонденцию. В довершение всего в городском суде запутаны все дела.

Таковы общие черты гоголевских чиновников.

В виде домашнего задания надо предложить учащимся дать характеристику чиновников. Таким путём у них будет закреплено общее представление об идейно-образном содержании комедии Гоголя.

Для того чтобы облегчить выполнение домашнего задания и проведение контрольной беседы по этой теме, необходимо дать учащимся ориентирующие вопросы:

1. В чём и как проявилось преступное отношение чиновников к своим обязанностям:

а) В чём и как проявилось их лихоимство или взяточничество?

б) В чём выразились их произвол и самоуправство?

В заключение обосновывается типичность героев Гоголя. Белинский считал комедию Гоголя «Ревизор» истинным бичом казнокрадства, произвола и лихоимства. Писатель вывел

на всеобщее посмеяние не исключения из общего правила, не единичные случаи, а типичные проявления разлагавшегося государственного аппарата. Все злоупотребления и пороки чиновников не выдуманы автором. Они взяты Гоголем из самой жизни. Вот несколько примеров. Городничий присвоил себе казённые суммы, отпущенные на построение храма при богоугодном заведении. И почти в то же самое время в Москве шумно и позорно проворовалась государственная комиссия по построению храма Христа Спасителя.

Вот ещё пример, подчёркивающий типичность для эпохи Гоголя поступков городничего. Один из современников писателя рассказывает о мошенничествах пензенского губернатора Панчулидзева, прибравшего к рукам огромные суммы денег, ассигнованные на построение набережной. К этому губернатору в целях ревизии приехал из Петербурга сенатор Сафонов. «Сафонов приехал туда вечером нежданно и, когда стемнело, вышел из гостиницы, сел на извозчика и велел везти себя на набережную.

— На какую набережную? — спросил извозчик.

— Как на какую? — отвечал Сафонов. — Разве у вас их много? Ведь одна только и есть.

— Да никакой нет! — воскликнул извозчик.

Оказалось, что на бумаге набережная строилась уже два года и что на неё истрачено было несколько десятков тысяч рублей, а её и не начинали»¹.

Жизненными фактами подтверждается типичность образа почтмейстера Шпекина, любителя распечатывать и читать чужие письма. Перлюстрация (просмотр) частной корреспонденции всех обывателей была негласно узаконенным обычаем царской России. Тем более неукоснительному просмотру подвергались письма выдающихся людей. Об этом имеются свидетельства В. А. Жуковского, А. И. Тургенева, А. С. Пушкина, П. Вяземского, В. Г. Белинского, А. И. Герцена и др. Так в «Былом и думах» Герцен рассказывает об одном сибирском генерал-губернаторе, который не пропускал на почте ни одного письма без того, чтобы его не распечатать и не прочитать. Подвергались просмотру письма даже самого кроткого в политическом отношении поэта Жуковского. Но больше всего проверялись письма великого русского поэта Пушкина. Известно, что одно из писем поэта, распечатанное на почте, послужило причиной высылки его из Одессы. Распечатывались даже письма Пушкина к жене и представлялись для прочтения самому государю. Сам державный император играл в своей стране роль гоголевского почтмейстера. Потрясённый и возмущённый, Пушкин писал в своём дневнике 10 мая

¹ Материал цитируется по книге Л. В. Крестовой «Комментарий к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», М., 1933, стр. 87.

1834 г. по этому поводу: «Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства. Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю... и царь не стыдится в этом признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина. Что ни говори, мудрено быть самодержавным». В письме к жене от 18 мая 1834 г. поэт с горечью замечает: «Я тебе не писал, потому что был зол — не на тебя, на других. Одно из моих писем попало в полицию... Смотри, жёнка, надеюсь, что ты моих писем списывать никому не даёшь: если почта распечатывает письмо мужа к жене, так это её дело...» Наконец, в письме к жене от 3 июня того же года Пушкин снова высказывается по поводу самоуправства почты: «Я не писал тебе потому, что свистово почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силах. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство... Без политической свободы жить очень можно, без семейственной неприкосновенности невозможно. Которга не в пример лучше»¹.

Самоуправство почмейстера в центре и на местах настолько становилось нестерпимым, что многие культурные люди того времени предпочитали не пользоваться услугами почты и посылали свои письма с оказией, т. е. пользуясь каким-либо удобным попутным случаем.

Типичен в своих поступках и попечитель богоугодных заведений Земляника. Таких Земляник было много в царской России. Они жирели и наживались на здоровье больных, сирот, нетрудоспособных стариков и старух, содержа вверенные им больницы, приюты, богадельни в полном небрежении, заботясь лишь о своём кармане. Известный исследователь благотворительных учреждений старой царской России Клушин в своей работе «Доброе старое время», напечатанной в августовском номере журнала «Русская старина» за 1892 г., приводит массу фактов, свидетельствующих о типичности преступного отношения к своим обязанностям попечителей богоугодных заведений. Так, например, при обследовании одной из больниц он увидел «груды грязного белья, только что снятого больными, и возле, на сквозном ветру, больного, не успевшего ещё совершить по случаю приезда начальника губернии общего переодевания. Воздух больницы спёртый и пропитанный зловонием; на окнах пыль, на полах, стенах — грязь, паутина, пауки и пыль; бельё на больных и койках в сальных пятнах и отвратительно грязное, тюфяки старые, в заплатах...»²

О другой больнице говорится, что в ней видели больных «одетыми в такое тряпье, в каком редко приходилось видеть

¹ Все цитаты из писем Пушкина приводятся по книге Л. В. Крестовой «Комментарий к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», М., 1933.

² Там же, стр. 77—78.

ниших, а именно: халаты в лохмотьях, рубахи в заплатах, а подштанники и чулки до того ветхи, что их нельзя уже починить и нельзя с точностью определить, были ли они шиты из холста или кусочков ветхих тряпок...»¹

Столь же типичны в своих делах и поступках гоголевские судья и смотритель училищ, материал о которых, подтверждающий типичность нарисованной Гоголем картины состояния судопроизводства и народного образования, учитель сможет получить в неоднократно цитированной нами книге Л. В. Крестовой «Комментарий к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», вышедшей недавно вторым, исправленным изданием.

После анализа образов можно считать, что учащиеся подготовлены к решению одной из сложных задач школьного курса — к изучению художественной формы произведения.

Прежде чем приступить к этой задаче, учитель знакомит учащихся со взглядом самого Гоголя на вопрос о содержании и форме художественного произведения. Гоголь был глубоко убеждён, что содержание является ведущим и определяющим началом всякого искусства. Жизнь художественному произведению даёт содержание, идея, мысль. «Правит пьесой, — говорил Гоголь, — идея, мысль: без неё нет в ней единства»². Великий сатирик был убеждён, что драматическая поэзия обедняется в своей значительности, если писатель «теряет из виду значительную сильную мысль, подвигающую его на творчество»³. Такой писатель, по мнению Гоголя, превращается в «простого списывателя сцен, перед ним происходящих, не приводя их в доказательство чего-нибудь такого, что нужно сказать свету»⁴. Таким образом, изучение стиля или художественной формы нужно вести в органической связи с идейно-художественным замыслом писателя и всем идейно-образным содержанием произведения. Этой задаче необходимо отвести не менее двух уроков. Из них отдельный урок должен занять анализ языка пьесы.

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ КОМЕДИИ

В статье «Петербургская сцена в 1835/36 году» гениальный сатирик говорил, что при создании своей комедии он ставил перед собой цель «заметить общие элементы нашего общества, движущей его пружиной (подчёркнуто нами. — П. В.), изобразить на сцене «плебела», от которых житья нет добрым и за которыми не в силах следить никакой

¹ Л. В. Крестова, Комментарий к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», М., 1933, стр. 77—78.

² Цитирую по книге П. Т. Щипунова «Н. В. Гоголь», М., 1949, стр. 151.

³ Там же.

⁴ Там же.

закся». Значит автор имел в виду ударить по существенным недочётам бюрократического аппарата, по его движущим пружинам, по всему тому, что «было у всех на виду, но чего не зрели равнодушные очи». Чего же не видели многие или равнодушно проходили мимо? Это самоуправство, беззаконие, произвол, казнокрадство и лихоимство правящих чиновников, это морально-политическое разложение должностных государственных лиц как следствие начавшегося загнивания всего государственного аппарата. Всё это обусловило чрезвычайно широкое социальное содержание комедии. Выразить это новое содержание можно было только новыми методами искусства. Старая классическая комедия с её ограниченными художественными возможностями и мелкие комедийные жанры бытовой комедии — водевиль и фарс — не подходили для этой цели.

Чтобы нанести сокрушающий удар по всему общему, нужны были и совершенно новые художественно-драматургические средства. Поэтому Гоголь ставит своей задачей создать также и новый тип комедии: новый по жанру, структуре, образному составу и содержанию. Его не удовлетворял современный ему театр с его устарелыми жанрами и чуждым русской народной жизни репертуаром.

Новое содержание, задуманное Гоголем для его комедии, влекло за собой необходимость создания и новой художественной формы. До Гоголя в большом ходу были «комедии ошибок» и «комедии положений». Исключениями из этого правила были лишь комедии «Недоросль» Фонвизина и «Горе от ума» Грибоедова. Но первая из них ставилась на государственной сцене чрезвычайно редко, а вторая в это время ещё была под запретом. Правительство боялось их обличительного смысла.

«Комедии ошибок» строились всецело на мотиве неузнавания, т. е. на ошибочном принятии одного человека за другого. Такие комедии были очень характерны для английского и французского театров. У нас в России яркий образец «комедии ошибок» дал до Гоголя И. А. Крылов своей комедией «Урок дочкам». В ней рассказывается о том, как две дворянские девушки Фёкла и Лукерья, помешавшись на всём французском, приняли ошибочно за французского маркиза своего крепостного слугу Семёна.

Ещё большим распространением пользовались до Гоголя «комедии положений». Типичными разновидностями их были так называемые фарсы и водевили — безидейные пьески, построенные всецело на смешных положениях. Когда некоторые критики упрекали Гоголя в том, что его комедия не смешна, так как в ней нет ни одного смешного положения, то он в «Театральном разъезде» отвечал им: «Если вам нравятся такие комедии (т. е. комедии положений.— П. В.), поезжайте толь-

жо в театр: там всякий день вы увидите пьесу, где один спрятался под стол, а другой вытащил его оттуда за ногу». Примером талантливой «комедии положений» в эпоху Гоголя была комедия Квитки-Основьяненко «Приезжий из столицы, или суматоха в уездном городе», написанная на тот же сюжет, что и «Ревизор» Гоголя. Но в ней автор смешные положения возводит в самоцель изображения и поэтому не поднимается до глубокого социального смысла содержания. Комедия Квитки, как и сотни ей подобных в эпоху Гоголя, не имела серьёзного влияния на общество и ставилась на одну доску вместе с пустыми фарсами и водевилями. Даже самый подзаголовок комедии Квитки «Суматоха в уездном городе» говорил об упорном стремлении её автора забавлять зрителя смешными положениями.

Гоголь как писатель-новатор отказался от «комедий ошибок» и «комедий положений» с их неглубоким содержанием, часто не превышавшим содержания пошлых обывательских фарсов и водевилей. Гоголь создал новый тип комедии. Его «Ревизор» — это высокая социальная комедия. Как мы уже отмечали, в ней охвачены почти все общественные слои того времени: чиновники, помещики, купцы, мещане, крепостные крестьяне. Главные действующие лица в ней изображены не в бытовом аспекте, не в личной жизни, а в общественно-политическом плане, в их отношении к служебным, государственным обязанностям. В ней поставлена политическая проблема о людях и системе. Кто виноват в общественном неустройстве: люди или система? Или негодные должностные лица есть следствие никуда негодной системы? Поскольку всякая система покоится на людях и создаётся людьми, Гоголь решил нанести свой главный удар прежде всего по представителям системы. С этой целью он создаёт комедию социальных характеров, но через критику их он невольно наносит удар и по системе.

Эпиграф к комедии «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» характеризует и жанр комедии: он показывает, что «Ревизор» — это социально-политическая комедия. Правда, Гоголь использует в своей пьесе и трюки, свойственные «комедии положений» (например, подслушивающий Бобчинский падает вместе с внезапно открывающейся дверью), и приём «комедии ошибок» (например, чиновники по ошибке принимают «ничтожного елистратишку» Хлестакова за ревизора). Но это у Гоголя лишь привходящие моменты. Главное в его комедии — раскрытие характеров как общественных типов. Эпиграф же подчёркивает и основную идейную целеустремлённость автора: показать «кривые рожи» столпов власти, нанести сокрушительный удар по исполнителям, по должностным государственным лицам, являвшимся представителями сложившейся государственной системы управления и в какой-

то мере определявшим эту систему. Так Гоголь создаёт высокую социально-политическую комедию, по определению Белинского, «комедию цивилизации», в которой, по его мнению, человек семейный уступает место человеку общественному.

В отличие от своих предшественников, изображавших главным образом помещичий мир, хозяев-помещиков, Гоголь изображает мир правящих государственных прохвостов и выводит их на всенародное осмеяние.

Комедия не показывает отрадных явлений. В ней нет ни одного добродетельного героя. Отвратительны проворовавшиеся и лишённые чувства долга чиновники. Омерзительны купцы, задабривающие для порядка городничего. Пошлы и ничтожны городские помещики-обыватели, коптящие небо. Смешны и жалки представители мещанства — слесарша и особенно унтер-офицерша, которая желает получить лишь денежную компенсацию за понесённое оскорбление. Разбойников с большой дороги напоминают блюстители общественного порядка — квартальные, или городовые. Наконец, грустное впечатление производят парии общества — крепостной слуга Осип и безымённый трактирный половой, ещё не доросшие до чувства собственного достоинства и совершенно неспособные возмущаться своим рабским положением. Таково идейное значение эпиграфа, которое необходимо довести до сознания учащихся.

Разобрав значение эпиграфа, естественно перейти к анализу композиции образов комедии. Композицией образов называется способ их раскрытия или показа. Как же Гоголь строит «образы» своей комедии? Писатель применяет несколько приёмов. Прежде всего все действующие лица пьесы даны уже сложившимися — они не показаны в развитии. Мы не знаем, как складывался характер любого из них: каждый персонаж дан в готовом, законченном, уже развившемся виде. Все они показаны в двух планах: во-первых, как индивидуумы, т. е. как единичные личности, резко отличающиеся друг от друга; во-вторых, как типы, т. е. как такие человеческие характеры, в которых отражены основные черты всех чиновников того времени. Наконец, главные действующие лица комедии показаны преимущественно с отрицательной стороны. Важно отметить и расстановку образов в пьесе. На первом месте, как мы говорили, в крупном плане выведены чиновники, так как основной задачей автора являлось дать сатиру на чиновников. Они показаны как господа, положения, как одна из причин общественного неустройства. Все остальные действующие лица выведены как следствие неблагоприятных поступков правящих чиновников. Второстепенные действующие лица показаны как представители сословий, пострадавших в какой-то мере от чиновников. Недаром от всех них поступают к Хлестакову жалобы на городничего.

В комедии Гоголя поступки и речь каждого персонажа имеют реалистическое обоснование: образы чиновников даны в согласии с жизненной правдой, их общественным положением, характерами и создавшейся обстановкой. При этом «разоблачение отрицательных героев дано в комедии не через благородное лицо, а через действия, поступки, диалоги их самих. Отрицательные герои Гоголя сами разоблачают себя в глазах зрителя»¹. К этому надо добавить, что герои Гоголя разоблачаются не при помощи моральных сентенций или нравоучений, а путём осмеяния. «Только смехом поражается здесь порок, и только к демократическому обществу апеллирует Гоголь, как к единственной силе, способной реально развязать «комедию» — горькую правду реальной жизни. Типическая картина, нарисованная Гоголем в «Ревизоре», объективно включает в себя не только действующих лиц, но и всех «мошенников над мошенниками», жандармов и губернаторов, ревизоров и самого «высочайшего повелителя». Поэтому-то «Ревизор» и был принят так исключительно остро, вызвав необычайную волну разнообразных суждений»².

Так, изучая построение образов чиновников в комедии Гоголя «Ревизор», необходимо помочь учащимся осознать, что великий писатель-сатирик, выводя на сцену сложившиеся характеры, индивидуализирует, типизирует, обличает и в итоге реалистически изображает своих героев.

КОМПОЗИЦИЯ КОМЕДИИ

Для своей комедии Гоголь нашёл реальную завязку. Она сразу привела в движение весь отражённый в ней мир, со всеми его общественными классами. Такой завязкой в его комедии является известие городничего о приезде ревизора. Действие пьесы открывается обращением городничего к собравшимся у него чиновникам: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор». И приходят в движение не только чиновники — весь город в суматохе. Известие о приезде ревизора производит всеобщее потрясение, сразу приводя в движение всех действующих лиц комедии. Всеобщность гоголевской завязки очевидна. Столь же очевиден и её реалистический характер: она вполне соответствует содержанию и природе действующих лиц пьесы: она вытекает из мира их общественных интересов.

¹ П. Т. Щипунов, Н. В. Гоголь, М., 1949, стр. 103.

² Там же, стр. 122.

Завязка комедии вызывает стремительное развитие её действия, в него быстро втягиваются решительно все персонажи пьесы. Чтобы доказать это, проследим основные моменты развития сюжета.

Городничий, сообщив «пренеприятное известие» чиновникам, делает спешные распоряжения о наведении порядка во всех подведомственных ему учреждениях. Его распоряжения носят характер дружеского совета своим коллегам-чиновникам, которые в обычные дни являлись его собутыльниками. В этой сцене представлены все шесть правящих чиновников города. Первый момент в развитии действия служит экспозицией (введением). В первом же разговоре чиновников обнаруживаются их индивидуальные черты и их особые взгляды на вещи. Каждый из них по-своему воспринял известие о предстоящем приезде ревизора: городничий — спокойно и рассудительно, попечитель — хитро и лукаво, смотритель училищ — испуганно и растерянно, а судья и почтмейстер со страху стали пускаться в глупые рассуждения и умствования о причинах приезда ревизора. Сцена эта показала, что все чиновники нечестны и в учреждениях у них нет порядка. Отсюда стремительное возрастание страха перед ожидаемым ревизором. Страх перед ревизором, охвативший всех, сближает их между собой и лишает здравого смысла даже самого умного из них — городничего. Неожиданно появляются Бобчинский и Добчинский с чрезвычайным сообщением о том, что ожидаемый ревизор уже приехал и временно проживает в гостинице. По пословице «у страха глаза велики» глупые доводы этих обывателей сильно подействовали на испуганное воображение чиновников, и особенно на городничего, так как за ним накопилось больше, чем за другими, так называемых грехов, т. е. плутней и всяческих беззаконий.

Городничий отдаёт распоряжения своей полиции о немедленном наведении порядка на улицах города и в трепетном состоянии едет в гостиницу, для того чтобы представиться ревизору.

Его «приступ» к Хлестакову во втором акте Белинский воспринял как образец подьяческой дипломатии. Сначала городничий заметно робеет, но вскоре овладевает и своей речью, и собой, и Хлестаковым и увозит его к себе, завозя по дороге для угощения к Землянике.

Хлестаков в гостях у городничего. Он окружён всеми чиновниками. Его подпоили, ему льстят. Перед ним рассыпают цветы подобострастия. Он, наконец, начинает понимать, что его принимают за какое-то значительное лицо. Пичтожный «елистратишка» входит в навязываемую ему роль. Он уже сам начинает искренне думать о себе, как о великом человеке. Его хвастовство действует на чиновников, как электрическая искра. Он вырастает в их глазах в столоначальника, в стро-

гого министра, в знаменитого писателя, в генералиссимуса.

Чиновники сговариваются между собой представляться ему поодиночке и задабривают его взятками. Купцы подают ему свои жалобы на городничего, присовокупляя к ним богатые приношения. Мещане приходят к нему со своими изустными жалобами без всяких взяток и приношений. Сцены приёма Хлестаковым чиновников, купцов и мещан раскрывают перед зрителем черты самых разнообразных человеческих характеров.

Хлестаков начинает ухаживать за женой и дочерью городничего, просит даже руки его дочери, получает согласие и благословение городничего. Этот момент можно считать высшей точкой в развитии действия. Хлестаков полностью завершил путь своих действий. Он обманул и обворожил всех: чиновников, купцов, полицию, мещан и дамское общество города.

Спад действия начинается с отъезда Хлестакова. Он уезжает в свою деревню с деньгами и подарками, полученными от чиновников и купцов, на тройке лошадей, доверчиво предоставленных ему городничим, как своему наречённому зятю.

В тот самый момент, когда «зять» «по своей дороге заливается колокольчиком», обольщённый им «тесть» приказывает объявить всем о помолвке своей дочери с таким влиятельным лицом, кричать об этом «во весь народ, валять во все колокола... Уж когда торжество, так торжество». Но это действие продолжается лишь по инерции. Виновник общественной суматохи уже вне досягаемости городничего и выключен автором из пьесы. Причина нарастания действия уже устранена.

Будучи в зените мысленно предвкушаемого счастья, городничий распекает купцов, явившихся к нему с повинными головами: «Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы морские! жаловаться? Что, много взяли? вот, думают, так в тюрьму его и засадят! Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что... тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете?»

Чиновники, полиция, частные лица и даже провинившиеся перед городничим купцы спешат в дом счастливого градоправителя, чтобы поздравить его с выгодной партией для его дочери и его возможным генеральством.

И вдруг в разгар призрачного торжества городничего появляется почтмейстер Шпекин с перехваченным письмом Хлестакова к своему другу Тряпичкину. Любитель до чужих писем сообщает, что тот самый чиновник, которого они считали все за ревизора, вовсе не ревизор.

Начинается чтение письма Хлестакова всеми собравшимися чиновниками и гостями. Из письма все узнают, что чинов-

ники и обитатели города одурачены, но пуще всего одурачен сам городничий. В письме Хлестаков даёт чиновникам ругательные характеристики, обличающие их тупость и глупость. В жалком и трагическом положении находится городничий. В порыве самобичевания он произносит свой знаменитый монолог: «Вот смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу!...»

Таковы основные этапы еле уловимого спада действия после его кульминации в комедии «Ревизор».

Но действие комедии на этом не завершается. Чиновники пререкаются. И все вдруг объединяются, забыв личные счёты, против первых разносчиков ложного известия о ревизоре — Бобчинского и Добчинского. Град оскорблений, насмешек, ругательств сыплется из уст взбешённых чиновников на злополучных обывателей.

За этим следует развязка, т. е. такой момент в развитии действия, когда оно прекращается. Если завязка сразу привела в движение всех действующих лиц комедии, то развязка сразу заставила всех замолчать и оцепенеть. Пьеса заканчивается знаменитой немой сценой. Что же заставило всех действующих лиц пьесы онеметь и почти окаменеть? Это — новое известие о приезде ревизора, но на этот раз уже настоящего. Таким образом, одна и та же ситуация послужила и началом, и концом пьесы, её завязкой и развязкой. Комедия совершила закономерно замкнувшийся круг. Конец её оказался столь же необходимым, как и её начало.

ЯЗЫК КОМЕДИИ

Особый урок следует посвятить анализу языка комедии, как произведения драматического жанра.

В отличие от эпических жанров, где наряду с разговорным языком преобладающее место имеет язык описаний и повествований, в драматических произведениях применяется исключительно разговорная речь. Последняя имеет две формы: монологическую и диалогическую.

Вопросы и ответы, замечания и возражения участвующих в диалоге персонажей называются в драме репликами. Нередко действующие лица пользуются репликами, т. е. говорят речью в сторону, что означает внутреннюю речь героя, тайные мысли его, которыми он сопровождает свой внешний разговор с собеседником. Примером может служить разговор городничего с Хлестаковым в трактире. Речь действующих лиц в драме сопровождается движениями, мимикой, жестами, паузами, характеризуется дикцией, т. е. ясным, правильным произношением, и тщательно обдуманной интонацией, что всё

вместе взятое чрезвычайно усиливает сценическую выразительность языка драматических персонажей. Язык драмы — это язык живых характеров, главная форма выявления их.

Язык в комедии Гоголя «Ревизор» является средством типизации и индивидуализации образов-характеров. В нём есть слова и обороты, характерные для всех чиновников. Например, слова и понятия: «известие», «взятка», «ревизор», «секретное предписание», «предуведомление», «чин», «чиновник», «начальство», «предводитель», «попечитель», «инкогнито», «ассигнование», «сумма», «заведение», «государственный человек», «государственный совет», «присутствие», «приказание» и др. Подобные слова воспринимаются как явление канцелярско-бюрократического стиля и присущи всем чиновникам. Вместе с тем каждый персонаж пьесы является у Гоголя неповторимой индивидуальностью и характеризуется своими особенностями в речи.

Остановимся на анализе речи каждого чиновника в отдельности. Самая богатая и относительно разнообразная речь — это речь городничего. Оно и понятно: он умнее других чиновников: он «мошенников над мошенниками обманывал» и «трёх губернаторов обманул». Его речь обличает в нём человека ловкого, хитрого и предусмотрительного. Его речь то и дело меняется в зависимости от обстоятельств. Самый словарь его по объёму и разнообразию значительно богаче, чем речевой словарь всех прочих чиновников. В графической записи для учащихся словарь городничего можно представить в следующем виде.

Лексический состав речи городничего

Вульгаризмы	Канцеляризмы	Просторечия	Варваризмы
Рожа, старый чорт, чорт возьми, чорт их знает, чорт с ней, плюнешь, брякнуть, свиные рыла, брюхо, врёт, разопрёт, старый дурак, глупый баран, старый подлец, бумагомарака, либералы проклятые, чоргово семья, трещотки проклятые.	Секретное предписание, уведомить, достоверные, подведомственные заведения, сведущий, сведения, входящее и исходящее, почтовая контора, ассигнована сумма, рапорт, доложить, радоправители, титулярные, ход дела чрезвычайный, уполномоченная особа.	Этакие, шасть; эх, куда хватил; худо, авось, батюшки, сватушка, слышь, сдуру, ей-богу, дескать, приплёл, давеча, ей-ей, взащей, пронюхашешь, запропастились, особливо, надуешь, заважничал, важничаешь, сплутовать, спровадить, отбаяриться.	Инкогнито, ассигнация, вавилоняне, кафедра, полатыни, фриштик, мадера, коллегии, аллегории, фельдгегерь, вольтерьянцы.

Сообразно словарным напластованиям, столь же многообразна и фразеология языка городничего. В ней мы встречаем выражения вульгарные, религиозные, бюрократические, книжно-литературные и фольклорно-бытового характера, но при этом следует принять во внимание, что все эти различные стороны фразеологии переплетаются между собой в живой речи городничего. В интересах наглядности фразеологию городничего можно представить примерно в такой записи.

Фразеология речи городничего

Вульгарная.	«И растянулся, как чорт знает, что такое». «Где вас чорт таскает?» «А, чорт возьми, славно быть генералом!» «Семь чертей и одна ведьма вам в зубы!» «И брюхо суёт вперёд... Ах ты, рожа!» «Как разопрёт тебе брюхо... так и заважничал...» «Да я плевать на твою голову и твою важность!» «Ничего не вижу: вижу какие-то свиньи рыла...» «Дурака ему, дурака, старому подлецу!» «Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека!»
Религиозная.	«Что вы, господь с вами! Это не он». «Господи, помилуй нас грешных!» «Выносите, святые угодники!» «Авось, бог вынесет и теперь». «Ах, боже мой, боже мой!» «Дай только, боже, чтобы сошло с рук поскорее...» «Ну, слава богу! деньги взял». «Благодарение богу, всё идёт благополучно». «Господи боже ты мой, как бы устроить так, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольным?»
Бюрократическая.	«Обязанности мои, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы приезжающим и всем благородным людям не было никаких притеснений». «Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то богоугодные и другие?» «Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки». «Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы — рассмотрите, как у нас содержатся арестанты».
Книжная.	«Нет человека, который бы за собою не имел бы каких-нибудь грехов. Это уж так самим богом устроено, и вольтерьянцы напрасно против этого говорят».

Книжная.	«Оно, чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя». «Перед добродетелью всё прах и суета».
Просторечная.	«Знаем, в чей огород камешек бросает!» «Подгулявши, человек всё несёт наружу: что на сердце, то и на языке». «А ты себе и в ус не дуешь». «Смотри, держи ухо востро». «Волосы дыбом поднимаются». «Да, оба пальцем в небо попали». «Говорят, что я им солоно пришёлся». «Эк, куда метнул! Какого туману напустил!» «Что будет, то будет, попробовать на авось». «Дело, кажется, пойдёт теперь на лад».

В интересах выразительного чтения необходимо обратить внимание на интонации речи городничего. Они очень разнообразны, так как городничий человек общительный, ловкий плут и пройдоха, «тёртый калач», он знает, с кем и как надо обходиться. Разнообразие его интонаций всякий раз обуславливается обстоятельствами, в которые он попадает. Гамма интонаций городничего может быть показана в следующем виде:

Интонация речи городничего

При каких обстоятельствах	Характеристика интонации	Примеры
При первом известии о приезде ревизора.	Спокойная, деловитая, рассудительная, с дружескими советами своим коллегам-чиновникам.	«Я пригласил вас господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор». «Я узнал это от самых достоверных людей». «Смотрите, по своей части я кое-какие распоряжения сделал, советую и вам» (следуют деловые советы каждому чиновнику).
При первой встрече с Хлестаковым.	Внешне: подобострастно-вежливая. Внутренне: плутовская, расчётливая, сопровождаемая оценкой и взвешиванием обстоятельств.	В слух: «Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?» Про себя: «В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо востро!» В слух: «Благое дело изволили предпринять...» Про себя: «Прошу посмотреть, какие пули отливает!» В слух: «И на долгое время изволите ехать?» и т. п.

При каких обстоятельствах	Характеристика интонации	Примеры
В разговоре с Осипом.	Снисходительная, покровительственная и заискивающая.	„А мне очень нравится твоё лицо. Друг, ты должно быть хороший человек“. „Ну, что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик,—оно теперь холодновато,—так вот тебе пара целковиков на чай“.
После помолвки своей дочери с Хлестаковым.	Самодовольная, откровенно-торжествующая, почти кричащая.	„Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дескать, какую честь бог послал городничему, что выдаёт дочь свою—не то, чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете ещё не было, что может всё сделать всё, всё, всё! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, чорт возьми! Уж когда торжество, так торжество“.
В разговоре с купцами.	Ироническая, злобная, грубая.	„А! здорово, соколики!“ Что, голубчики, как поживаете? Как товар идёт ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Что, много взяли?.. Семь чертей и одна ведьма вам в зубы“.
В последнем монологе.	Страстно-иступлённая, взволнованная, исполненная самобичевания и злобы.	„Вот смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу (<i>грозит самому себе кулаком</i>). Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливается колокольчиком! Мало того, что пойдёшь в посмешище—найдётся шелкопёр, бумагомарак, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь? над собой смеётесь!.. Эх вы!.. (<i>Стучит со злости ногами об пол.</i>) Я бы всех этих бумагомарак! У, шелкопёры, либералы проклятые! Чортово семя! Узлом бы вас завязал, в муку бы стёр вас всех, да чорту в подкладку! в шапку, туды ему!.. (<i>Суёт кулак и бьёт каблуком в пол.</i>)“

Тональность речи городничего особенно интересна и показательна в его обращениях с людьми различного ранга. В этом отношении нельзя не вспомнить лирического отступления Голя из поэмы «Мёртвые души» об обращениях на Руси.

«Надобно сказать, — пишет великий сатирик, — что у нас на Руси если не угнались ещё кой в чём другом за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец век не смекнёт и не поймёт всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у кого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот; словом хоть восходи до миллиона, всё найдутся оттенки (т. I, гл. III).

Всё сказанное вполне применимо к городничему. Его обращение с людьми предвосхищает обращение Чичикова с помещиками.

Таким образом, речь городничего по словарю, фразеологии и интонациям разнообразна. Городничий нежен с женой, вежлив с сослуживцами, подобострастен с Хлестаковым, презрителен с Добчинским и Бобчинским, снисходителен с Осипом, злораден и свиреп с купцами и совершенно немеет, т. е. теряет дар речи, перед самым высшим начальством.

По сравнению с речью городничего язык других действующих лиц комедии не отличается таким разнообразием. Так, речь зрителя училищ до крайности бедна во всех отношениях. Характерный словарь её состоит по преимуществу из «жалостных слов»: «господи», «боже», «бог», «всего боишься», «не могу», «робость», «оробел», «не смею знать» и т. п. Фразеология его речи характеризуется восклицательными и вопросительными предложениями. Первые выражают его постоянный ужас, смятение и страх перед начальством, вторые — неразрешённое недоумение запуганного человека. Тональность речи Луки Лукича однолинейна. Она строится главным образом на эмоции страха. «Я, признаюсь, — говорит он, — так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет, и язык как в грязь завязнул». Вся сущность этого постоянно дрожащего и запуганного частыми ревизиями человека выразилась в его классической фразе: «Не приведи бог служить по учёной части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек».

Столь же однолинейна и бедна речь судьи Ляпкина-Тяпкина. В отличие от речи зрителя училищ она строится на интонациях самодовольства. Судья слышит и сам себя считает «вольнодумцем», потому что прочитал за свою жизнь «пять или шесть книг». При чрезвычайных обстоятельствах он пускается в умствования, т. е. начинает строить различные догадки и попадает, по выражению городничего, «пальцем в небо», потому что крайне глуп и ограничен. Будучи человеком самодовольным, он, по замечанию Гоголя, «каждому слову своему даёт вес», при этом любит «сохранять в лице своём значительную мину». В силу самодовольства своего он говорит не иначе, как «басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом бьют».

Небогата и речь почтмейстера — невежды, охотника до чтения чужих писем. Почтмейстер, как и судья, духовно беден и скуден в своей речи. Его речь поражает, как и речь судьи, глупыми домыслами, отрывистыми, скачущими фразами, присутствиями ему, как глупому и ограниченному человеку. Вот пример его речи в диалоге с городничим:

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А разве вы не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну, что? как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет...

...Право война с турками. Это всё француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам...

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Несколько иной характер носит речь попечителя богоугодных заведений Земляники. Он тонкий, убеждённый плут, плут без всякого зазрения совести, плут без раскаяния, к тому же подхалим и фискал, т. е. тайный доноситель по начальству. Он знает тайну, как угодить начальству, как ему «пыль в глаза пустить» и как утопить своих ближних в ложке воды. Он на-ябедничал Хлестакову на всех своих сослуживцев. Это и понятно. Он умеет возвышаться не иначе, как втапывая в грязь других. Даже городничий не постиг всех тонкостей и подлостей обращения с начальством, какие усвоил и мастерски применяет Земляника. Его язык типичен для чиновника — подхалима и бюрократа. В его речи явно преобладает ярко выраженная бюрократическая фразеология. В этом отношении особенно характерен его разговор с Хлестаковым. Вот несколько примеров из него:

Артеми́й Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Арте́мий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Арте́мий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству... Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу.

Обратимся к анализу речи Хлестакова.

По тону «речь его отрывиста, и слова вылетают из его уст совершенно неожиданно». Такая тональность его речи стоит в тесной связи с его легкомысленным и придурковатым характером. По оценке самого Гоголя, Хлестаков «приглуповат и, как говорят, без царя в голове,—один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения». Основная черта его характера—это «необычайная лёгкость в мыслях», и она отражается прежде всего в содержании его высказываний.

По содержанию речь Хлестакова сумбурна. Он может говорить о чём угодно и притом обо всём сразу.

Уже в первом своём монологе он обнаруживает явную сумбурность своего сознания: то он жалуется на голод, доводящий его до тошноты; то вдруг, забыв об этом, начинает с умилением вспоминать азартную картёжную игру в штосс и восхищается мастерством пехотного капитана, который ловко штоссы срезывает; то неожиданно начинает сетовать на то, что в овощных лавках ничего не отпускают в долг (действие 2-е, явление III). Та же картина во втором монологе. Ощущая мучительный голод, Хлестаков начинает сначала думать о том, что бы ему продать из своего туалета, чтобы удовлетворить голод. И вдруг, совершенно забыв об этом, начинает сожалеть только о том, что каретный мастер Иохим не дал ему напрокат новой кареты, потому что как было бы хорошо приехать к соседу-помещику именно в карете с фонарями впереди и с Осипом, одетым в ливрею, позади; наконец, он уже представляет, как он любезничает с хорошенькой помещицой дочкой и, мысленно расшаркиваясь перед ней ножкой, нежно говорит ей «сударыня» (действие 2-е, явление V).

Таким образом, Хлестаков, даже в трезвом состоянии и в безвыходном положении, когда всякий серьёзный человек становится более вдумчивым и озабоченным, остаётся тем же пустым фанфароном, каким он наиболее ярко предстаёт перед нами в состоянии опьянения и безудержного, стихийного хвастовства в гостях у городничего. Здесь он начинает настолько заворачиваться, что в его речи совершенно утрачивается и элементарный здравый смысл, и грамматическая связь, и логическая последовательность в развитии мыслей. Первое нарушение чувства здравого смысла в речи Хлестакова сказывается в сообщении им разных несообразностей, никак не вяжущихся с сознанием нормального человека. Так, он хвастает, что для

приглашения его в департамент к нему посылают 35 тысяч курьеров.

Всё более и более раздувая своё тщеславие, Хлестаков выдаёт себя за знаменитого литератора и сообщает оторопевшим чиновникам, что всё, что известно под именем барона Брамбеуса, Фрегата Надежды и Московского Телеграфа,— всё это он написал и притом в один вечер. Сам того не подозревая, он смешал в одну кучу писателя, литературное произведение и ежемесячный журнал.

На вопрос Анны Андреевны, какие балы даются в Петербурге, Хлестаков отвечает без всякой сообразности со здравым смыслом: «Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку — пар, которому подобного нельзя открыть в природе». Логическая безрассудность и этой реплики Хлестакова сказывается в сочетании им несочетаемых понятий: бала — с супом и арбузом.

В тесной связи с бесполой речью Хлестакова стоит список его простодушных самозванств. За кого себя выдаёт Хлестаков? За помощника начальника отделения, за коллежского асессора, за главнокомандующего, за друга Пушкина, за знаменитого литератора, поправляющего всем стихи, и, наконец, за фельдмаршала. В этой прихотливой лестнице самовозвышений опять ясно видна обычная хлестаковская сумбурность, хаотичность понятий, соединение несоединимого: коллежский асессор и главнокомандующий, поэт, поправляющий всем стихи, и фельдмаршал.

Таким образом, основным свойством и пороком речи Хлестакова является её алогичность: она лишена всякого здравого смысла и трезвых понятий.

Итак, анализ речи действующих лиц комедии «Ревизор» показал нам, что в самом языке персонажей Гоголь-реалист сумел неотразимо ярко и убедительно показать социальное и индивидуальное, типичное и единичное в облике каждого из героев своей бессмертной комедии.

ЗНАЧЕНИЕ КОМЕДИИ

Белинский называл комедию «Ревизор» «превосходным произведением искусства»¹.

Позднее критик-демократ утверждал, что все драматургические опыты Гоголя представляют собой какое-то исключительное явление в русской литературе и что «после драматических пьес Гоголя ничего нельзя ни читать, ни смотреть на театре»². Так оценил Белинский драматургическое наследие

¹ «Белинский о Гоголе», стр. 145.

² Там же, стр. 275.

великого русского писателя Гоголя, обратив особое внимание на высокое художественное мастерство бесподобной комедии «Ревизор».

Для понимания общественного значения комедии Гоголя «Ревизор» надо учесть, что её постановка на сцене совпала с появлением в русском театре оперы Глинки «Иван Сусанин». В бессмертной опере русского композитора ярко показаны высокий патриотизм и героизм русского народа, проявившиеся в борьбе с польскими захватчиками в 1612 г. В комедии же Гоголя получило своё художественное отражение всё мерзкое и подлое, достойное лишь осмеяния, что было характерно и типично для правящих кругов царско-бюрократической современной Гоголю России. При этом, что особенно замечательно, никаких нравственных сентенций в комедии нет. Гоголь не морализует, выводя на сцену плутов и мерзавцев. Он не заботится об их исправлении. Автор поражает моральных уродов беспощадным, карающим смехом, который он считал единственным честным лицом своей комедии. Автор избрал для борьбы со всем дурным, что было в царской России, высокий, благородный смех, потому что был глубоко убеждён, что смеха боится даже тот, кто ничего не боится. В его комедии выразился страстный протест против общественно-политических неурядиц в России. Протест этот был вскормлён недовольством народных масс, испытывавших на себе всю тяжесть чудовищного произвола чиновников-бюрократов и самодержавного строя эпохи. Народная масса представлена в комедии пассивно-страдательной, ещё не поднявшейся до гражданского самосознания своих политических прав. Народ представлен здесь в образах арестантов, томящихся в тюрьмах и не получающих пищи, забитых гарнизонных солдат, которые лишены исправного обмундирования («сверху мундир, а внизу ничего нет»); бедных больных, которых преднамеренно кормят одной кислой капустой, чтобы они скорее «выздоровливали, как мухи», т. е. умирали. Представители бесправного народа показаны в пьесе и в образе слесарши, мужа которой незаконно отдали в солдаты, и в образе унтер-офицерши, которую ни за что высекли, и в образе крепостного слуги Осипа, который значительно умнее и рассудительнее своего барина, но должен служить ему. Смело разоблачив правящий класс чиновников, Гоголь выразил искреннее сочувствие обездоленному народу. Комедия прозвучала обвинительным актом против правящих кругов и показала разложение всего правящего аппарата. Вот почему она получила очень серьёзный общественный резонанс. Современники Гоголя увидели в комедии сатиру на всю государственную систему царской России, и одни за это превозносили писателя, а другие чернили и порицали.

Дворянские и бюрократические круги всех рангов требо-

вали запрещения комедии «Ревизор» и добились исключения пьесы из репертуаров театра.

Реакционная часть журнальной критики, открыто прислуживавшая правительству, не отставала от общего хора оскорбителей писателя и также старалась умалить глубокое общественное значение комедии. Булгарин — редактор журнала «Северная пчела» — обвинял комедию Гоголя в неправдоподобности изображённых в ней характеров.

Но совершенно по-другому отнеслась к комедии Гоголя передовая, демократическая общественность того времени. Белинский в журнале «Молва» иносказательно писал о комедии «Ревизор»: «Ошибаются те, которые думают, что эта комедия смешна и только. Да, она смешна только снаружи, но внутри — это горе-гореваньице, лыком подпоясано, мочалом испутано».

Ещё резче выразил отношение передовой молодёжи к комедии Герцен. Будучи за границей, он писал:

«Никто никогда до Гоголя не читал такого полного патолого-анатомического курса о русском чиновнике. С хохотом на устах он без жалости проникает в самые сокровенные складки нечистой, злобной чиновничьей души» (1851).

«Публика своим смехом и рукоплесканиями протестовала против пьяной и тягостной администрации, против воровской полиции, против общего дурного правления» (1857).

В глазах демократических кругов комедия Гоголя стала мощным оружием борьбы против реакции, потому что, желая осмеять только чиновников, Гоголь по существу нанёс сокрушительный удар по всему политическому строю России.

Не менее велико было и литературное значение комедии «Ревизор». Гоголь выступил в литературе как писатель-новатор. Своей комедией он сказал новое слово. Из русских драматических произведений при жизни Гоголя на сцене ставились главным образом казённо-патриотические драмы на исторические темы писателя Нестора Кукольника. Одна из его пьес называлась «Рука Всевышнего отечество спасла». В ней очень напыщенно и ходульно изображалось избрание на престол Михаила Романова. Драма эта впервые была поставлена на сцене на год раньше комедии Гоголя «Ревизор», в 1834 г., и понравилась реакционным кругам дворянства и царскому правительству, так что автор её был награждён. Когда редактор журнала «Московский Телеграф» писатель Полевой напечатал в своём журнале остро критическую статью на фальшивую пьесу Кукольника, то его журнал был закрыт. По этому поводу среди современников ходила эпиграмма: «Рука всевышнего три дела совершила: отечество спасла, крест автору дала и Полевого задушила».

Появление на русской сцене комедии Гоголя «Ревизор» было началом переворота в русском театре. Гоголь отверг ряд

требований, которым подчинялось большинство комедий до него: любовную завязку, деление действующих лиц на положительных и отрицательных, морализующего персонажа (режонёра), нравоучительную концовку, наказание порока, единство места, времени и т. п.

Таким образом, уже в самом построении гоголевской пьесы есть такие черты, которые говорят о глубоком и смелом новаторстве Гоголя в комедийной драматургии. Отрицая «всё дурное» в общественно-политической жизни, Гоголь отверг и многие старые нормы театрального искусства.

Гоголь создал реалистическую комедию, которая глубоко и правдиво изображала живую, реальную жизнь царской России с её тягостным полицейским строем и чиновниками-взяточниками.

Таково общественное и литературное значение комедии Гоголя «Ревизор».

По изучении комедии в классе проводится подытоживающая и закрепляющая беседа по вопросам, которые предварительно надо дать учащимся на дом для обдумывания:

1. Какие общественные классы разоблачил Гоголь в своей комедии «Ревизор»?

2. Главные черты чиновников в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

3. Какие общие черты присущи всем чиновникам?

4. Есть ли в комедии честное лицо? Кого сам автор считал честным лицом своей комедии?

5. В чём заключается общественно-политическое и художественно-литературное значение комедии?

После подытоживающей и закрепляющей беседы учащимся можно дать в классе или на дом самостоятельную работу на две-три темы из числа следующих тем по выбору учителя:

1. Изложение содержания комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

2. Главные черты чиновников в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

3. Язык городничего в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

4. Почему чиновники города N приняли Хлестакова за ревизора?

5. Образы городских сплетников-обывателей в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

6. Образы бесправных людей в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

7. Значение эпиграфа комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

8. Основные особенности комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» как драматического произведения.

9. Кого и за что осудил Гоголь в своей комедии «Ревизор»?

АНАЛИЗ ПОЭМЫ Н. В. ГОГОЛЯ «МЁРТВЫЕ ДУШИ» В ШКОЛЕ

Поэма «Мёртвые души» является вершиной творчества Гоголя. В ней нашли своё высшее выражение все основные особенности его таланта: глубочайший реализм, народность, лирическое одушевление и бесконечный юмор, переходящий в грозный, карающий смех.

Читая «Мёртвые души», мы ~~сначала~~ смеёмся. Смеёмся над тем, с каким комическим одушевлением Гоголь повествует о господине средней руки, въезжающем в город N, смеёмся над рассуждением двух мужиков по поводу колеса проехавшей брички, над франтом в весьма узких и коротких канифасовых панталонах и т. д. И мы продолжаем смеяться и далее, читая поэму, как смеялся Пушкин и вся читающая Россия, впервые знакомясь с замечательным произведением Гоголя. Однако смех читателя скоро уступает место раздумью, и становится совершенно ясно, что «ничего шуточного и смешного» нет в поэме, как и во всех произведениях Гоголя, что в ней ни в одном слове нет намеренья смешить читателя: всё в ней «серьёзно, спокойно, истинно и глубоко» (Белинский).

Своеобразный сплав смешного и грустного, комического и трагического — это характернейшая особенность таланта Гоголя, «...он столько же трагик, сколько и комик, но ...отдельно тем или другим он редко бывает в отдельном произведении, но чаще всего слитно тем и другим. Комизм — слово узкое для выражения гоголевского таланта. У него и комизм-то выше того, что мы привыкли называть комизмом», — писал Белинский¹.

Этот высший комизм Гоголя находит своё самое яркое проявление в поэме «Мёртвые души». Комическое в «Мёртвых

¹ Письмо К. Д. Кавелину 7 декабря 1847 г., см. «Белинский о Гоголе», стр. 447—448.

душах» лишь более ярко оттеняет общую трагическую картину русской действительности, необычайно широко и ярко изображённую в поэме. Герои Гоголя — типичные характеры, носители основных качеств определённых социальных слоёв русского общества и в то же время живые индивидуальности, неповторимом своеобразии которых воплощены «общие элементы нашего общества». Наряду с правдивым воспроизведением типичных характеров Гоголь рисует и типические обстоятельства, порождающие эти характеры, социальную среду. Вот почему поэма Гоголя стала ярчайшим обвинительным актом против всего существующего жизненного уклада, разоблачением не отдельных пороков и недостатков тогдашнего общества, а всего строя феодально-крепостнического и капиталистического мира.

Гневная ненависть к угнетателям — к миру мёртвых душ — у Гоголя сочеталась с глубокой любовью к русскому народу, к родине, к России.

Ни одно из созданий Гоголя не было проникнуто такой высокой патриотической мыслью, как «Мёртвые души», ни одно из них не дышало столь «страстной, нервистой, кровной любовью к плодovitому зерну русской жизни»! Это соединение ненависти к тёмным силам реакции и всему созданному реакцией строю социально-политической жизни и любви к русскому народу составило жизненный пафос поэмы, её основной смысл.

В своей поэме Гоголь выступал как представитель своего народа, ибо, с точки зрения закабалённых и закрепощённых народных масс, он осуществлял суд над его угнетателями, над всем царством мёртвых душ, противопоставляя им Русь народную. Величественным образом мчащейся тройки заканчивает Гоголь свою поэму, как символом грядущего освобождения народа от сковывающих его движение мёртвых сил.

По свидетельству современников (Герцен), «Мёртвые души» потрясли всю Россию».

По «крайнему разумению и искреннему горячему убеждению» В. Г. Белинского, «Мёртвые души» стоят выше всего, что было и есть в русской литературе...¹ «Мёртвые души» были вершиной не только творчества Гоголя, но и наиболее крупным произведением критического реализма первой половины XIX в.; они оказали определяющее влияние на всю последующую русскую литературу и искусство, развивающееся под знаменем реализма.

ВВОДНОЕ ЗАНЯТИЕ. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПОЭМЫ

Чтение и комментирование отрывков 1-й главы поэмы

В качестве вводного занятия, подготавливающего учащихся к дальнейшей самостоятельной работе под руководством учи-

¹ «Белинский о Гоголе», стр. 326.

теля, следует провести чтение и комментирование отрывков первой главы поэмы и анализ их в классе.

Начиная работу по изучению поэмы, учитель в кратком вступительном слове сообщает о том, как была создана Гоголем поэма и каков был идейный замысел Гоголя, воплощённый в поэме.

Так как прочитать полностью первую главу поэмы в классе нет возможности, то необходимо дать учащимся задание прочитать первую главу поэмы дома, составить краткий план её, подготовиться к рассказу содержания. При этом учащиеся должны записать, какие непонятные слова и выражения встретились им в первой главе поэмы.

Примерный план вводного занятия:

1. Краткое вступительное слово учителя о том, как была создана Гоголем поэма «Мёртвые души», и об идейном замысле автора.

2. Беседа в целях проверки домашнего задания, объяснение непонятных слов.

3. Анализ двух-трёх отрывков поэмы (первой главы).

- а) Начало поэмы — въезд Чичикова в город.

- б) Чичиков на вечеринке у губернатора.

4. Задание на дом к следующему уроку.

Основная цель урока — ввести в понимание идейного замысла писателя, возбудить интерес к поэме Гоголя.

Вступительное слово учителя

Примерный текст его таков.

«Мы приступаем к изучению поэмы Гоголя «Мёртвые души» — самого крупного и наиболее значительного из произведений Гоголя, вершины его творчества.

Гоголь работал над первым томом «Мёртвых душ» свыше шести лет — с осени 1835 г. по осень 1841 г. До конца своей жизни, т. е. в продолжение свыше десяти лет, он работал над вторым томом поэмы.

Недовольный результатом своей работы, Гоголь в 1845 г. сжигает всё написанное им для второго тома. За несколько дней до смерти Гоголь сжёг уже совершенно готовый к печати второй том поэмы. Таким образом, до нас не дошёл второй том поэмы, сохранились лишь отдельные черновые наброски и главы его. В дальнейшем у нас речь будет идти всё время о первом томе поэмы Гоголя.

Задумана была поэма «Мёртвые души» под прямым влиянием Пушкина. Когда Гоголь летом 1835 г. читал Пушкину свои путевые заметки — сценки и наброски с натуры, — Пушкин был поражён наблюдательностью Гоголя и меткостью зарисовок людей и характеров.

«Как, — воскликнул он, — с этой способностью угадывать

человека и несколькими чертами выставляя его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение!» Пушкин дал Гоголю сюжет «Мёртвых душ»; одобрение Пушкина получили и первые главы поэмы, которые читал ему Гоголь перед своим отъездом за границу.

Гоголь начал писать свою поэму ещё раньше, чем написал «Ревизора», и после окончания «Ревизора» всецело погрузился в работу над «Мёртвыми душами», отдал ей все свои силы.

По идейному замыслу первый том поэмы «Мёртвые души» близок к «Ревизору».

Гоголь в «Ревизоре» рассказал суровую правду о чиновничьем произволе, о взяточничестве, царившем во всех уголках России.

В «Мёртвых душах» Гоголь решил разоблачить и показать подлинное лицо не только чиновников, но и помещиков — тогдашних «хозяев жизни». Гоголь предвидел новое озлобление и клевету со стороны так верно показанных им «мёртвых душ». «Ещё восстанут против меня новые сословия и много разных господ, — писал он Жуковскому, работая над поэмой, — но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками».

Подсказанный Пушкиным сюжет — поездка Чичикова с целью покупки у помещиков мёртвых душ — был очень удобен для того, чтобы вывести разнообразных представителей помещичьего мира, показать также и чиновников, с которыми встречается Чичиков, приезжая в губернский город и оформляя свои сделки по покупке мёртвых душ.

Сам Чичиков, скупающий мёртвые души, тоже был весьма типичным представителем нового, только ещё нарождавшегося тогда в обществе человека-дельца, предпринимателя. Гоголь был очень доволен данным ему Пушкиным сюжетом. «Какой огромный, какой оригинальный сюжет! — восклицает он в письме к Жуковскому в ноябре 1836 г., работая над поэмой. — Вся Русь явится в нём».

Таким образом, не внешняя история — приключения Чичикова — составляет содержание поэмы Гоголя, а показ всей России. Помещики и чиновники в ней изображены как мёртвые души. Однако Гоголь не ограничивается только сатирическим изобличением разнообразных типов «Мёртвых душ» — помещиков и чиновников. В поэме показаны и образы крестьян. Гоголь с особой любовью говорит в своей поэме о народной силе, о русском народе, о просторах своей родины, о народной песне. Мёртвым душам помещиков и чиновников противопоставлена в поэме живая душа народа. В ряде лирических отступлений Гоголь высказывает свою любовь к родине и веру в её великое будущее.

Наряду с сатирическим изобличением всего феодально-крепостнического общества в поэме Гоголем показана народная

сила Руси, дан образ великой родины, с глубокой патриотической силой противопоставлена всему мёртвому царству помещиков и чиновников и плутов-приобретателей народная Русь. Величественным образом Руси — необгонимой тройки, несущейся вперёд, — заканчивается поэма.

Беседа с целью выяснения знания учащимися содержания первой главы

Для того чтобы успешно было проведено занятие по анализу учителем ряда отрывков из первой главы поэмы, следует выяснить, прочитана ли она учащимися. Учащимся было задано прочесть первую главу, написать краткий план её, записать слова, смысл которых им неясен. Экономя время, следует спросить у одного из учащихся, какой он составил план первой главы. Затем путём опроса других учащихся следует уточнить этот план и предложить двум-трём учащимся кратко рассказать содержание выделенных частей. Всё это делается быстро, лишь с тем, чтобы было выяснено, что учащиеся действительно знают содержание первой главы. Кратко должны быть объяснены устаревшие, вышедшие из употребления слова, а также вообще непонятные слова и обороты речи, встречающиеся в первой главе, такие, например, как «канифасовые панталоны» (брюки из канифаса — полосатой бумажной ткани), «трактир» (ресторан; впоследствии — ресторан низшего разряда), «демикотонный сюртук» (сюртук из плотной бумажной ткани), «сбитенщик» (продавец сбитня — горячего напитка из мёда с добавлением пряностей), «коллежский советник» (гражданский чиновник; в царской России было 14 чинов; коллежский советник — средний чин в табели рангов) и т. д.

Количество слов, подлежащих объяснению, определяется общим уровнем развития класса. Преподаватель сам должен составить себе список всех устаревших или иностранных слов первой главы (кроме уже названных выше: «кабак», «штучные выкладки карельской берёзы», «нимфа», «мезонин», «антраша», «бутошник», «бостончик», «бакенбарды», «ломбард», «спускать на курьерских», «пассаж» и др.) и сам спросить тех или иных учащихся, не дожидаясь того, чтобы его спросили сами ученики.

Чтение отрывков первой главы

Чтение отрывков из первой главы и толкование текста — важнейшая и самая ответственная часть урока. Преподаватель должен обеспечить достаточное время на уроке для этого занятия.

Как читать учителю? Лучшим чтением своих произведений был сам Гоголь.

П. В. Анненков вспоминает, что Гоголь диктовал ему

свою поэму «мерно, торжественно, с таким чувством и полнотой выражения, что главы первого тома «Мёртвых душ» приобрели в моей памяти особый колорит. Это было похоже на спокойное правильно разлитое вдохновение, какое порождается глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслью»¹. Гоголь диктовал «Мёртвые души», как поэму.

Следовательно, читая поэму, отнюдь не следует подчёркивать внешний комизм её, к чему весьма склонны неискушённые слушатели, однако своей интонацией учитель должен подчеркнуть отдельные места тоном иронии, лёгкой усмешки. Таковы все места в поэме, где Гоголь говорит о Чичикове (а равно и о многих других героях, например, о Манилове, о чиновниках города). В связи с этим тон лёгкой насмешки, ирония должны звучать уже с самого начала чтения поэмы: «В бричке сидел господин...» и т. п.

Диалог двух мужиков необходимо прочесть с наивной серьёзностью. Ирония слышится и в описании франта с бронзовым пистолетом, и вертлявого полового. Слова: «покой был известного рода», «гостиница была тоже известного рода» — в чтении подчёркиваются.

Приступая к истолкованию прочитанного текста, учитель должен себе представить ясно цель, к которой он стремится: цель — дать учащимся ключ к самостоятельному, осмысленному чтению и подлинному пониманию Гоголя.

Необходимо научить учащихся понимать содержание поэмы, её глубочайший реализм, стремление автора к широким обобщениям, иронию, всепроникающий юмор, народный взгляд автора, т. е. взгляд снизу, с народной точки зрения, на выводимых в поэме персонажей и на их взаимоотношения. Необходимо дать почувствовать учащимся идейный замысел поэмы, т. е. указать, что, описывая Чичикова или сообщая о его похождениях, автор имеет в виду отнюдь не персону самого Чичикова, но рисует всю Русь, даёт широкую картину русской жизни, совершает суд над мёртвыми душами в ней.

Прочитав отрывок — начало поэмы, учитель указывает, что в нём Гоголь говорит о въезде Чичикова в город N, описывает некоторые сопровождающие этот въезд мелкие обстоятельства, рассказывает о встрече Чичикова с половым, трактирным слугой и даёт описание гостиницы.

Поэма не имеет предисловия. Как увидим далее, предисловием к ней можно считать лирическое отступление о путнике, возвращающемся домой, и о двух типах писателей. Помещённое в начале седьмой главы. В начале поэмы нет и биографии Чичикова, которая перенесена в конец

¹ «Гоголь в воспоминаниях», стр. 270.

поэмы, дана в одиннадцатой главе. Сам Чичиков описан в начале поэмы весьма неопределённо. Сначала показывается довольно красивая, небольшая рессорная бричка, в которой ездят холостяки, помещики среднего достатка — «господа средней руки». Таким образом, Чичиков характеризуется через описание его брички: в такой бричке ездят холостяки, помещики среднего достатка. И далее мы не видим даже описания внешности Чичикова. Ничего об этом не говорит Гоголь, а ведь он был величайшим мастером портрета! Гоголь пишет: «В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод». Вот и всё. Гоголь сознательно не даёт в начале поэмы портрета Чичикова. Отказом дать ему характеристику Гоголь указал на одну из самых отличительных особенностей Чичикова: Чичиков — человек, прячущий истинное лицо своё, лицо хищника, неутомимого и беспринципного приобретателя; он всё время прячется под ту или иную маску. Въезжая в город N, Чичиков надел на себя личину благовоспитанного, культурного, светского человека. Конец первой главы показывает, что Чичиков достиг своей цели: Гоголь в комических, иронических выражениях передаёт, как о Чичикове благоприятно отзываются все чиновники и даже Собакевич, сроду никого не похваливший на своём веку.

Далее учитель обращает внимание учащихся на то, что Гоголь, начиная свою поэму, рассказывает не только о Чичикове.

Тут же показаны и крестьяне (два мужика, рассуждающие о колесе брички Чичикова), и франт с тульской булавкой — представитель того светского общества, которое будет так зло высмеяно Гоголем в поэме.

Уже на первой странице Гоголь начинает рисовать типичную картину русской жизни, показывает обычную обстановку губернского города: грязную гостиницу, комнату с тараканами, питейные дома, кабак, казённые учреждения, окрашенные вечно-жёлтой краской.

Особенно характерна такая подробность: в «покойной» комнате, отведённой Чичикову, за дверью устраивается сосед, «молчаливый и спокойный» наблюдатель — представитель полиции.

Посмотрим, как Гоголь в дальнейшем описывает губернский город, чиновников и главного героя — Чичикова.

Вот Чичиков отправляется в общую залу для проезжающих. Эта общая зала также показывается Гоголем как весьма заурядное явление: поезжайте в любой город и в каждой гостинице вы найдёте именно такую общую залу. Гоголь пишет: «Какие бывают эти общие залы — всякий проезжающий знает очень хорошо: те же стены... та же копчёная люстра... те же картины... словом, всё то же, что и везде...»

Гоголь сознательно не даёт определённого имени изображаемому им городу, а называет его губернским городом N;

цель автора — показать, что он изображает не какой-то конкретный город, но типичный губернский город.

Чичиков отправляется смотреть город. «Чичиков... нашёл, что город ничем не уступал другим губернским городам». Все города были тогда примерно такими же. Вот магазин с картами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Фёдоров».

Почему смешон иностранец Василий Фёдоров? О чём свидетельствует эта надпись?

Вот другая типичная деталь города: «Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: «Питейный дом».

Заглянул Чичиков в городской сад. Как Гоголь описывает городской сад? Это одно из самых ярких сатирических мест первой главы. Обратите внимание на то, что было в действительности, каков был действительный сад и как сад был описан в правительственных газетах, какими словами в правительственных газетах расписывали мнимые чувства граждан к господину градоначальнику: «...хотя эти деревца были не выше тростника, о них было сказано в газетах при описании иллюминации, что город наш украсился, благодаря попечению гражданского правителя, садом, состоящим из тенистых, широковетвистых деревьев, дающих прохладу в знойный день, и что при этом было очень умирительно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слёз в знак признательности к господину градоначальнику».

Здесь Гоголь пародирует официальный язык казённых описаний народного благополучия, мнимой любви граждан к своим начальникам. Это уже не бладушный смех, а резкая, бичующая сатира.

При описании юркого, «вертлявого» полового — трактирного слуги, при обрисовке «покойного» номера гостиницы, мужиков, рассуждающих о колесе брички Чичикова, сбитенщика с лицом, похожим на самовар, Гоголь смеётся добродушно, здесь звучит его мягкий юмор. Но смех Гоголя превращается в гневный, сатирический, когда он обращается к характеристике «значительных лиц», власть имущих, тех, кто является «хозяевами жизни», к изображению чиновников и помещиков.

Остановимся на двух характеристиках чиновников, данных Гоголем в первой главе поэмы: на сравнении чиновников с мухами и на описании чиновников толстых и тонких.

Когда Чичиков вошёл в зал (будучи приглашён на домашнюю вечеринку к губернатору), он увидел при ярком свете мелькающие пары танцующих. «Чёрные фраки мелькали и но-

сились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета...» (читается до конца это сравнение).

Почему мы смеёмся, читая это замечательное развёрнутое гоголевское сравнение? Чем напоминают чиновники мух? Обратите внимание на то, что в баснях Крылова, в народных сказках обычно с сатирической целью люди изображаются в образах животных. О чём свидетельствует это сравнение чиновников с мухами?

Обратимся теперь к авторскому отступлению о толстых и тонких чиновниках. (Цитируются выдержки из этого авторского отступления: «Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни тоненькие, которые всё увивались около дам...» и до конца.)

Гоголь говорит здесь о чиновниках с нескрываемой насмешкой: тонкие чиновники увиваются около дам, виляют туда и сюда, спускают нажитое отцами добро на курьерских. Они обдуманно зачёсывали свои бакенбарды и т. д.

Толстые чиновники также рисуются в смешном виде: лица у них полные и круглые, на иных даже были бородавки. Они, «служа богу и государю», наживают себе капитал и, чтобы скрыть награбленное, покупают деревеньки, записывая их не на своё имя. Замечательны следующие слова Гоголя: «Накопец, толстый, послуживши богу и государю...» и т. д.

Здесь Гоголь как бы подчёркивает: не смотрите на внешнюю благообразность русских помещиков, хлебосолов, «славных русских бар». А вспомните, как нажито их «добро», на чей счёт они живут и за чей счёт угощаются и так хлебосольно угощают!

Пустота, отсутствие душевного содержания чиновников особенно подчёркивается Гоголем тем, что он полностью характеризует их, описав один только их внешний вид: фигуры, костюм, причёски. Всё это делает речь Гоголя комической: нам смешны люди, похожие на мух, люди, которые отличаются друг от друга только тем, что одни толстые, а другие тонкие.

Этот приём исчерпывающей характеристики человека через описание двух-трёх черточек его внешности мы встречаем всё время у Гоголя. Прокурор, например, полностью охарактеризован тем, что у него весьма чёрные густые брови да подмигивающий левый глаз.

Когда всё же приходится Гоголю в какой-то мере говорить о нравственных качествах его «героев», он всегда сопровождает это оговоркой, подчёркивающей, что отмечаемое им в «герое» душевное качество было «особого» рода.

Так, говоря, что губернатор «впрочем, был большой добряк», Гоголь тут же добавляет, что он настолько был добр, что даже сам вышивал иногда по тюлю. Читателю становится

ясным, что за «доброта» была у губернатора. Говоря о прокуроре с чёрными густыми бровями и подмигивающим глазом, он продолжает: «человека, впрочем, серьёзного и молчаливого». Здесь опять-таки ясно, какова серьёзность прокурора. Характеристика почтмейстера выдержана в этих же тонах: «почтмейстер был низеньким человеком, но остряком и философом».

Следует подчеркнуть, что дело здесь не во внешнем ко-мизме, не в неожиданных переходах речи, а в том, что Гоголь показывает смешную сущность изображаемых им героев, у которых не было за душой ничего человеческого.

Гоголь прибегает к приёму чисто внешнего описания своих героев, исходя из идейного замысла поэмы — показать мёртвое царство мёртвых душ. Мы смеёмся над убожеством, нелепостью, животной примитивностью помещиков и чиновников.

Теперь посмотрим, как Гоголь рисует Чичикова в первой главе.

Разоблачая Чичикова, Гоголь пишет: «В приёмах своих господин имел что-то солидное и... высмаркивался чрезвычайно громко». После ужина Чичиков заснул крепким сном, храпя «во всю насосную за-вёртку, как выражаются в иных местах обширного русско-го государства».

Гоголь сознательно, с целью применил к Чичикову эти грубые, простонародные выражения, чтобы раскрыть подлинную суть Чичикова: Чичиков выдавал себя за светского человека, весьма деликатного и хорошо воспитанного, а на самом деле был дельцом, ловким мошенником, малокультурным и грубым. Гоголь всё время говорит о своём герое с тонкой насмешкой.

Говоря с трактирным слугой, Чичиков задавал ему не все пустые вопросы: он с чрезвычайной точностью расспросил о всех высших чиновниках города. Вот, оказывается, что значит для Чичикова серьёзные, не пустые вопросы.

Говорил Чичиков «ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует, словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек».

Опять нам смешно, что вывод о том, что Чичиков был очень порядочным человеком, сделан на основе того, что он «говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует».

Заключительные замечания Гоголя о Чичикове также смешны, они полностью характеризуют и главного героя, и чиновников, раскрывают подлинную сущность и Чичикова, и чиновников.

«Губернатор о нём изъяснялся, что он благонамеренный человек» («благонамеренный» означало в то

время, что никаких «вольных» мыслей в голове Чичикова не было, что он не имел либеральных взглядов, почитал начальников и т. д.); прокурор о нём сказал, что он дельный человек (опять ирония; как мы узнаем позже, сам прокурор был величайшим бездельником); жандармский полковник сказал, что он учёный человек (здесь смешно нам от сопоставления жандарма и учёности).

Вот примерное содержание урока по анализу отрывков первой главы «Мёртвых душ».

Необходимо сделать некоторые выводы, обобщения в результате проделанной работы. Выводы должны быть краткими и простыми.

1. Гоголь уже с первой страницы рисует яркие реальные картины русской жизни, подчёркивая этим, что его цель — не рассказ о похождениях авантюриста Чичикова, а сатирическое изображение всей современной ему русской жизни.

2. В том, как Гоголь изображает помещиков и чиновников, выявляется народность Гоголя: он разоблачает их, показывает, что под внешней оболочкой культурных, благовоспитанных людей в них скрывается духовное убожество и грубая, животная натура.

3. Поэму Гоголя следует читать внимательно, вдумываясь в её смысл, который раскрывается только на основе изучения её.

Приведённые образцы анализа отрывков поэмы являются, конечно, только материалом, который может быть использован учителем в том или ином объёме, в зависимости прежде всего от наличия времени, от состава учащихся и т. д. Во всяком случае, анализ учителем текста поэмы совершенно необходим: он раскрывает глаза учащимся на творчество Гоголя, обеспечивает возможность дальнейшей их самостоятельной работы над текстом.

Приступая со следующего урока к анализу образов, следует дать учащимся задание по подбору материала к образу Манилова.

Задание на дом:

1. Внимательно перечитать вторую главу поэмы, а также часть главы седьмой (сцену встречи Манилова с Чичиковым).

2. Подготовиться к устным ответам (возможно ближе к тексту) на следующие вопросы:

а) Как описан Манилов в первой главе поэмы?

б) Как характеризуется Манилов от имени автора во второй главе поэмы?

в) Как Гоголь описывает усадьбу Манилова?

г) Какова бытовая обстановка Манилова?

д) Как Гоголь описывает встречу Манилова с Чичиковым в седьмой главе?

АНАЛИЗ ОБРАЗОВ

Общие замечания о работе над образами «Мёртвых душ»

Анализ образов является важнейшей частью школьных занятий по изучению творчества писателей. Здесь именно закладывается прочная база для выводов об идейном содержании произведений, о значении творчества писателя и т. д.

С другой стороны, изучение образов, «как таковых», вне установления связей заключающегося в них содержания с авторским замыслом, с эпохой, в них отражённой, без рассмотрения дальнейшей жизни образов, вплоть до нашей современности, лишает занятия литературой воспитательно-образовательного воздействия на учащихся, обедняет и принижает литературу. Всё это имеет особое значение в применении к анализу образов «Мёртвых душ».

Образы «Мёртвых душ» требуют истолкования, разъяснения, внимательного чтения, предварительной подготовки. Учащимся должен быть дан «ключ» к пониманию их.

Исходным и всеопределяющим требованием изучения образов Гоголя является требование тщательного знакомства с самим произведением, с текстом поэмы.

Это внимание к тексту, требование хорошего знания самого произведения тесно связано с конкретностью мышления учащихся, с живостью их воображения, в силу чего всякого рода выводы, обобщения прочны в сознании учащегося лишь при условии, что они «выведены» из полно и ярко представляемого, сделавшегося достоянием учащегося конкретного образа, текста. С этим тесно связано требование возможно большей работы самих учащихся, что наиболее посильно для них именно при анализе образов.

При анализе образов мы опираемся на авторскую характеристику, на описание различных сцен, в которых действуют и высказываются герои поэмы, встречаемся с обрисовкой обстановки, с размышлениями автора о типичности выведенных им образов. Все эти элементы характеристики образа должны быть привлечены нами, однако не все они являются равноценными. Живая жизнь героя произведения — в его действиях, поступках; с большим вниманием следует отнестись к диалогам, к особенностям речи персонажа. Авторская же характеристика является дополнительным моментом, и было бы ошибкой исключительно на ней основывать оценку того или иного образа, хотя методически иногда целесообразно начать именно с описания и характеристики образа самим автором.

Особое внимание должно быть уделено социальной характеристике персонажей. При этом мы не должны забывать, что

цензурные условия заставляли Гоголя особо скрывать, особо прятать социальную характеристику своих героев, и Гоголь это делает в своей поэме с замечательным искусством.

При анализе образов помещиков социальная характеристика героя, отношение его к крепостным, положение крепостных у того или иного помещика являются важнейшим моментом в его характеристике.

Мы должны раскрыть перед учащимися широчайшую типичность образов Гоголя. Мы говорим о новой жизни образов Гоголя в произведениях В. И. Ленина и И. В. Сталина, об использовании образов Гоголя в наше время в борьбе с капиталистическим миром и с пережитками старого в нашем быту.

Следует смелее и значительнее вводить в школьный обиход ленинские высказывания о тех или иных гоголевских образах, ленинские определения их.

Не следует ограничиваться одним лишь «музейным» пониманием образов Гоголя как образов давно отшумевшей эпохи. В художественных образах Гоголя есть и другая сторона: «Образы, созданные Гоголем, перешагнули то время, когда были созданы»¹.

В. И. Ленин показал образцы мастерского использования гоголевских образов в своих сочинениях.

В таком понимании гоголевские образы оживают в сознании учащихся, как бы выходят из рамок старинных портретов. Учащемуся становится более понятной живая жизнь искусства, связи литературы с жизнью. Такая трактовка образов является необходимым этапом всё более углублённого изучения их.

Наконец, следует отметить также, что в образах, созданных Гоголем, отражено его мировоззрение, авторский подход к явлениям жизни.

Суммируя сказанное, мы приходим к выводу, что при изучении образов Гоголя в школе необходимо:

1) добиваться хорошего знания учащимися гоголевского текста;

2) дать образы Гоголя в историческом аспекте, как типы, в которых «просвечивает эпоха», как воплощение среды, их воспитавшей, условий социально-экономической действительности того времени;

3) углубляя и расширяя понятие гоголевских образов, показать, как они «перешагнули то время, когда были созданы», раскрыть жизнь гоголевских образов в наши дни;

4) в структуре, композиции образов, в их художественно-выразительной словесной форме дать почувствовать учащимся выражение идейного содержания образов и стиля Гоголя.

¹ «Правда», 4 марта 1952 г.

Манилов

П л а н з а н я т и я

Анализ образа Манилова следует провести в классе путём беседы по такому плану:

1. Опрос учащихся с целью воспроизведения в памяти их текста поэмы, относящегося к образу Манилова.

2. Выяснение основных черт характера Манилова.

3. Установление социальной вредности помещиков типа Манилова и их экономической неустойчивости.

4. Выяснение приёмов характеристики, применённых Гоголем при обрисовке Манилова.

5. Вопрос об использовании В. И. Лениным и И. В. Сталиным образа Манилова в своих сочинениях. Маниловщина. Манилов в наши дни.

Опрос учащихся с целью воспроизведения в их памяти текста поэмы проводится по вопросам домашнего задания. Таким образом проверяется знание учащимися текста. Кроме того, требуя развёрнутого, полного ответа, мы проводим упражнение по развитию речи учащихся. Необходимо требовать, чтобы ответы были возможно ближе к тексту, чтобы учащимися были воспроизведены детали текста, относящиеся к Манилову.

Выяснение основных черт характера Манилова

Задав ряд вопросов, учитель сможет привести учащихся к тому, что они сами назовут основные черты Манилова: сентиментальную слащавость, переходящую в приторность, отсутствие живой мысли, живого стремления, душевную пустоту, дряблость и пошлость натуры, мелочность чувств, безразличие, равнодушие ко всему, леность мысли, праздную, пустую мечтательность, прожектерство, ротозейство и беспечность.

Учитель замечает, что В. И. Ленин в одной из своих работ («Памяти Герцена») указывает на «прекраснодушие» как на основную черту помещиков Маниловых первой половины XIX в. Спокойная, тихая жизнь в условиях паразитического барского существования порождала Маниловых с их чувствительностью, слащавой сентиментальностью, пустой мечтательностью и склонностью к звонкой фразе, а вместе с тем дряблостью чувств, отсутствием представления о реальной жизни. Следует обратить внимание на то, что Гоголем прекрасно разоблачено основное противоречие в характере Манилова: его претензия на «культурность» при совершеннейшем ничтожестве и невежественности. Именно это противоречие и делает фигуру Манилова смешной.

Социальная вредность помещиков типа Манилова и их экономическая неустойчивость

Учитель обращает внимание учащихся на то, что Манилов показан Гоголем как типичный представитель провинциального дворянства 30—40-х годов XIX в. Выясняется вопрос о положении крестьян в его имении, о том, как отражается на жизни крепостных, на их судьбе то, что владельцем их был человек, подобный Манилову. Далее обращается внимание на то, как отражается характер Манилова на общем состоянии его имения, каких последствий надо ждать для экономического развития страны от маниловского хозяйничанья, если учесть, что Манилов был широко распространённым типом помещика 30—40-х годов. На основе этого делается вывод о социальной вредности людей типа Манилова.

После этого необходимо учащимся предложить записать кратко основные черты образа Манилова, указав на то, что каждое из отмеченных свойств его характера необходимо подтвердить текстом поэмы. Далее следует обратить внимание учащихся на то, как охарактеризован Манилов в учебнике, и предложить им отметить, насколько, по их мнению, полно дана в нём характеристика Манилова. Это задание выполняется либо дома, либо в классной обстановке. Опыт ряда учителей, зачастую практикующих этот приём работы, показывает, что учащиеся (в особенности наиболее сильные из них) с большим интересом выполняют это задание.

Приёмы характеристики, применённые Гоголем при обрисовке Манилова

Эту часть занятий следует провести как беседу по объяснению текста самим учителем. Учитель обращает внимание учащихся на то, что Гоголь замечательно ярко рисовал портреты-характеристики. Они как живые встают перед читателем. Как же Гоголь достигает этого? Образы Манилова, Коробочки, Собакевича, Ноздрёва рисуются Гоголем почти одинаковыми приёмами.

Обычно Гоголь сначала показывает своего героя читателю как бы на одно мгновение и отмечает в нём две-три наиболее резкие, бросающиеся в глаза чёрточки.

Учащиеся вспоминают беглое описание Манилова в первой главе поэмы: «Тут же познакомился он с весьма обходительным и учтивым помещиком Маниловым». «Помещик Манилов, ещё вовсе человек не пожилой, имевший глаза, сладкие как сахар, и шутивший их всякий раз, когда смеялся, был от него без памяти. Он очень долго жал ему руку и просил уреди-

тельно сделать ему честь своим приездом в деревню...» Следует отметить, что слова «весьма обходительный и учтивый» по отношению к Манилову не следует понимать как авторскую характеристику, не следует принимать, так сказать, всерьёз. Одним из излюбленных приёмов, к которым часто прибегает Гоголь, является характеристика персонажа его же собственными словами, т. е. словами, по своей конструкции, по выбору напоминающими речь самого персонажа, а также словами, взятыми из употребления той социальной среды, в которой вращается герой. Слова «весьма обходительный и учтивый» и «ещё вовсе не пожилой» — характерны для речевого стиля городского дворянско-чиновничьего провинциального общества того времени. «Весьма обходительный и учтивый» — так расценивает это общество Манилова, таким он им кажется. А слова «просил убедительно сделать ему честь своим приездом» — взяты из лексикона самого Манилова. Они характеризуют маниловскую «деликатность», претензию на «культурность».

Типично для Гоголя и сравнение глаз Манилова по сладости их взгляда с сахаром. Остро-ироническое сближение образов людей или их характерных особенностей с вещами и животными часто встречается у Гоголя. Вспомните: у Ивана Ивановича голова была похожа на редьку хвостом вниз, а голова Ивана Никифоровича напоминала редьку хвостом вверх. В первой главе поэмы Гоголь сравнивает чиновников на балу с мухами и т. д.

Важную роль в характеристике помещиков в поэме играет описание их усадьбы. Каков хозяин, такова и усадьба его. Учитель напоминает учащимся описание деревни Манилова и спрашивает, о каких характерных чертах хозяина её говорит вид и состояние этой усадьбы? Надо добавить, что общее впечатление от усадьбы усиливается и описанием пейзажа: «По-одаль, в стороне, темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светлосерого цвета...», т. е. такой же неопределённый, как Манилов: ни то ни сё.

Далее Гоголь выступает с краткой авторской характеристикой Манилова. Опять-таки здесь надо напомнить учащимся, что не следует принимать слова автора о герое, как выражение прямо высказанных собственно авторских суждений о нём. Слова автора звучат иронически. В свою авторскую речь Гоголь вводит слова и выражения данного персонажа или той среды, в которой вращается он. Таким образом, Гоголь освещает своего героя как бы отражённым светом, показывая, как к нему относится его же общество.

Обратите внимание на начало авторской характеристики:

Манилов — это представитель особого рода людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни сё. Автор подчёркивает, что у него речь идёт о типичном явлении русской жизни. Далее автор включает Манилова в новый круг людей — весьма пошлых, имеющих свой особый «задор», пристрастие: хлестаковых, держиморд, собачеев, картёжников, любителей лихо пообедать и т. д.

Всё это особые стилистические гоголевские приёмы сатирического разоблачения выведенных им мёртвых душ. Авторской характеристикой Гоголь даёт разоблачение своего героя, определяет, к какому кругу людей следует отнести Маниловых.

Затем Гоголь показывает, как ведёт себя герой за обедом. Еда играла первостепенную роль в жизни праздных обитателей дворянских поместий. В то же время Маниловы по-иному принимали и угощали Чичикова, чем Коробочка, Собакевич, Ноздрёв, Плюшкин.

Наиболее полно характер Манилова выражается в его речи и в том, как он ведёт себя при сделке с Чичиковым.

Можно предложить учащимся записать коллективно в классе наиболее характерные словечки Манилова, выражающие его натуру: «прошу убедительно сделать мне честь своим приездом»; «наслаждение, именины сердца»; «препочтеннейший и прелюбезнейший, милый, приятный человек»; «наблюсти деликатес в своих поступках»; «поговорить о любезности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, парение этакое»; «у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах; у нас просто, по русскому обычаю, ши, но от чистого сердца» и т. д. Важно иметь в виду не столько исчерпывающий список «маниловских слов», сколько то, чтобы учащиеся самостоятельно находили их, чтобы они понимали, какая черта характера Манилова в них выражена, понимали иронию, насмешку Гоголя над Маниловым, заключённую в каждом из приведённых выражений Манилова.

Подводя итог, учитель обобщает то, что отмечено учащимися о речи Манилова.

Характер Манилова со всей полнотой выражается в манере говорить, в подборе слов, которые он употребляет в своей речи.

Неопределённость, неоформленность Манилова, человека ни то ни сё, претензия его казаться высококультурным человеком выражаются в склонности Манилова к весьма неопределённым, туманным оборотам речи. Говоря, например, об умерших крестьянах, Манилов выражается так: «Неужели вы предполагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили своё существование?» Приезд Чичикова для него — «майский день, именины сердца». Обращаясь к Чичикову, Манилов употребляет «деликатней-

шие» формы речи: «Позвольте вам не позволить этого»; «Нет, уж, извините, не допущу пройти позади такому приятному и образованному гостю»; «Вы всё имеете, даже ещё более». Говоря о губернаторе, он называет его «препочтеннейшим и прелюбезнейшим человеком». Любитель фразы, Манилов упивается закруглённостью речи Чичикова, который, смекнув, что за человек Манилов, приспособливает и свою речь к речи Манилова, говорит столь же «деликатно» и сентиментально.

Манилов любит мудрёные словечки, употребляет иностранные слова, строит свои фразы так длинно, что и сам запутывается в них, каждую фразу сопровождает, как бы размазывает вставными словами: «эдакое», «можно сказать», «в некотором роде», «то-есть», «знаете»; он старается говорить витиевато, лишь слегка касаясь предмета, намекая на него, уклоняясь от реального определения предметов.

В заключение следует остановиться на сатирическом изображении Гоголем Манилова в его действиях, когда наиболее полно выражается сущность его натуры.

Указав на то, что характер того или иного героя наиболее полно отражается в поступках, действиях его, учитель предлагает указать наиболее яркие сцены, в которых полностью проявляется характер Манилова. (Учащиеся называют сцену перед дверью в гостиную, когда Манилов никак не хотел пройти первым; разговор в столовой о городских чиновниках; сцену в кабинете Манилова, где Чичиков просит уступить ему мёртвые души, и др.) Учителю следует остановиться на одной из этих сценок, например на сцене в кабинете у Манилова. Напомнив учащимся, что кабинет Манилова — это «приятная комнатка», стены которой были выкрашены «какой-то голубенькой краской вроде серенькой», где лежит книжка с вечной закладкой на 14-й странице, на окнах помещены горки табачной золы, — учитель обращается к анализу сценки-беседы Манилова с Чичиковым о мёртвых душах.

Манилов, оказывается, вовсе не знает, сколько у него умерло крестьян, и спрашивает об этом у приказчика. Приказчик, с лицом пухлым и полным, с заплывшими жиром глазами — живое олицетворение бесхозяйственности Манилова. Всякие хозяйственные вопросы, говорит Гоголь, — всё это «предметы низкие» для «хорошо воспитанного» Манилова. Из того факта, что «очень многие» из крестьян Манилова умерли, видно, что им не очень-то хорошо живётся у такого «высококультурного» помещика.

Чичиков предлагает Манилову явно жульническую, запрещённую законом сделку: оформить, как живых, умерших крестьян, совершить фиктивную продажу их. Сначала Манилов никак не может понять, чего же от него хочет Чичиков. Гоголь комически описывает растерянность Манилова: «Он чувствовал, что нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой

вопрос—чорт его знает. Кончил он тем, что выпустил опять дым, но только уже не ртом, а через носовые ноздри».

Кое-как уразумев, чего от него хочет Чичиков, Манилов воображает, что эта сделка не совсем чиста со стороны закона: «Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или чтоб ещё более, так сказать, выразиться, негоция, так не будет ли эта негоция не соответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?»

Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, высказав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела».

Когда мы читаем это место, нам смешно. Почему? Смешно стремление Манилова говорить с претензией на высокую образованность; смешно то, что он проявляет «заботу» о «дальнейших видах России».

Кратко суммируя эту часть беседы, необходимо записать с учащимися перечень приёмов характеристики Гоголем Манилова.

Тут же следует указать, что подобные приёмы применяет Гоголь и при характеристике других образов помещиков и что этой схемой следует воспользоваться в дальнейшей работе над образами Коробочки, Собакевича, Ноздрёва, Плюшкина.

1. Предварительный, беглый показ читателю рисуемого образа.

2. Описание имения.

3. Портрет.

4. Обращение с Чичиковым и манера речи.

5. Отзывы о знакомых.

6. Описание обеда.

7. Описание кабинета.

8. Разговор о продаже мёртвых душ.

*Использование образа Манилова В. И. Лениным
и И. В. Сталиным в своих сочинениях.
Маниловы в наши дни*

Условия русской жизни, породившие маниловых, продолжали сохраняться у нас вплоть до Октябрьской революции: существовало самодержавие, остатки крепостничества, существовал класс помещиков, сытая, праздная жизнь одних за счёт работы других.

И в связи с этим продолжали жить маниловы. Кое в чём они изменились, приспособились к новым условиям жизни, но суть их осталась прежней.

В эпоху Гоголя маниловы жили в тихой провинциальной глуши, в своих поместьях и выглядели благодушными, приятно сладкими, внешне безобидными.

В конце XIX в. классовая борьба в России сильно обострилась. Маниловы стали уже совсем не такими благодушными, какими были раньше, а более вредными, более социально опасными. Выявились многие ранее скрытые черты характера их. На первый план выступили в натуре маниловых лицемерие, лживость речей и прожектов их, полностью сохранилась глупость, лень мысли. Вот таких новых маниловых, которые были «в новой коже», и заметил В. И. Ленин в русской жизни конца XIX в. Когда В. И. Ленин находил в действиях, поступках и выступлениях в печати различных политических деятелей склонность к пустозвонкой фразе, несерьёзное прожектерство, какую-то наивность, обывательщину и пошлость, боязнь революции, лживое, на словах только сочувствие трудящимся, а на деле предательство, замаскированную защиту своих привилегий, — Ленин клеймил таких политических деятелей позорной кличкой маниловых.

В борьбе за создание революционной партии в конце XIX в. В. И. Ленин выступил против народников, которые к этому времени выродились в партию, тормозящую развитие революционного движения в России.

Он написал в это время замечательную книгу против народников: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.). В 1897 г. народник Н. Левитский помещает в одном из журналов статью: «О некоторых вопросах, касающихся народной жизни».

Н. Левитский выступает с поистине маниловским прожектом. Он предлагает для спасения крестьянства, которое жестоко эксплуатировалось, разорялось, гибло в условиях проникновения капитала в деревню, ни больше ни меньше, как... устройство общества для взаимного страхования жизни.

Это предлагалось, как пишет Ленин, «голодному Сысойке» и «голодному Митяю».

Ленин клеймит маниловские фразы народников, их маниловские мечтания, маниловское празднословие: «Манилов сидит в каждом народнике», — говорит Ленин.

В период революции 1905 г. и даже в процессе революционной борьбы 1917 г. В. И. Ленин также находил маниловых среди либеральных буржуа—предателей революции, среди всякого рода оппортунистов, политических авантюристов, которые сознательно или несознательно предавали дело народа, выступая с различными маниловскими прожектами в условиях жестокой классовой борьбы.

И. В. Сталин ещё до Октябрьской революции разоблачал

маниловщину некоторых из оппортунистов троцкистского блока.

11 декабря 1937 г. в «Речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы» И. В. Сталин сказал: «Есть люди, о которых не скажешь, кто он такой, то ли он хорош, то ли он плох, то ли мужественен, то ли трусоват, то ли он за народ до конца, то ли он за врагов народа. Есть такие люди и есть такие деятели. Они имеются и у нас, среди большевиков. Сами знаете, товарищи, семья не без урода. О таких людях неопределённого типа, о людях, которые напоминают скорее политических обывателей, чем политических деятелей, о людях такого неопределённого, неоформленного типа довольно метко сказал великий русский писатель Гоголь: «Люди, говорит, неопределённые, ни то, ни сё, не поймёшь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан».

Разящее слово Гоголя помогает нам и сейчас не только в борьбе с остатками и пережитками старого в нашем быту, но и в борьбе с капиталистическим миром.

Отвратительные типы маниловых, как и другие гоголевские типы, полностью сохранились в капиталистическом мире.

При этом на первый план в облике современных американских и европейских маниловых выступает их лицемерие, цинизм.

Организаторы войн, чудовищных преступлений против человечества надевают маски гуманности и человеколюбия.

Для понимания современных маниловых капиталистического общества характерна сценка из поэмы Гоголя (седьмая глава), когда Манилов передаёт Чичикову список мёртвых душ, перевязанный розовой ленточкой.

«Манилов вынул из-под шубы бумагу, свёрнутую в трубочку и связанную розовою ленточкой, и подал очень ловко двумя пальцами.

— Это что?

— Мужички», — ответил Манилов.

Список умерших он перевязывает розовой ленточкой, называет крестьян сентиментальным словечком «мужички». Таковы же маниловы наших дней. Они лживыми фразами, слащавой речью о мире прикрывают обман и преступления против трудящихся, подготовку новой мировой войны.

Коробочка

Для домашней самостоятельной работы над образом Коробочки учитель даёт ряд вопросов и предлагает учащимся перечитать главу третью поэмы и конец главы десятой (въезд Коробочки в город).

*Вопросы для домашней самостоятельной работы
над образом Коробочки*

1. Как характеризует автор Коробочку в момент первой встречи Чичикова с Коробочкой?

2. Какие черты характера Коробочки выявились в сценах продажи ею мёртвых душ и угощения Чичикова?

3. Чем отличается речь Коробочки?

4. Каково положение крепостных крестьян Коробочки?

5. Перечислите основные черты Коробочки.

6. Что говорит Гоголь о типичности Коробочки?

По этим вопросам учащиеся отвечают в классе. При выяснении основных черт Коробочки очень важно обратить внимание учащихся на «хозяйственность», бережливость, переходящую в скопидомство, жадное корыстолюбие, поглощённость Коробочки своим хозяйством.

На анализе образа Коробочки учитель уже сможет начать выяснение всей глубины гоголевского протеста против мира собственности, достигшего предельного выражения в образе Плюшкина.

В прямую связь с этой поглощённостью Коробочки накопительством следует поставить и её тупоумие, «дубинноголовость».

Основные черты характера Коробочки раскрываются Гоголем в её действиях. В сцене, когда Чичиков убеждает Коробочку продать ему мёртвых, с особенной полнотой обнаруживается «дубинноголовость» Коробочки, её жадность, упорство, примитивная хитрость, суеверие.

Замечательно характеризует Коробочку и поездка её в город, после того как она пришла в беспокойство насчёт могущего произойти со стороны Чичикова обмана, не промахнулась ли она, продав втридешева мёртвых. К своим крепостным крестьянам Коробочка относится так же «хозяйственно», как и к индейкам, курам, пеньке и салу, и продаёт их оптом и в розницу, как и другие «хозяйственные» вещи. Жадная скопидомка Коробочка умеет выжать из крестьян максимум возможного. Хозяйство ведётся Коробочкой примитивно, и в её жалобе на неурожай есть, вероятно, доля истины.

Говоря о Коробочке, необходимо сравнить её с Маниловым. В противоположность Манилову Коробочка экономически достаточно устойчива, так как ведёт сравнительно большие операции по сбыту сельскохозяйственной продукции и хорошо знает цену «копейке». Но она отличается такой же пошлостью и «мертвотушием», как и Манилов.

Говоря о типичности Коробочки, Гоголь говорит о почтенных государственных людях, об аристократических домах «с благовонными чугунными лестницами», где он находит таких же дубинноголовых, как и Настасья Петровна.

Выяснив основные черты характера Коробочки, учитель переходит к вопросу о приёмах характеристики Гоголем Коробочки.

1. Как характеризует Коробочку обстановка её дома, убранство комнат?

2. Какие черты характера Коробочки выявляются Гоголем через описание её деревни?

3. Какова манера Коробочки говорить, какие характерные словечки можно отметить в речи Коробочки? О каких чертах характера её они свидетельствуют?

На последнем вопросе следует остановиться. Учащиеся, выполняя домашнее задание, отметят некоторые особенности речи Коробочки.

Учитель дополняет наблюдения учащихся. Для этого следует прочесть в классе, например, сцену «торга» мёртвых душ, сокращая речь Чичикова и полностью передавая речь Коробочки.

Прочитав две-три фразы, учитель спрашивает, какая черта характера оказалась в том или ином обороте речи Коробочки. Один из учащихся на доске записывает характерные словечки и обороты речи Коробочки: «батюшка», «чай», «вить», «осямнадцать», «нешто», «отец мой», «подмаслила», «с нами крестная сила», «ах, какие ты забранки загибаешь», «мучицато больно не авантажная», «право, я всё не приберу, как мне быть», «право, моё такое неопытное вдовье дело! лучше я маненько повременю» и т. д.

Об этом диалоге Чичикова и Коробочки академик Виноградов пишет так: «Гоголь с необыкновенной драматической тонкостью передаёт в движении диалога, в изменениях экспрессивности выражений недоумение, растерянность, «крепколобость», тупость и вместе с тем хозяйственную осмотрительность, практичность Коробочки, уловки и всё растущее раздражение Чичикова. Речи персонажей дают возможность как бы осязать их, слышать их интонации, видеть их живую мимику»¹.

¹ «Язык Гоголя и его значение в истории русского языка», в сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 20.

Ноздрёв

Занятия по анализу образа Ноздрёва, как и других образов, должны быть использованы учителем прежде всего в целях развития речи учащихся. Подбирая ответы на вопросы, данные для самостоятельной работы, учащиеся укрепляют свой навык внимательного, сознательного чтения текста поэмы. Важное значение имеет работа по составлению характеристики Ноздрёва, лучше всего устной, по плану, аналогичному по своей структуре с планом характеристики Манилова и Коробочки. План характеристики Ноздрёва учащиеся могут составить самостоятельно, после анализа образа Ноздрёва в классе.

Перед уроком, посвящённым анализу образа Ноздрёва, следует рекомендовать учащимся дома перечитать текст поэмы, где речь идёт о Ноздрёве: первую главу (первое знакомство Чичикова с Ноздрёвым), четвертую главу (основной материал), главу восьмую (разоблачение Ноздрёвым Чичикова) и, наконец, десятую главу, где Ноздрёв сообщает чиновникам всякий вздор о Чичикове.

Для самостоятельной работы над образом Ноздрёва можно предложить такие вопросы:

1. Как характеризует Гоголь Ноздрёва в первой главе поэмы?

2. Что говорит о Ноздрёве Гоголь в авторской характеристике?

3. Какие черты характера обнаруживает Ноздрёв во время игры в карты, в игре с Чичиковым в шашки, в сцене на губернаторском балу?

4. Как характеризует Ноздрёва обстановка его дома, кабинет и всё его хозяйство?

5. В чём особенности речи Ноздрёва?

6. Что говорит Гоголь о типичности Ноздрёва?

Анализ образа Ноздрёва в классе можно провести путём беседы с учащимися по указанным вопросам или заслушать один-два доклада учащихся.

В замечаниях по ответам учащихся или в заключительном слове учителю необходимо остановиться на некоторых вопросах характеристики Ноздрёва, с тем чтобы углубить представление об этом чрезвычайно широком и типичном образе.

Необходимо отметить в характере Ноздрёва прежде всего, как наиболее отличительные, следующие черты: наглость, враньё, неутомимую юркость и особую бойкость, экспансивную подвижность, стремительную «деятельность», не имеющую смысла и цели, но неизменно вредную, хулиганскую.

Иногда учащиеся, не вникнув в иронический смысл авторской характеристики Ноздрёва, толкуют образ Ноздрёва чуть ли не как положительный.

Так, например, учащиеся иногда не понимают истинного смысла слов Гоголя о том, что Ноздрёв принадлежал к категории так называемых «разбитных малых».

«Они называются разбитными малыми, слынут ещё в детстве и в школе за хороших товарищей и при всём том бывают весьма больно поколачиваемы». Между тем выражение «разбитными малыми» следует понимать иронически, что подчёркивается Гоголем словом «называются», т. е. слынут так.

В этом иронически отмеченном свойстве Ноздрёва «разбитной малый» Гоголь в качестве подосновы включает и стремление Ноздрёва нагадить ближнему. В самом деле, указав на то, что ноздрёвы ещё в детстве слынут за «хороших товарищей», Гоголь тут же добавляет: «...и при всём том бывают весьма больно поколачиваемы». За что же, как не за стремление нагадить ближнему, колотят Ноздрёва товарищи?

В ироническом же смысле нужно понимать и дальнейшее определение Ноздрёва, или, вернее, ноздрёвых: «В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое». Ирония вскрывается тем, что далее Гоголь добавляет: «Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный».

Далее следует обратить внимание учащихся на то, что, характеризуя своего героя, Гоголь пользуется часто народными оборотами речи и, таким образом, как бы освещает своего героя снизу, т. е. показывает, как народ расценивает господ, подобных Ноздрёву. Выражение: «Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный» — народное. И в дальнейшей характеристике Ноздрёва встречаются народные выражения: «Он заводил сумятицу... И он, как говорится, ничего, и они ничего»; «...нарежется в буфете»; «...наврёт без всякой нужды»; «Ноздрёв... насаливал», «был многосторонний человек, т. е. человек на все руки» и т. д.

Подобного рода народные словечки резко снижают образ, сатирически выявляют его подлинную сущность.

С другой стороны, Гоголь для характеристики своих героев применяет слова и обороты из его собственного жаргона или из жаргона той социальной среды, в которой вращается данное лицо.

О Ноздрёве Гоголь, говоря словами самого героя, указывает, что он был «охотник погулять», «имел страстишку к картишкам»; ему «задавали передержку», его «тузили» свои же приятели; «ты уже начал пули лить», — говорили ему и т. д.

Особо следует отметить гоголевский приём передачи характера своего героя через особую структуру речи и подбор слов в его характеристике.

Перечисляя нелепый набор предметов, покупаемых обычно Ноздрёвым на ярмарке в случаях выигрыша в карты, Гоголь, таким образом, передаёт тот ералаш, который творился в голове его героя. «Если ему (Ноздрёву. — М. Б.) на ярмарке почастливилось напасть на простака и обыграть его, он накупал кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза в лавках: хомутов, курительных смолок, ситцев, свечей, платков для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомыльник, голландского холста, крупчатой муки, табаку, пистолетов, селёдок, картин, точильный инструмент, горшков, сапогов, фаянсовую посуду — насколько хватало денег».

Кратко следует остановиться на одном из любимых Гоголем стилистических приёмов — на приёме развёрнутого сравнения.

Прочитав развёрнутое сравнение Ноздрёва с отчаянным поручиком, следует указать учащимся на то, что Гоголь здесь пародирует высокий стиль речи, применяя его к предметам ничтожным.

При анализе образа Ноздрёва следует остановиться на положении крестьян у Ноздрёва. Ноздрёву для его непрерывных кутежей нужны деньги. Он рассказывает Чичикову, что всё, что ни привезли из деревни, было продано на ярмарке по самой выгодной цене. Следовательно, Ноздрёв выколачивал из крестьян всё, что только было возможно. У Ноздрёва была свора собак, и, конечно, с ноздрёвской лихостью он охотился, не считаясь с крестьянскими посевами. Водяная мельница в имении Ноздрёва бездействовала, кузница только ещё строилась. Поле, которое показывает Ноздрёв Чичикову, во многих местах состояло из кочек, было низко и затапливалось водой. Всё это свидетельствует о том, что хозяйство у Ноздрёва велось не лучше, чем у Манилова. Отсюда легко сделать вывод о положении крестьян у Ноздрёва.

Широкая типичность образа Ноздрёва для господствующих в России до Октябрьской революции классов породила особое понятие ноздрёвщины как синонима наглого и грубого вранья, хамского разгильдяйства, распоясанности в отношениях к другим людям.

Наконец, следует дополнить наблюдения учащихся над речевой характеристикой Ноздрёва.

Необходимо обратить внимание на строй речи Ноздрёва, в котором полностью отражается его характер: речь его отличается быстротой, отрывочностью, отсутствием единого стержня; он постоянно перескакивает с одного предмета на другой.

В высшей степени характерна для Ноздрёва также и лексика, в которой легко найти словечки из жаргона картёжников, завсегдатаев трактиров и «героев» ярмарок: «продулся в прах», «убухал четырёх рысаков», «всё спустил», «проса-

дил пятьдесят рублей», «загнул после пароле на проклятой семёрке утку», «клик-матрадур», «французское под названием бонбон» и т. д.

Хамское отношение к людям, бесцеремонность сказываются в его речи в том, что он, сразу же становясь с первым знакомым на «ты», часто употребляет резкие, циничные выражения: «свинтус ты за это», «скотовод эдакой», «да ведь я знаю тебя, ведь ты подлец», «ну чорт с тобой, поезжай бабиться с женой», «такая дрянь», «скалдырник», «ракалия эдакая» и т. д.

В речи Ноздрёва много армейских выражений, вроде: «в фор-тунку крутнул», «во рту... точно эскадрон переночевал»; иностранных исковерканных слов, также из среды кутил-офицеров: «безе», «кураж», «субтильный», «скандальозно» и т. п.

Собакевич

Работу над образом Собакевича можно провести с учащимися как путём беседы по вопросам домашнего задания, так и путём поручения докладов учащимся или путём анализа образа самим учителем.

Во всяком случае, основой для занятий тем или другим методом должна служить предварительная самостоятельная работа учащихся. Проводя работу над текстом пятой главы, мы, наряду с выяснением образа Собакевича, должны иметь в виду также и такие цели, как развитие речи учащихся и ознакомление с стилистическими особенностями творчества Гоголя.

Для самостоятельной работы над текстом пятой главы и отчасти над материалом из первой и седьмой глав учащимся даются примерно такие вопросы:

1. Как показан Гоголем Собакевич в первой главе поэмы?
2. Что говорит Гоголь о Собакевиче в авторской характеристике?
3. Как проявляет себя Собакевич в беседе с приехавшим к нему Чичиковым? В сцене продажи им Чичикову мёртвых душ? Во время «закуски» у полицмейстера (гл. VII)?
4. Как характер Собакевича сказался в обстановке его дома, в облике его усадьбы?
5. Каковы особенности речи Собакевича?
6. Что говорит Гоголь о типичности образа Собакевича?

В беседе с учащимися учитель должен особо подчеркнуть ряд отрицательных свойств Собакевича, указав прежде всего на то, что собакевичи были твёрдой опорой самодержавно-крепостнического строя.

В конце пятой главы, в авторском отступлении, Гоголь высказывает ряд замечаний о типичности Собакевича как человека-кулака. По представлению Собакевича, все люди — мошенники, мерзавцы, дураки, свиньи. Этот озлобленно-чёрствый мизантропический взгляд на людей у Собакевича соединяется с грубостью, желанием прижать, сломить, подчинить себе других, зажать в кулак, «показать себя», «наступить всем и каждому на ногу».

Нельзя не отметить, что в такой интерпретации Собакевич выступает как типичный представитель самодержавно-крепостнического николаевского режима, как родственник скалозубов, аракчеевых, сквозник-дмухановских, свистуновых, держиморд, уховёртовых.

В поэме, между прочим, указывается, что дом Собакевича был построен так, как строят дома для военных поселений. На стенах его гостиной висели гравюры полководцев. Это в какой-то мере свидетельствует о связи Собакевича с аракчеевщиной.

Интересно отметить, что В. И. Ленин в 1907 г. именем Собакевича назвал черносотенцев — верных слуг царского престола. В то же время у В. И. Ленина можно неоднократно встретить сближение понятий «чёрная сотня», «дикие помещики» и держиморды. В. И. Ленин находил собакевичей среди диких помещиков и черносотенцев в России в конце XIX и начале XX в. Всё это свидетельствует о большой социальной устойчивости собакевичей в условиях русской дореволюционной жизни. Собакевичи-помещики были крепко связаны со своими усадьбами и ещё долго после падения крепостного права отстаивали свои дворянские привилегии и рьяно боролись с российской революцией. Гоголь глубоко верно подметил устойчивость, цепкость собакевичей.

Собакевичи были убеждёнными крепостниками, врагами просвещения, защитниками косного, устоявшегося порядка, твёрдой опорой православия и самодержавия в России, — основной силой, на которой держался самодержавно-крепостнический режим в России. Собакевич чужд каких бы то ни было высших стремлений. Наличие в Собакевиче одного лишь животного начала приводит к нелепой уродливости всей его фигуры и обстановки его дома. Собакевич — нравственный урод, обрубок человека, человек без души¹.

Гоголь гиперболически рисует уродство и нелепость Собакевича, подчёркивая этим его мертвотушие. Уже в начале главы, описывая дом Собакевича, Гоголь отмечает, что Собакевичу было абсолютно чуждо эстетическое чувство, и сколько

¹ Гоголь пишет: «Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не там, где следует».

ни старался архитектор внушить ему требования симметрии — это не удалось.

Всё в комнате Собакевича было прочно, неуклюже в высшей степени: в «углу гостиной стояло пузатое ореховое бюро на пренелепых четырёх ногах». Стол, креслы, стулья — всё было самого тяжёлого и беспокойного свойства». Отсутствие высшего духовного (человеческого) начала в Собакевиче нашло отражение и в лице его, и в фигуре. Он был больше похож на средней величины медведя, чем на человека. Замечательно, что по описанию Гоголя мы не можем себе представить лица Собакевича. Оно напоминало больше медный пятак, чем лицо. Гоголь говорит об «образе», а не о лице Собакевича. Свой «образ» «держал он более вниз, чем вверх, шеей не ворочал вовсе».

В образе Собакевича с ещё большей силой, чем в образе Коробочки, скрыто Гоголем мертвящее влияние на душу человека страсти к стяжанию, накоплению. В то время как Манилов имеет какое-то стремление к любезности, к сентиментальной, слащавой игре фантазии, в то время как Ноздрёв одержим страстью к шумной «деятельности», у Собакевича всё сосредоточено на неуклонном стремлении к накоплению, насыщению собственного желудка, упрочению собственного благополучия. В этом единственная цель его существования.

Гоголь особо выдвигает и подчёркивает чревоугодие Собакевича, его чудовищный аппетит. Здесь у Собакевича возникает и «поэзия», и «философия» и даже «размах»: «У меня — когда свинина, — всю свинью давай на стол; баранина — всего барана тащи; гусь — всего гуся!»

Торгуясь с Чичиковым и пытаясь выжать из него побольше, Собакевич «оживает», преобразуется, приобретает дар речи. Чичиков с удивлением отмечает, что Собакевич «вошёл, как говорится, в самую силу речи, откуда взялись рысь и дар слова!»

Остановимся на речевой характеристике Собакевича. Выяснив из опроса учащихся по заданию, как они определяют речь Собакевича и её связь с идейно-художественным замыслом автора, необходимо дополнить, привести в систему наблюдения учащихся.

В образе Собакевича автор разоблачает активного представителя николаевско-аракчеевского режима. В связи с этим следует обратить внимание на грубость, резкость тона речи Собакевича, на начальнически-бюрократический, почти официальный строй её: «Прошу!»; «У губернатора и почтмейстера имел честь познакомиться»; «Кто такой?»; «Вам нужно мёртвых душ?»; «Служи он в гвардии, ему бы бог знает что дали, трёх аршин с вершком ростом!» и т. д.

Записка, составленная Собакевичем на проданные им Чичикову мёртвые души, поразила такого знатока канцелярско-бюрократического языка, как Чичиков, своей «аккуратностью и точностью».

Несравненно яснее и полнее в языке Собакевича выражена его животная, кулацкая, собственническая сущность, непосредственно связанная с помещичьим его обликом. Грубая, животная натура Собакевича выражается и в его лексике, и в строе речи, и в тоне, в манере, с какой она произносится.

В лексиконе Собакевича преобладают слова вещественного характера: «щи», «бараний бок с кашей», «редька в меду», «обдерёт тот каналья повар кота», «душа — что ядрёный орех», «что шилом кольнёт, то и сапоги», «плечища», «силичища», «машинища» и т. п.

Весьма характерно для злобного, мизантропического взгляда Собакевича на окружающих обилие в его лексиконе ругательных слов: «хапуга», «каналья», «дрянь», «собака», «мошенник на мошеннике сидит», «разбойник», «свинья» и т. д.

Заканчивая работу над пятой главой поэмы и анализ образа Собакевича, преподавателю в соответствии с имеющимся временем и намеченным планом урока следует остановиться на выяснении некоторых стилистических особенностей гоголевского текста, например на приёме метафорического и остро иронического сближения Гоголем людей и животных и на приёме гиперболизации.

Стилистический приём Гоголя — сравнение персонажей с животными — уже знаком учащимся. Задача предстоящих наблюдений — закрепление, применение известного уже приёма на новом материале.

Указав на то, что приём сближения людей и животных обычен для Гоголя, преподаватель предлагает указать, не встречается ли он в пятой главе, и разъяснить смысл сравнения Собакевича с медведем средней величины, Феодулии Ивановны, жены Собакевича, с гусем («впереди их, как плавный гусь, понеслась хозяйка»), лица Собакевича с круглой молдаванской тыквой, лица Феодулии Ивановны с огурцом и т. д.

С приёмом гиперболизации у Гоголя учащиеся также уже знакомы. Образ Собакевича дан именно как гиперболический. Для ознакомления с приёмом гиперболизации можно остановиться на следующих примерах:

1. Отрывок из седьмой главы о том, как Собакевич съел целого осетра.

2. Описание Собакевича (сравнение его с медведем), портреты полководцев с толстыми ногами и «неслыханными усами», обстановка дома — всё это дано Гоголем в гиперболической манере, как и резкость отзывов Собакевича, как указание на то, что Собакевич «прокинул половину баранье-

го бока себе на тарелку и съел всё, обгрыз, обсосал до последней косточки». Всё это гиперболизировано с целью подчёркивания основной черты характера Собакевича — животной его сущности.

Плюшкин

Образ Плюшкина не вызывает особых трудностей при работе над ним с учащимися. Поразительная яркость его, остро и резко очерченная определённости (весь он в чёрных тонах, без единого просвета, без борьбы света и тени) — всё это значительно облегчает восприятие его учащимися. Однако при трактовке этого образа легко впасть в ошибку, если не раскрыть всей глубины идейного его содержания. Обычной ошибкой при трактовке образа Плюшкина являются частые психологические истолкования его, как образа скупого, старого скряги, — так трактовался этот образ в дореволюционной школе. При этом вовсе не освещается социальная сторона этого образа: положение крепостных, застои в его хозяйстве и значение этого застоя для экономического развития страны. Вопреки замыслу Гоголя часто игнорируется тот факт, что Плюшкин является последним звеном в цепи образов мёртвых душ — помещиков-крепостников. Не подчёркивается широкая типичность его.

Образ Плюшкина изучается в классе так же, как и предыдущие образы: самостоятельная работа учащихся над текстом, беседа в классе, обобщение учителя.

Для самостоятельной работы учащихся рекомендуется дать ряд вопросов, например таких:

1. Какую характеристику дают Плюшкину Ноздрёв, Собакевич и крепостной крестьянин Собакевича (гл. IV и V)?

2. Под влиянием каких обстоятельств бережливый хозяин Плюшкин стал скрягой?

3. Как характеризует Плюшкина Гоголь через описание его наружности, образа жизни, домашней обстановки и его имени?

4. Расскажите о положении крепостных крестьян у Плюшкина.

5. Как характер Плюшкина отражается в его речи?

Подводя итог работе над образом Плюшкина, учитель должен особо подчеркнуть, что образ Плюшкина завершает нарисованные Гоголем образы помещиков, что Плюшкин — наиболее омертвелый среди мёртвых душ и что в нём Гоголь показал предел душевной опустошённости.

Необходимо отметить, что в образе Плюшкина достигает своего предела, окончательно обнаруживается то, что намечалось, но менее заметно проявлялось у Манилова, Ноздрёва, Собакевича. У Манилова, как показывает Гоголь, отсутствовал даже пошлый «задор», которым жила огром-

ная масса обывателей и который служил у неё элементарным выражением «живости», каким-то эталоном «человечности». Полнейшая душевная пустота у Манилова была прикрыта маской любезности и слащавой сентиментальности. У Плюшкина нет ничего, прикрывающего его страшную пустоту души, из которой всё выветрилось, кроме скупости. Страсть к стяжанию, к накоплению, бережливость Коробочки переходит у Плюшкина (а ведь он тоже когда-то «только был бережливым хозяином»!) в скупость, в собирание бумажек и пёрышек, старых подошв, тряпок, железных гвоздей, глиняных черепков и всякой иной дряни, в то время как «уходили из вида, более и более, главные части хозяйства».

Циничное отношение к людям у Ноздрёва, его страсть нагадить ближнему у Собакевича усиливаются и переходят в мрачное, мизантропическое, кулацкое отношение ко всем окружающим. Плюшкин же весь замкнулся в своём эгоистическом одиночестве. Для него враждебен, чужд весь мир; ему безразлична судьба его сына, которого он проклял и никогда больше не интересовался, существует ли он на свете; он равнодушен к дочери и своим внукам, его не трогает судьба мрущих от голода крестьян. Всё это вытеснено из души Плюшкина всецело овладевшей им страстью к собственности, к собиранию и накоплению богатства.

Далее следует указать на то, что Плюшкин — не просто старик-скряга, но помещик, и у этого помещика была тысяча с лишком душ крепостных крестьян.

В главе о Плюшкине Гоголь по существу раскрывает глубочайшее преступление помещиков-крепостников против крестьян.

Около 70 крестьян у Плюшкина сбежали от него, не вытерпев голодной жизни. Дворовые Плюшкина до самой зимы бегают босыми, так как скупой Плюшкин имеет одни сапоги для всех, и сапоги эти одеваются только тогда, когда дворовые входят в сени барского дома.

С предельной силой Гоголь в описании имения Плюшкина показывает, каким тормозом для экономического развития России являлось крепостничество.

На обширной территории поместья Плюшкина экономическая жизнь замерла.

В этой же главе Гоголь говорит о кутящих, прожигающих жизнь помещиках: «Театры, балы; всю ночь сияет убранный огнями и плошками, оглашённый громом музыки сад». Народное возмущение этим «пиром во время чумы» Гоголь выражает, как негодование самой природы: «...и, далеко трепеща листьями в вышине, уходя глубже в непробудный мрак, негодуют суровые вершины дерев на сей мишурный блеск, осветивший снизу их корни».

При составлении речевой характеристики Плюшкина ярко выясняется озлоблённость, подозрительность, его враждебное отношение к людям. Достаточно обратить внимание на первые же фразы Плюшкина. «Нет дома!» — обрывает Плюшкин Чичикова, не успевшего ещё даже спросить, дома ли барин.

«Что, батюшка, слепы-то, что ли? Эхва!» — озлоблённо замечает он Чичикову на его повторный вопрос, где же барин.

На приветствие Чичикова и изъявление своего почтения Плюшкину последний что-то пробормотал сквозь губы, ибо зубов не было, — что именно, неизвестно, но вероятно, смысл был таков: «А побрал бы тебя чорт с твоим почтением!»

Далее можно напомнить отзывы Плюшкина о гостях, о крестьянах.

Анализируя главу шестую, посвящённую изображению образа Плюшкина, следует кратко остановиться на лирических отступлениях в ней и, таким образом, несколько подготовить учащихся к дальнейшим наблюдениям в этой области. Начиная с шестой главы, лиризм поэмы усиливается, лирические отступления становятся органической частью её. Рисуя отвратительный образ Плюшкина как завершение пошлости и мерзости, мертвдушия маниловых, коробочек, собакевичей и т. д., Гоголь передаёт и своё грустное размышление о жизни. Рассказывая историю постепенного омертвения Плюшкина, Гоголь говорит о страшной, давящей душу атмосфере, в которой приходится жить, о том, как с годами этот отвратительный строй, где жить могут только мёртвые души, превращает живых людей в мёртвых.

Не останавливаясь детально на анализе всех лирических отступлений в этой главе (начало главы: об уходящей юности автора, лирическое описание сада Плюшкина, о помещиках, кутящих во всю ширину русской удали, обращение к юношеству), следует указать на их роль в поэме — подчёркивать, усиливать рисуемую картину, раскрывая идейный замысел автора. Лирические отступления шестой главы дают возможность глубже понять и почувствовать мерзость, отвратительную пошлость плюшкиных.

Чичиков

Исходным моментом анализа образа Чичикова должна быть самостоятельная работа учащихся над биографией Чичикова, помещённой в одиннадцатой главе поэмы, знание содержания поэмы с седьмой по десятую главу.

Можно рекомендовать для самостоятельной работы учащихся над одиннадцатой главой поэмы примерно такой круг вопросов:

1. Что говорит Гоголь о происхождении и о детстве Чичикова?

2. Какие черты будущего предпринимателя и беспринципного карьериста выявились уже в мальчике Чичикове во время пребывания его в школе?

3. Что рисовалось в воображении вступающего в жизнь Чичикова как цель жизни?

4. Что рассказывает Гоголь о служебной карьере Чичикова?

5. Какие черты характера обнаружил Чичиков в своём стремлении к богатству?

6. Как у Чичикова возникла мысль скупить мёртвых?

7. С какой целью он решил это сделать?

Материал первой—шестой глав учащимся знаком; для анализа образа Чичикова необходимо перечитать им также с седьмой по десятую главу поэмы.

Урок по анализу образа Чичикова можно провести различными методами. Наиболее целесообразно, как уже выше сказано, провести его путём беседы. Примерный план такой беседы следующий:

1. История жизни Чичикова (беседа по вопросам домашнего задания).

2. Раскрытие автором образа Чичикова в последовательном изображении его походов.

3. Речевая характеристика Чичикова.

4. Отличие Чичикова от представителей помещичьего и чиновного мира, изображённого в поэме. Что объединяет его с ними?

5. Оценка образа Чичикова автором. Широкая типичность образа Чичикова.

Беседа по вопросам домашнего задания должна быть проведена в быстром темпе. Задания не затрудняют учащихся.

Кратко следует остановиться затем на выяснении того, насколько учащиеся знают содержание седьмой — десятой глав поэмы.

С этой целью преподаватель даёт контрольные вопросы:

1. Чем руководствовался Чичиков, намечая круг помещиков для переговоров о продаже ему мёртвых?

2. С какой целью обратился Чичиков в гражданскую палату города N?

3. Что последовало за оформлением купчей на купленных Чичиковым ревизских душ?

4. Что произошло на балу у губернатора?

5. Какие слухи и толки возникли в городе N вокруг покупок Чичикова и его самого?

Вся эта работа по выяснению степени знания учащимися текста является предварительной ступенью анализа образа.

Далее следует перейти ко второму этапу работы: как раскрыт Гоголем образ Чичикова через показ его действий, поступков, в его речевой характеристике?

Гоголь раскрывает своего героя постепенно, повествуя о его похождениях; каждая новая глава раскрывает его с новой стороны; в связи с этим, очевидно, следует обратиться к его характеристике в таком же плане.

Следует задать ряд вопросов о том, что мы узнаём о Чичикове из первой главы, как характеризуют его визиты ко всем видным чиновникам в городе, поведение его на вечеринке у губернатора и на обедах и «закусках» у других чиновников города? Как аттестуют его чиновники и помещики города N?

Далее выясняется, как раскрывается характер Чичикова при покупке им у помещиков мёртвых (гл. II—VI). Одинаково ли ведёт себя Чичиков с Маниловым, Коробочкой, Ноздрёвым, Собакевичем, Плюшкиным и т. д.?

В беседе выясняется, что Чичиков принимает вид чувствительного, деликатного человека, чуть ли не становится двойником Манилова; напропалую торгуется с кулаком Собакевичем, как настоящий коммерсант и почти такой же кулак, как Собакевич; подделывается под бесшабашный тон Ноздрёва; грубовато, без маски, разговаривает с Коробочкой. А с Плюшкиным он — сердобольный и сочувствующий «бедному, одинокому старику» благодетель! Отсюда делается вывод о замечательной способности Чичикова к перевоплощению, об изворотливости и беспринципной его приспособляемости к людям с целью извлечения выгоды, о притворстве, лицемерии, о его неутомимой энергии, направленной, однако, на низкие цели.

В заключительной беседе или в замечаниях к ответам учащихся в процессе беседы учителю необходимо всесторонне осветить образ Чичикова.)

Образ Чичикова является центральным, главным среди других образов «Мёртвых душ». Гоголь обычно чрезвычайно метко определяет одним-двумя словами, одной чертой каждого из своих героев. В заключительной главе первого тома поэмы, указав, что Чичиков «весь налицо», «каков он есть», Гоголь отмечает, что «справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель».

Чичиков, таким образом, по определению Гоголя, — хозяин, приобретатель, подлец, прожектёр (как о нём сказано во второй редакции поэмы) по части не очень чистых дел, но с видимостью благонамеренного, приятного человека.

Тот радушный приём, который был оказан Чичикову в губернском «высшем» обществе, то впечатление, которое сумел он произвести на всех, показывают, что неправильно было бы противопоставлять его этому обществу.

Да это противоречило бы и идейному замыслу Гоголя. С первых же страниц поэмы перед нами выступает Чичиков, как весьма типичный «господин средней руки», имеющий чин

«не слишком большой, не слишком малый»; его аттестуют «благонамеренным», «дельным», «учёным», «знающим и почтенным», «любезнейшим и обходительнейшим», «опытным светским человеком». И действительно, он — «герой, краса, гордость, один из столпов общества», олицетворение «идеала порядочного человека». Самодовольный, чувствующий себя как рыба в воде среди «душевно полюбивших его» жителей города, Чичиков является «наиболее полным воплощением ненавистного Гоголю типа гладенького-гаденького человека, приличнейшего господина, под благовоспитанным обликом которого скрывается отвратительная грязь»¹.

Разоблачение этого пошлейшего типа, так называемого «хорошего», «интересного», «порядочного» светского человека из привилегированного общества, и осуществляется Гоголем в образе Чичикова.

Анализируя образ Чичикова, мы должны обратить особое внимание на то, как Гоголь его разоблачает, начиная уже с первых страниц поэмы.

Так, например, Гоголь пишет: «В приёмах своих господин имел что-то солидное... и высмаркивался чрезвычайно громко». Это любимый Гоголем приём присоединительного сочетания слов и фраз, по смыслу как будто бы мало связанных друг с другом, но в действительности сразу же и резко снижающих характеризваемый образ и передающих в совокупности этих противоречивых положений реальную его суть. Или: «Но замечательно, что он всё умел облекать какую-то степенностью, умел хорошо держать себя. Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует. Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек» (разрядка наша. — М. Б.).

Полно иронии и последующее сообщение о том, как «изъяснялись» и как отзывались (конечно, всерьёз) о Чичикове «властители» города. Наиболее полным выражением (и изобличением!) Чичикова является его речь.

Однако Чичиков не только плоть от плоти, типичнейший представитель помещичье-чиновного мёртвого царства, но в какой-то мере новый человек. В образе Чичикова Гоголь отразил не только всю пошлость загнивающего болота феодально-крепостнического мира, но показал и черты нового хозяина жизни — «предпринимателя», денежного человека, буржуазного дельца.

Прежде всего следует указать, что Чичиков хотя и играет роль помещика, путешествующего по своим надобностям, хотя по происхождению и является помещиком, но весьма мало связан с тем поместным бытом, который определяет в конеч-

¹ В. Е р м и л о в, Н. В. Гоголь, изд. 2, дополненное, М., 1953, стр. 341.

ном итоге и «миропонимание», и психологию таких поместных дворян, как Манилов, Коробочка, Ноздрёв, Собакевич, Плюшкин. «Темно и скромно происхождение» Чичикова. «Родители были дворяне, но столбовые или личные — бог ведает».

Чичиков выступает в жизни не как помещик, а как чиновник, стремительно пробивающийся «в люди». Навыки многолетней чиновничьей деятельности весьма сильно чувствуются в Чичикове — и в его манерах, и в его речи. Однако Чичиков, проявивший на чиновничьем поприще свои «таланты» беспринципного карьериста, неутомимого искателя, ловко угождающего начальству, «делового» и «расторопного» исполнителя и взяточника «высокого полёта», целеустремлённость и выдержку незаурядную, рассматривал свою чиновническую деятельность только лишь как средство и путь к богатству и довольству.

Страсть к накоплению, стяжанию всецело овладевает душой Чичикова; к достижению богатства направляются все незаурядные силы и все способности его. Лишённый каких бы то ни было моральных устоев, чуждый иным увлечениям и страстям, кроме страсти к богатству, трезво-практический и по существу малокультурный человек, Чичиков превращается в прожжённого дельца, рыцаря наживы, внешне «культурный», светский лоск которого и «благообразный» вид скрывает звериную жажду накопления.

В образе Чичикова Гоголь отметил наиболее существенные черты предпринимателя, денежного человека, спекулянта, торгаша, капиталиста, промышленника — представителя ещё тогда только нарождающегося мира капитализма. И как разоблачена была Гоголем личина его — маска порядочного, солидного, светского человека, так же раскрыта им и истинная природа того, что скрывалось под этой маской. Новый человек, идущий на смену представителям феодально-крепостнического строя, также определён Гоголем как мёртвая душа, как воплощённая пошлость, мерзость и подлость.

Уже Белинский и Чернышевский отмечали широкую типичность Чичикова не только в условиях русской действительности.

«Те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и в Англии они не скупают мёртвых душ, а подкупают живые души на свободных парламентских выборах!.. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда; но в сущности оба они не лучше друг друга»,¹ — писал Белинский.

Чернышевский указывал, что во Франции, как и всюду, есть свои Маниловы и Чичиковы и что в Англии Чичиковы заняты биржевыми и фабричными спекуляциями².

¹ «Белинский о Гоголе», стр. 200.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. 2, 1946, стр. 71.

Особо следует остановиться на речевой характеристике Чичикова.

Речь Чичикова выдаёт его, вскрывает истинную его натуру.

Так, например, в беседе с Маниловым, подделываясь под его стиль, Чичиков всех высших чиновников горрда называет «приятными», «обходительными», «препочтеннейшими» людьми.

Беседа Чичикова с Собакевичем интересна тем, что Гоголь показывает, как Чичиков говорит для других и какова его настоящая речь, про себя.

«Что он в самом деле,— подумал про себя Чичиков: — за дурака что ли принимает меня»,— и прибавил потом вслух: «Мне странно, право: кажется, между нами происходит какое-то театральное представление, или комедия, иначе я не могу объяснить... Вы, кажется, человек довольно умный, владеете средствами образованности. Ведь предмет просто: фу-фу...» Здесь полностью проявляется та изысканно-цветистая речь, с какой обычно обращается Чичиков к помещикам. А про себя он говорит настоящим своим языком — обывательским, просто-народным.

В разговоре с Коробочкой Чичиков упирается в стену дубинноголовости Настасьи Петровны и, выходя из себя, перестаёт играть роль, говорит подлинным языком своей натуры:

«А вы мне пеньку суёте!..»; «Да не найдёшь слов с вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворянка, что лежит на сене...» И, наконец, хватил в сердцах стулом об пол и посулил ей чорта!

Заканчивая анализ удивительной способности Чичикова к перевоплощению, к изменению «тона» своей речи в связи с обстоятельствами, следует прочесть замечательное развёрнутое сравнение об управителе канцелярии — орле и куропатке в одно и то же время. Это сравнение особо ясно подчёркивает источник «многотонности» речи Чичикова.

В связи с тем, что Чичиков как бы преображается, избирает всякий раз новую роль, приспособляясь к характеру своего очередного партнёра, в его речи звучат отголоски речей всех его собеседников. Сильно чувствуется в речи Чичикова стиль канцелярский, деловой — результат предшествующего периода жизни Чичикова. Таковы, например, формулировки деликатного предложения о продаже мёртвых Манилову, Собакевичу.

Подвыпив у полицмейстера, Чичиков стал читать Собакевичу послание в стихах Вертера к Шарлотте, а на балу у губернатора, в ответ на приветствие губернаторши, Чичиков уже «готов был отпустить ей ответ, вероятно, не хуже тех, какие отпускают в модных повестях Звонские, Линские, Лидины, Гремнины».

Простудившись, Чичиков, сидя дома, «прочёл какой-то том герцогини Лавальер».

Это показывает источник «светского» тона и лоска в языке и в обращении, которые выказывал Чичиков.

Образы чиновников в поэме

Урок, посвящённый данной теме, можно построить по такому плану:

1. Краткое вступительное слово учителя.

2. Анализ отрывка текста первой главы, где речь идёт о чиновниках.

3. Беседа по вопросам домашнего задания.

4. Заключительное слово учителя по итогам беседы.

В кратком вступительном слове следует указать на внимание, уделяемое Гоголем разоблачению чиновничества в ряде его произведений, и на значительное число образов чиновников, данных в поэме: почти половина поэмы (гл. VII—IX) отведена изображению мёртвых душ чиновников и городских обывателей.

Затем следует приступить к анализу материала первой главы поэмы, касающегося чиновничества.

Если учителю удалось полностью провести первое занятие по изучению поэмы, как выше было указано, здесь следует ограничиться лишь напоминанием о проведённой работе. При этом надо подчеркнуть основную авторскую установку при изображении чиновников. Гоголь как будто бы рисует их с положительной стороны, говорит о них как будто бы добродушно-сочувственно.

Однако стоит только вчитаться в эти оценки чиновников, чтобы почувствовать подлинное их содержание и всю силу иронии, которую в них вкладывает автор. Говоря о губернах, Гоголь указывает, что он имел на шее Анну и поговаривали даже, что был представлен к звезде, а впрочем, был большой добряк и даже сам вышивал по тюлю. Очень важно, чтобы учащиеся сами дали ответ на вопрос, какой оттенок речи придаёт здесь словечко в п р о ч е м, поставленное после указания на то, что губернатор имел на шее Анну (кстати, надо объяснить это выражение учащимся), был представлен к звезде и, несмотря на это, как бы вопреки этому, был большой добряк.

У тонких чиновников лица были благовидные, а перед этим сказано, как они обдумали и со вкусом зачёсывали свои бакенбарды. Опять-таки необходимо, чтобы сами учащиеся поняли, как слово «благовидные» получает иронический тон от соседства с указанием на обдуманность зачёса бакенбард.

Аналогично раскрывается учащимся подлинный смысл и других «положительных оценок» чиновников города.

Беседа по материалу седьмой главы поэмы, где Гоголь рисует образы чиновников, проводится по вопросам, которые

даются учащимся для домашней самостоятельной работы на предстоящем уроке.

Для самостоятельной работы учащихся следует дать примерно такие вопросы и задания:

1. Как Гоголь описывает внешний вид гражданской палаты и чиновников, в ней находящихся?
2. Подберите цитаты, относящиеся к характеристике Ивана Антоновича Кувшинное рыло.
3. Как отзывался Собакевич о чиновниках города?
4. Расскажите возможно ближе к тексту авторскую характеристику полицмейстера—«отца и благодетеля» города.

В заключительном слове учитель даёт краткое сводное обобщение проведённой работы, имея в виду домашнее задание для учащихся—написать подробный план на тему «Образы чиновников в поэме Гоголя». В связи с этим заключительное слово можно дать примерно по такому плану.

1. Злободневность темы разоблачения чиновничества в эпоху Гоголя. Широта разработки её у Гоголя. (Вступительная часть.)

2. Образы типичных представителей губернского чиновничьего мира в поэме: губернатор, почтмейстер, Иван Антонович Кувшинное рыло и др.

3. Выводы об основных чертах чиновнического общества:

а) недостойное отношение к своим обязанностям; б) взяточничество; в) низкопоклонство; г) семейственность; д) низкий культурный уровень, пустота и пошлость.

4. Разоблачение столичного чиновничества (высокомерие, безразличие к нуждам защитников родины, роскошь).

5. Черты народности в изображении Гоголем чиновничества. Приёмы разоблачения. (Заключительная часть.)

Не следует преуменьшать значительность данной темы.

Обширный чиновничий аппарат в дореволюционной России был для народа истинным бедствием. Поэтому естественно то внимание, которое уделяет ему писатель-сатирик Гоголь.

Гоголь посвятил преимущественному изображению чиновничества целый ряд своих произведений: и наделавшего столько шума «Ревизора», и «Шинель», и «Записки сумасшедшего», и задуманную комедию из столичной жизни «Владимир III степенин». Образы чиновников встречаются и в других произведениях Гоголя.

В поэме «Мёртвые души», начиная с седьмой главы, чиновничество — в центре внимания автора.

У Картина чиновнического мира в поэме Гоголя поражает своей широтой. Здесь даны самые разнообразные зарисовки чиновников. Замечательны портреты-миниатюры, словно нарисованные углём — двумя, тремя чёрточками: губернатора, вы-

шивающего по тюлю, прокурора с весьма чёрными густыми бровями и подмигивающим левым глазом, почтмейстера, низенького человека, но остряка и философа, грозного военного начальника комиссии по построению какого-то казённого строения, правителя канцелярии — Прометея и мухи в одном лице, чёрство-мраморного престарелого повытчика, заседающего в широких креслах перед столом за зеркалом председателя присутствия и т. д.

Эта чиновничья пирамида бегло обрисованных лиц венчается в повести о капитане Копейкине портретом вельможи или министра, генерала-аншефа, одного из самых значительных лиц в империи, «с лицом, так сказать... ну, сообразно со званием... с высоким чином».

В то же время некоторые из чиновников даны в более крупном плане: например полицмейстер, Иван Антонович Кувшинное рыло.

Наряду с этим рисуются массовые сцены из жизни чиновников: игра их в карты, бесчисленные вечера, большие и небольшие обеды, закуски и балы.

В авторских отступлениях Гоголь даёт характеристики различных чиновничьих прослоек города: низших — невзрачных палатских секретарей и писарей, приносящих частые жертвы Бахусу; чиновников тонких — среднюю прослойку, занимающих «косвенные места», и чиновников толстых (губернскую знать), сидящих крепко на своих местах и умеющих ловко обделывать свои дела.

В замечательном развёрнутом сравнении в первой главе Гоголь рисует обобщающий образ чиновников, уподобляя их воздушному эскадрону мух, снующих туда и сюда и обсыпавших лакомые куски рафинада.

Гоголь рисует губернских чиновников, как шайку воров и грабителей, находящихся в круговой поруке друг с другом. Но Гоголь вовсе не хотел ограничиваться губернским масштабом при изображении чиновничества. В связи с этим приобретает особое значение вводная «Повесть о капитане Копейкине».

Так же, как в «Ревизоре», в «Повести о капитане Копейкине» Гоголь вырывается из ограниченного круга губернской провинции и касается высшего круга чиновной знати.

Чего стоят, например, такие замечания Гоголя в «Повести о капитане Копейкине»: «Вон, — говорят, указав ему дом на Дворцовой набережной. — Избёнка, понимаете, мужичья». Это сравнение дворцовой палаты с избёнкой мужичьей весьма многозначительно. Или: «Один швейцар уже смотрит генералиссимусом — вызолоченная булава, графская физиогномия, как откормленный жирный мопс...»

Гоголь ядовито сопоставляет здесь физиогномии швейцара, графа и генералиссимуса, адресуя каждому сравнение с откормленным, жирным псом.

✓ Красной нитью через всю «Повесть о капитане Копейкине» проходит разительный контраст неслыханной роскоши правящего Петербурга и Копейкина, который «кровь проливал», а между тем ему «есть нечего».

Гоголь показывает безнадёжность попыток Копейкина добиться правды, улучшения участи копейкиных (живущих на копейки, «голодающих бедняков») путём обращения к самым высоким инстанциям.

«Ищите средств помощи себе сами», — говорит Гоголь Копейкину устами министра. «Хорошо, думает Копейкин: я найду средства» — и... организовал шайку разбойников. Причём эта шайка разбойников грабила только всё «казённое». Учителю необходимо кратко сказать о первоначальной редакции «Повести о капитане Копейкине», где подробно передавались действия шайки разбойников из беглых солдат, возглавляемой Копейкиным. Замечательно, что шайка разбойников капитана Копейкина, не в пример «благородному разбойнику» Дубровскому («Дубровский» Пушкина), метила гораздо выше помещиков, а Копейкин пишет письмо и даёт советы самому царю не доводить народ до крайностей.

«Повесть о капитане Копейкине» проливает свет на всю поэму, помогает глубже понять её идейное содержание.

Народ в поэме

В качестве опорных моментов в работе над этой темой служит предварительная самостоятельная работа учащихся над текстом по заданию учителя.

Вопросы для самостоятельной работы над текстом

1. Как изображены в поэме дворовые крепостные Чичикова. Петрушка и Селифан?
2. Как показаны крепостные крестьяне дядя Митяй и дядя Миняй (гл. V)?
3. Как жилось крепостным у Манилова, Собакевича, Ноздрёва и Плюшкина?
4. Передайте размышление Чичикова (автора) (гл. VII) о судьбе купленных им мёртвых и беглых крестьян:
 - а) Пробки Степана, «богатыря, что в гвардию годился бы».
 - б) Максима Телятникова, сапожника.
 - в) Беглого дворового Попова.
 - г) Абакума Фырова.
5. Что рассказывает Гоголь об убийстве крестьянами заседателя Дробяжкина (гл. IX)?

Кроме того, предлагается прочитать лирические размышления Гоголя о замашистом и бойком русском слове (конец

гл. V) и повторить выученное ещё в VII классе лирическое размышление о Руси — птицы-тройке.

После опроса учащихся, выяснив, что текст поэмы усвоен, учитель переходит к обобщениям и выводам.

Обобщения и выводы

Следует сообщить учащимся план беседы с тем, чтобы учащиеся записали его в тетради, снабдив эпиграфом, например таким: «Позади мёртвых душ — души живые» (Герцен).

План беседы

1. Образ Руси — птицы-тройки в поэме как олицетворение удачи и широкого размаха народного русского характера.

2. Образы Абакума Фырова и бурлацкой ватаги — образы живой русской души народа.

3. Образы представителей русского народа, задавленных крепостничеством и самодержавием (Степан Пробка, Максим Телятников и др.). Песня-стон русского народа.

4. Мёртвые души среди народа — порождение крепостничества и самодержавия: Петрушка, Селифан, дядя Митяй и др.

5. Протест русского народа против угнетателей.

6. Антикрепостническая направленность поэмы.

Тема народа в поэме дана в значительной мере в лирическом плане (в лирических размышлениях); поэтому лучше всего дать учащимся и изложение её, сконцентрировав беседу вокруг одного из самых замечательных лирических образов-символов поэмы: вокруг образа Руси — необгонимой птицы-тройки.

Перед тем как учитель или хорошо подготовленный ученик выразительно прочтёт это лирическое размышление, следует указать учащимся, что символическим образом птицы-тройки Гоголь заканчивает, как бы увенчивает поэму (первый её том), что в связи с этим каждое слово в этом размышлении Гоголя таит в себе особый внутренний смысл, содержит как бы итог размышлений Гоголя о России, о её судьбе, о настоящем и будущем русского народа.

Лирические места из текста поэмы (об Абакуме Фырове, о замашистом русском слове и другие) необходимо дать прочесть заранее подготовленным к этому учащимся.

В процессе беседы и в заключительном слове учителя должна быть выяснена полностью роль народа в поэме.

Как известно, в поэме «Мёртвые души» Гоголь хотел показать «всю Русь». И было бы большой ошибкой, анализируя поэму, ограничиться только обзором типов помещиков, чиновников, приобретателей и не остановиться на вопросе о том, как Гоголь изобразил в поэме русский народ. Тем более, что

без надлежащего выяснения этого вопроса у учащихся может сложиться неправильное представление об отношении Гоголя к народу, может быть ложно истолкован замысел писателя, создавшего типы, подобные Петрушке, Селифану, дяде Митяю и дяде Миняю, недостаточно поняты лирические размышления Гоголя в поэме.

При изображении народа с особенной силой сказались основные особенности гоголевского таланта и мировоззрения: его глубочайший реализм, гуманизм и патриотизм; здесь особенно становятся ощутимы «незримые, неведомые миру» слёзы автора.

Всепроникающим народным русским духом овеяна поэма Гоголя, дыханием народа напоена каждая её страница, везде в ней звучит острое, насмешливое, народное русское слово.

Рисуя чуждый и враждебный народу мир мёртвых душ: помещиков и чиновников, приобретателей — будущих промышленников и капиталистов, Гоголь смеётся над ними, выражая этим народную силу, предчувствие торжества народа над угнетателями.

Однако народ не только незримо присутствует в поэме, но выступает и как основной герой «Мёртвых душ».

«Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?» — восклицает Гоголь, поражённый просторами своей родины.

Несмотря на господство в России в эпоху Гоголя мёртвых душ над живыми, он видит стремительное, неудержимое движение России вперёд. Кто же движет её?

На фоне мертвдушии маниловых, коробочек, значительных и незначительных чиновничьих лиц Гоголь указывает на живой и бойкий русский ум, на разгул широкой бурлацкой натуры и рисует образы русских богатырей из народа — Степана Пробки, Абакума Фырова в кругу бурлацкой ватаги, — символический образ расторопного ярославского мужика, Русь, разметнувшуюся на полсвета. Вот в этой живой удали, в широком размахе души, по мысли Гоголя, — основа русского характера, народное, национальное ядро русской души.

Однако великий реалист Гоголь видел, что в жизни эта русская удаля, ширь народной души часто искривлены и завлены условиями социальной и политической жизни: крепостничеством, самодержавием, властью мёртвых душ помещиков и чиновничества.

Бурлаки выполняют каторжный труд, таща лямку под бесконечную, как Русь, песню.

Об этом читаем мы в замечательном лирическом отступлении в седьмой главе поэмы.

Такова судьба Пробки Степана, богатыря, что в гвардию

бы годился; талантливый сапожника Максима Телятникова, спившегося в конце концов; Григория Доезжай не доедешь, от тоски заворотившего в кабаке, а затем в прорубь; беглого дворового человека Попова, мыкавшегося без паспорта по тюрьмам и горько издававшегося над собственной судьбой...

В таком плане следует понимать и нарисованные Гоголем образы Петрушек, Селифанов, Пелагеев, не знающих, где право, где лево, крепостного слуги Плюшкина Прошки и т. д. Всё это — живое воплощение крепостного права, омертвевшая душа народа — обвинительный акт, который предъявляет Гоголь самодержавно-крепостническому строю, являющемуся не только тормозом экономического, но и духовного развития народа, преступно губящему душу русского народа.

— Касается в своей поэме Гоголь и вопроса о протесте народа против помещиков и чиновников, хотя и крайне недостаточно. Гоголь не увидел того массового крестьянского движения против крепостного права, с которым в конечном итоге был связан антикрепостнический пафос всего его творчества. Все-народный протест против мёртвых душ помещиков, чиновников и предпринимателей слышал Гоголь только в народном слове, в метких его пословицах, в едких, выразительных прозвищах да в народной песне.

«Гоголю многим обязаны те, которые нуждаются в защите; он стал во главе тех, которые отрицают злое и пошлое», — писал о Гоголе Чернышевский. Но Гоголь не видел силы, которая шла бы, поднималась снизу, не видел нарастающего народного движения против крепостников.

Правда, Гоголь не прошёл вовсе мимо этого явления жизни.

В девятой главе поэмы он упоминает вскользь и о прямом выступлении крестьян против помещиков:

«Казённые крестьяне сельца Вшивая спесь, соединившись с таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово-тож, снесли с лица земли будто бы земскую полицию в лице заседателя, какого-то Дробяжкина» {за то, что он «повадился уж чересчур часто ездить в их деревню, что в иных случаях стоит повальненькой горячки».

В первой редакции «Повести о капитане Копейкине» рассказывается, что капитан Копейкин организовал шайку разбойников и беглых солдат для борьбы с правительством.

Антикрепостническая направленность поэмы Гоголя заключалась в гневном и правдивом разоблачении подлости всего режима феодально-крепостнической монархии, в глубоко патристической вере автора в народную силу Руси, резко противопоставляемую царству мёртвых душ — угнетателей народа.

Лирические отступления в поэме

Одной из особенностей поэмы Гоголя является наличие в ней авторских отступлений, многие из которых проникнуты глубоким лирическим чувством. Гоголь не только повествует о своих героях, но и высказывает о них своё суждение, даёт им оценку, передаёт свои чувства и мысли, навеянные рисуемыми картинами русской жизни. Эти авторские отступления органически сплетаются со всем течением излагаемых в поэме событий, являются неотделимой частью поэмы.

Соответственно идейному замыслу резко различны авторские отступления в поэме.

В начале поэмы авторские отступления служат целям расширения и углубления рисуемых картин русской жизни.

Таковы, например, рассуждения Гоголя о тонких и толстых (гл. I); о страсти русского человека знаться с тем, кто хотя бы одним чином был его выше (гл. II); о трудности рисовать портреты людей, которых много на свете (гл. II); о «тонкости» обращения с людьми разного чина и о правителе канцелярии — орле и мухе в одном лице (гл. III); о господах большой руки и господах средней руки (гл. IV); о страсти некоторых людей нагадить ближнему (гл. IV); о широкой типичности образов Ноздрёва (гл. IV), Собакевича (гл. V), Чичикова (гл. XI) и т. п.

К таким же авторским высказываниям следует отнести и рассуждение Гоголя о языке дам города N (гл. VIII), о языке высшего общества (гл. VIII и IX) и множество других.

Иной характер имеют собственно лирические отступления автора, в которых на первый план выступает раздумье автора над рисуемым им миром человеческой пошлости, размышления его о природе собственного таланта, отмечаются отрадные явления русской жизни, выражается вера в светлое будущее русского народа.

В лирических отступлениях автора выявляется одно из основных свойств таланта Гоголя — «дар выставлять явления жизни во всей полноте их реальности и их истинности» (Белинский). В пошлости и ничтожности изображённых героев Гоголь находит трагическую сторону их, обращая всё острие своей сатиры не против отдельных носителей зла, а против всего строя жизни, всего уклада, выражением и порождением которого являются пошлые, ничтожные и мелкие плюшкины, чичиковы, собакевичи.

Значительная часть лирических раздумий Гоголя в «Мёртвых душах» посвящена вопросу о судьбе писателя-сатирика, окружённого сонмом им же созданных характеров, «скучных, противных, поражающих печальной своей действительностью».

Рисуя образ путника (начало гл. VII), он сравнивает себя с ним, а пройденный путь (первая половина первого тома

поэмы) — с длинной, скучной дорогой с её холодами, слякотью, грязью. С замечательной силой раскрывает Гоголь в этом лирическом размышлении всю картину рисуемого им мира «презренной жизни» «со всей её беззвучной трескотнёй и бубенчиками». Автор даёт в этом лирическом размышлении замечательное самоопределение своего таланта писателя-сатирика. К этому же кругу лирических размышлений принадлежит и новелла о Кифе Мокиевиче и Мокне Кифовиче, где Гоголь отвечает на вопрос о том, зачем, к чему он обнаруживает перед читателем «презренное и глупое в жизни», зачем он говорит горькую правду о любимой им России. «Кто же как не автор должен сказать святую правду?» — восклицает Гоголь.

Высоким подъёмом патриотических чувств отличаются лирические размышления Гоголя о русском народе, о России. Выше было указано, какое большое место в поэме «Мёртвые души» занимает народ. Он противостоит миру чиновников и помещиков, приобретателей, как живая душа — мёртвой, как носитель движущих сил России, залог надежд на светлое её будущее.

В конце поэмы Гоголь опять прибегает к любимому образу дороги, путника.

«Боже! как хороша подчас далёкая, далёкая дорога! ...Сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грёз, сколько переживалось дивных впечатлений!»

И греются поэту образы прекрасного человека и прекрасной природы из задуманного второго тома: муж, одарённый божескими доблестями, чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире, и русская природа, столь же просветлённая.

Как заключительный аккорд, несущий в себе основную мысль поэмы — о непогибшей русской силе, о необгонимом беге России вперёд, о стремительном и грозном движении к счастливому будущему русского народа, разметнувшегося на полсвета, — звучит лирическое размышление, венчающее поэму, размышление о Руси — птице-тройке — и чудных конях, её несущих.

Здесь смыкаются в одном символе-образе все лирические места поэмы, глубоким патриотическим светом освещается вся грустная, печальная картина мёртвого царства мёртвых душ, как бы «сквозь туман нечистых, навозных испарений» (Герцен) проступает полная силы национальность, подлинный герой поэмы — великий русский народ.

Как же построить урок по данной теме?

В качестве домашнего задания следует предложить учащимся перечитать отдельные главы поэмы и отметить в них авторские отступления и лирические размышления. Каждому из учащихся следует дать задание пересмотреть одну-две главы поэмы.

Урок следует начать с указания, что отличительной осо-

бенностью поэмы Гоголя является её «субъективность», и привести определение «субъективности», данное Белинским.

Субъективностью называл Белинский страстное, заинтересованное отношение поэта к рисуемому им миру.

Любовь и ненависть свою Гоголь резко высказывает в своей поэме: ненависть к миру мёртвых душ и любовь к русскому народу, к России.

Субъективность Гоголя сказывается прежде всего в тех образах, которые он рисует в ней, и затем в авторских отступлениях, многие из которых проникнуты глубоким лирическим чувством.

Вясняв путём вопросов, какие авторские отступления учащиеся отметили в ряде глав поэмы (домашнее задание), следует записать в тетради, что назначение их в поэме — расширять и углублять рисуемые картины русской жизни, вскрывать сатирическую направленность поэмы. Учащиеся должны записать также перечень главнейших авторских отступлений.

Основное внимание следует уделить анализу лирических отступлений.

Важнейшие из них учащиеся должны выучить наизусть после того, как будет проведён анализ их.

Наизусть выучить необходимо следующие лирические размышления:

1. О русском слове и живом и бойком русском уме (гл. V).
2. О судьбе писателя-сатирика (гл. VII).
3. Русь! Русь! вижу тебя (гл. XI).
4. О Руси — птице-тройке (учащиеся учили это размышление в VII классе, теперь следует повторить). Кроме того, следует предложить учащимся прочитать дома новеллу о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче.

Следует дать чёткую тематику лирических размышлений Гоголя: а) размышления Гоголя над судьбой рисуемых им представителей мёртвого мира человеческой пошлости, б) размышления о судьбе писателя-сатирика, в) размышления о русском народе и о России. Для разбора следует остановиться на лирических размышлениях о судьбе писателя-сатирика (гл. VII), о своей родине — Руси (гл. XI). Кроме того, следует привлечь для беседы новеллу о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче и те лирические размышления, о которых уже была речь выше: размышление о судьбе русского народа в условиях крепостного права, о замашистом и бойком русском слове и о Руси — птице-тройке.

После чтения (лучше всего самим учителем) лирических размышлений Гоголя следует предложить учащимся ряд вопросов, примерно таких:

Размышления о судьбе писателя-сатирика.

- 1) О каких двух типах писателей говорит Гоголь в этом лирическом размышлении?

2) К какому типу писателей Гоголь относит самого себя?

3) В чём смысл данного Гоголем сравнения писателя-саатирика с одиноким путником, лишённым семьи холостяком, возвращающимся в дом, где его никто не встречает?

4) Как следует понимать выражение Гоголя: «высокий лирический смех»?

Размышления о живом и бойком русском уме и замашистом и метком слове.

О чём свидетельствует замашистое и бойкое слово русского народа?

Размышление Гоголя о своей родине — о Руси.

1) Как вы понимаете начальные слова этого лирического раздумья: «Русь! Русь! вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека...»

2) Какое чувство возникает у автора при сравнении природы Италии и природы России?

3) Что слышится автору в русской песне, несущейся от моря и до моря?

4) Какие мысли и чувства возникают у автора при виде необъятных просторов родины?

5) Что подчёркивает автор тем, что резко обрывает своё лирическое высказывание сценой грубой русской действительности?

Новелла о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче.

1) В связи с чем автор рассказывает эту новеллу?

2) Как отзывается Гоголь о лжепатриотах («так называемых патриотах»), подымающих крик, когда появится книга, в которой скажется горькая правда о России?

3) Что выражает образ Кифа Мокиевича? (Пустое «мудрствование», боязнь правды, пассивное отношение к жизни.)

4) Как вы понимаете смысл этой новеллы?

Заключительное лирическое размышление о Руси — птице-тройке.

1) Как вы понимаете символический образ Руси — птицы-тройки? (Речь об этом уже шла на предыдущем уроке; в связи с этим и ставится такой обобщающий вопрос.)

2) Насколько применим образ необгонимой птицы-тройки в наши дни к Советской России?

В заключительном слове учитель отмечает, что лирические отступления, или, лучше сказать, лирические размышления, Гоголя являются необходимой частью поэмы, подчёркивают её лирический тон, лирическую окраску.

В лирических размышлениях Гоголь «освежает» читателя, вознося его над мрачными картинами социальной действительности, и в то же время освещает эти картины, раскрывает смысл рисуемых им характеров, высказывает свои горькие чув-

ства по поводу ничтожества и пошлости жизни, отражённой в них.

Важнейшими темами лирических размышлений Гоголя являются: тяжёлая доля писателя-реалиста, рассказывающего всю горькую правду о жизни любимой им родины; русский народ, его настоящая судьба и его будущее.

Противопоставляя мёртвым душам помещиков и чиновников живую душу народа, Гоголь раскрывает основной смысл своей поэмы, указывает её главного героя — русский народ. Именно мысль о русском народе, о его судьбе в настоящем и будущем и есть основная мысль поэмы. Об этом говорят и размышления Гоголя о судьбе крепостных и беглых крестьян, о талантливости русского народа, о сверкающей дали необъятной Руси и последнее размышление, подводящее итоги всему лирическому течению в поэме, о Руси — птице-тройке.

ОБОБЩАЮЩИЕ ЗАНЯТИЯ. ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОЭМЫ И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА

Обобщающие занятия следует провести как разработку одной большой темы: «Поэма «Мёртвые души» Гоголя, идейное содержание её и художественно-изобразительные средства».

Занятия по теме проводятся по плану:

1. Формулировка основной идеи поэмы.
2. Жанровые особенности «Мёртвых душ».
3. Композиционное построение первого тома поэмы.
4. Пейзаж в поэме.
5. Язык поэмы.

1. Формулировка основной идеи поэмы

Учитель обращает внимание учащихся на то, что «Мёртвые души» Гоголя затрагивали наиболее волнующие его современников темы, отражали основные противоречия того времени. После Отечественной войны 1812 года и всенародного подъёма страны в 1825 г. произошло большое политическое событие — декабристское выступление, закончившееся победой николаевской реакции. Однако внутри общества шло накопление революционных сил, ширился оппозиционный фронт против реакционного правительства, против всего феодально-крепостнического строя; недовольство народа сказалось в крестьянских бунтах и волнениях.

Сатирический смех Гоголя и был отражением настроений оппозиционно, критически мыслящей части общества, выражавшей в конечном итоге народное недовольство, подспудное

движение крепостного крестьянства против помещиков и чиновников.

Гоголь смеялся над тем, что признавалось реакционерами незыблемым, священным, — над устоями крепостнического, чиновно-помещичьего мира.

Гоголь противопоставлял мёртвому царству правящей кучки народную Россию — живую силу нации, её плодотворное зерно, развитию которого мешали собакевичи, ноздрёвы, плюшкины.

Учащиеся скажут (на основе предыдущих занятий), что Гоголь указывал в своей поэме на богатую одарённость русского народа, ширь русской природы, на его бойкий и живой ум, талантливое слово и в то же время раскрывал трагическую картину растлевающего влияния крепостничества и самодержавия на народную душу. Гоголь не видел выхода, не видел путей освобождения русского народа, не знал, куда мчится «необгонимая русская тройка», но как великий художник он на всенародные очи выставлял трагическое противоречие эпохи, рисовал потрясающую картину мертвящего, губящего всё национально-живое современного ему социально-политического режима. Гениальный истолкователь Гоголя, великий критик-демократ Белинский раскрывал и доводил до логического конца заложенные в поэме революционные идеи, раскрывая их политический смысл, и формулировал их таким образом: «Истинная критика должна раскрыть пафос поэмы, который состоит в противоречии общественных форм русской жизни с её глубоким субстанциальным содержанием».

Следует задать учащимся вопросы: Как они понимают эту формулировку Белинским основной идеи поэмы Гоголя? Что следует понимать под выражением «глубокое субстанциальное содержание русской жизни»? Как бы учащиеся иначе выразили мысль Белинского? Как они понимают основную идею поэмы?

2. Жанровые особенности «Мёртвых душ»

Гоголь назвал «Мёртвые души» поэмой. Это название весьма своеобразно, ибо поэмы, как правило, пишутся стихами. Называя своё произведение поэмой, Гоголь хотел прежде всего подчеркнуть отличие его от обыкновенной повести или романа. Действительно, «Мёртвые души» не могут быть названы романом, а тем более — повестью. И это правильно отметил, между прочим, Л. Н. Толстой, указав, что «Мёртвые души» — «...ни роман, ни повесть. Нечто совершенно оригинальное»¹.

Почему же всё-таки Гоголь назвал «Мёртвые души» поэмой?

¹ А. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, т. I, М., 1922, стр. 93.

«Ответ наиболее верный даёт описание П. В. Анненковым диктовки самим Гоголем своего произведения в Риме летом 1841 г. Гоголь диктовал, П. В. Анненков записывал. Диктовал Гоголь «мерно, торжественно, с таким чувством и полнотою выражения, что главы первого тома «Мёртвых душ» приобрели в моей памяти особенный колорит, — вспоминает Анненков. — Это было похоже на спокойное, правильно разлитое вдохновение, какое порождается обыкновенно глубоким созерцанием предмета. Николай Васильевич ждал терпеливо моего последнего слова и продолжал новый период тем же голосом, проникнутым сосредоточенным чувством и мыслию»¹.

Когда же Гоголь дошёл до описания сада Плюшкина, пафос его диктовки достиг особенной силы, «Гоголь даже встал с кресел (видно было, что природа, им описываемая, носится в эту минуту перед глазами его) и сопровождал диктовку гордым, каким-то повелительным жестом»¹.

Вот этот разлитый в поэме особый тон, вдохновенное изображение русской жизни, несмотря на то что речь в ней большей частью идёт о презренном и низком в жизни, и делает её поэмой в том смысле, как это слово понимал Гоголь.

С исчерпывающей ясностью Гоголь сам объяснил, почему он назвал своё произведение поэмой, в «Учебной книге словесности для русского юношества».

Широта тематики, замысел показать в первом томе всю Русь, хотя и с одного бока, раскрыть широкую картину пороков своего времени, всего, что замечено автором во взятой эпохе, обдуманность и значительность произведения, по мысли Гоголя, придаёт «Мёртвым душам» характер поэмы.

3. Композиционное построение первого тома поэмы

Выяснение композиционного строения поэмы проводится как обобщение ранее отмеченных наблюдений учащихся. Основная задача — показать обусловленность построения поэмы идейным замыслом автора.

Примерный круг вопросов, вокруг которых ведётся беседа:

1. Вспомните из предыдущих занятий, каково идейное содержание поэмы?
2. В каких образах Гоголем отражено мертвоедущие дворянства?
3. В каких главах поэмы преимущественно показаны пустота и бездеятельность русского чиновничества?
4. Где Гоголем помещена завязка поэмы?
5. О чём речь идёт в первой главе?

¹ «Гоголь в воспоминаниях», стр. 270.

В поэме намечается четыре композиционных звена:

1. Вводная глава. Начало действия. Приезд Чичикова, завязывание им знакомств. Общее описание места действия.

2. Вторая — шестая главы. Помещики.

3. Седьмая — десятая главы. Чиновники и городские обыватели.

4. Последняя глава. История жизни Чичикова. Окончательное разоблачение Чичикова.

Всё действие в поэме вращается вокруг сюжетного стержня — покупки Чичиковым мёртвых ревизских душ. Общий характер первой половины первого тома — замедленный, эпически спокойный, как течёт жизнь в дворянских углах.

Каждая новая глава, от второй до шестой, показывает новый персонаж — от Манилова до Плюшкина.

И во второй части первого тома в центре событий Гоголем поставлены всё те же авантурные покупки Чичиковым мёртвых душ. В седьмой главе рассказывается об оформлении Чичиковым документов на купленных им мёртвых душ.

Глава восьмая повествует о толках, мнениях, рассуждениях чиновников и городских обывателей о покупках Чичикова; начало разоблачения Чичикова.

Глава девятая: новый вихрь толков про Чичикова и мёртвые души; назначение генерал-губернатора, страхи и опасения чиновников, усиленные загадочной историей с мёртвыми душами.

Глава десятая: продолжение и дальнейшее развитие сумятицы в городе; решение Чичикова уехать из города.

В композиционном строении второй части поэмы нет той строгой стройности, которая видна в первой её части. Сам Гоголь отмечал, что в ней «мечется в глаза пестрота частей и лоскутность» всего сочинения.

В отличие от второй—шестой глав, где характеристика помещиков даётся путём тщательной разработки пяти образов, разоблачение чиновничьего мира и мира обывателей в седьмой—десятой главах достигается описанием всего высшего губернского общества. Преобладают массовые сцены; отдельные персонажи большей частью даются как рисунки углём — двумя-тремя чёрточками.

Заключительная глава поэмы в сатирическом её плане представляет собой перенесённую на конец поэмы её предисторию.

Полное и окончательное изобличение Чичикова, раскрытие его характера и оценка его — таково назначение последней главы первого тома.

В качестве домашнего задания следует предложить учащимся изобразить схематически композицию поэмы по главам, с кратким названием каждой главы, указать наличие в них лирических отступлений.

4. Пейзаж в поэме

Соответственно двум планам поэмы — сатирическому и лирическому — пейзаж в поэме то служит для дополнительного освящения образов и картин рисуемого Гоголем социального быта, то, тесно примыкая и сливаясь с лирическими размышлениями, служит для «освежения» читателя и для раскрытия идейного замысла поэмы.

Примером пейзажа как детали в характеристике образа служит описание усадьбы Манилова.

Такова же роль пейзажа, нарисованного Гоголем во второй главе, начинающей описание поместного быта: «Едва только ушёл назад город, как уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор».

Таков же характер пейзажа в начале одиннадцатой главы. Это типичный пейзаж первого тома поэмы, где рисуется «бедность да бедность, да несовершенство нашей жизни».

Иной тон, иная «окраска» задуманного второго тома создаётся, между прочим, и пейзажем, в котором и тени нет убогой серости пейзажа первого тома.

В светлом тоне духовного подъёма и бодрости дан пейзаж в лирическом размышлении, посвящённом дороге (гл. XI), где автор весь устремлён в будущее.

В предчувствии новых, более возвышенных характеров, которые автор нарисует во втором томе, радостно, бодро звучит его дорожное размышление: «Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! Как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... кони мчатся...»

Глубоким тоскливо-печальным лиризмом проникнуто замечательное описание сада Плюшкина (гл. VI). Гоголь в этой главе достигает самого глубокого рва, по выражению Герцена: посвящает главу наиболее мёртвому из своих мёртвых душ — Плюшкину.

Лирическое размышление: «Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходящий за село и потом пропадающий в поле, заросший и заглохший...» — служит Гоголю для отдохновения, для освежения: сад один освежал эту обширную деревню-кладбище Плюшкина, хотя и сам представлял собой картину запустения.

Мощь и природная сила сада Плюшкина — это мощь и сила русской природы, задавленной и гложущей в мёртвом царстве мёртвых душ. Это всё те же незримые, неведомые миру слёзы автора, скорбное раздумье его при созерцании

просторов, богатства и русской природы, и русской души, заглушаемой и дичающей, хотя и сильной, как силен белый колоссальный ствол берёзы, чудно сияющий в густой темноте плюшкинского сада.

5. Язык поэмы

Цель предстоящих занятий — дать некоторые обобщения и выводы о языке поэмы на основе сведений, накопленных уже учащимися в процессе анализа поэмы.

Как об этом свидетельствует опыт лучших учителей, наиболее рациональной формой обобщающих занятий является лекция-беседа учителя.

План занятий по данной теме устанавливается в следующем виде:

1. Краткое вступительное слово учителя: два стилистических пласта в языке поэмы: сатирический и лирический.
2. Стилистические приёмы сатирической речи Гоголя.
3. Речь лирическая, художественно-патетическая.
4. Контрастное сочетание в поэме сатирической и лирической речи.
5. Краткое заключительное слово учителя. Значение Гоголя в истории русского литературного языка.

1. Вступительное слово

Вступительное слово должно быть предельно кратким. Учитель указывает в нём, что стремление Гоголя показать всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров требовало особых языковых средств сатирического изображения действительности, и Гоголь гениально разрешил эту задачу, стилистически используя при этом неисчерпаемые источники общенародного русского языка.

Гоголь находил живой родник русского языка в народной речи, а также у писателей — своих предшественников: Державина, Пушкина, Крылова. Усовершенствованные и вновь созданные Гоголем стилистические приёмы сатирического изображения отрицательных сторон русской действительности превратились в грозное и острое оружие социальной сатиры.

Однако Гоголь в своей поэме выступает не только как грозный сатирик, но и как пламенный патриот. В лирических отступлениях Гоголь высказывает свою веру в русский народ и Россию, провидит великое будущее своей родины. Для выражения своих патриотических чувств Гоголь создал замечательный, возвышенный лирический язык, сумел найти в сокровищнице народной речи слова, звучащие мерно, проникнутые кре-

постью и силой, смог подняться «до высоты, недоступной никакому другому языку». В поэме Гоголя переплетаются, сливаются эти две струи: основная, сатирическая, и лирико-патетическая.

2. Речь Гоголя сатирическая или комически изобразительная

Современник Гоголя, известный критик В. В. Стасов, в своих воспоминаниях писал, что повести Гоголя чрезвычайно нравились тогдашней молодёжи. Для чтения «Мёртвых душ», только что вышедших из печати, молодёжь собиралась группами; в продолжение нескольких дней они читали и перечитывали их.

Особенно нравился читателям «небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду ещё неизвестный никому юмор». Язык Гоголя нравился читателям «своей простотой, силой, меткостью, поразительною бойкостью и близостью к натуре»¹.

В чём же заключается источник такой необычайной яркости, силы и оригинальности сатирического языка Гоголя? Прежде всего надо указать:

а) Широкое использование Гоголем в поэме народно-разговорной речи, а также жаргонов речи помещиков, чиновников, армейского офицерства и т. д. Гоголь, подобно Пушкину, как его ученик и последователь, нашёл в народном русском языке могучий источник для обогащения, усовершенствования, дальнейшего развития русского литературного языка.

Гоголь широко использовал этот источник, воспроизводя и творчески развивая заключённые в нём богатства, выявляя наиболее яркие национально-самобытные средства и приёмы народной речи.

Работая над усовершенствованием своих произведений, Гоголь стремится к тому, чтобы сказать короче, освободиться от иностранных и вообще книжных слов, от слов расплывчатых и неясных. Везде, где только представлялась возможность, он заменяет иностранные и книжные слова словами русскими, простыми, разговорными, народными, которые ближе к жизни, реально и образно передают характер изображаемого предмета и лица.

Гоголь широко раздвинул границы литературного языка, обогатил его яркими, меткими словами и оборотами. Работая над образами поэмы, мы встречались с такого рода словечками Гоголя.

¹ В. В. Стасов, Гоголь в восприятии русской молодёжи 30—40-х годов. См. в сб. «Н. В. Гоголь в воспоминаниях», стр. 396.

Ни у Пушкина, ни у Лермонтова, ни у кого-либо из наших писателей не найти такого количества народных слов и оборотов, как в языке Гоголя.

Гоголь тщательно разработал приёмы речевой характеристики своих персонажей, смело вводя как в диалоги, так и в авторскую речь слова и обороты, характерные, типичные для представителей различных социальных групп с целью яркой сатирической их обрисовки.

б) Стилистические приёмы изображения нелепой и пошлой среды путём каламбурного разоблачения господствующих в ней понятий и представлений, алогических конструкций слов и словосочетаний. Комичны, но в то же время чрезвычайно типичны для изображаемых персонажей самые имена их. Собакевич, Коробочка, Плюшкин, Ноздрёв — эти собственные имена в самом своём содержании указывают на известные свойства характера их носителей. Таковы же имена помещиков, офицеров той губернии, где подвизается Чичиков: Блохин, Мыльной, Чепраков, Бобров, Свинын, Конопатьев, Харпакин, Трепакин, Плешаков и т. д.

Мастерски пользуется также Гоголь для сатирической характеристики пошлой русской действительности приёмом присоединительного сочетания слов и предложений, по смыслу как бы далёких друг другу, но в действительности удивительно верно характеризующих персонаж или событие.

Таковы, например, некоторые гоголевские характеристики чиновников, помещиков. Например, в восьмой главе поэмы Гоголь с лукавым простодушием описывает, какие добрые, симпатичные были чиновники города N! И тут же добавляет: «Многие были не без образования: председатель палаты знал наизусть «Людмилу» Жуковского... и мастерски читал многие места...

Прочие тоже были более или менее люди просвещённые: кто читал Карамзина, кто «Московские ведомости», кто да же и совсем ничего не читал».

Особенно много примеров таких присоединительных сочетаний предложений, по смыслу мало связанных, но в действительности полностью характеризующих выведенных лиц, отмечалось нами при анализе первой главы поэмы.

в) Гоголевские сравнения. Той же цели сатирического освещения действительности служат гоголевские сравнения.

Среди них прежде всего бросается в глаза сравнение людей с животными и неодушевлёнными предметами.

У Гоголя этот стилистический приём доведён до большого художественного совершенства и вызывает у читателя смех неожиданностью сопоставления и изумительной тонкостью подмеченного сходства между людьми и животными. Доста-

точно вспомнить сравнение Собакевича с медведем, обывателей и чиновников с баранами («всякий, как баран, остановился выпуча глаза») (гл. IX), чиновников с мухами (гл. I), жены Собакевича с гусем («впереди, как плавный гусь, понеслась хозяйка»), управителя некоей канцелярии с орлом и куропаткою (гл. III), Манилова с котом, у которого слегка пощекотали за ушами пальцами, и т. д.

Сатирическая направленность таких сравнений не вызывает сомнений.

Особое место среди гоголевских сравнений занимают развёрнутые сравнения и сопоставления, которым Гоголь придаёт характер художественно ярких миниатюр.

Отметив и перечислив ряд таких развёрнутых сравнений в поэме, следует остановиться на одном из них, прочитав его в классе, и указать сатирическую его направленность. С этой целью лучше всего взять сравнение чиновников с мухами (гл. I) или управителя канцелярии с орлом и куропаткой.

г) Приём обобщения явлений и лиц, выводимых в поэме. К числу стилистических приёмов Гоголя, усиливающих его сатирическое обличение русской жизни, относится также приём обобщения, широкой типизации явлений изображаемой им жизни.

Как мы уже отмечали при анализе первой главы поэмы и образов помещиков, Гоголь постоянно подчёркивает типичность рисуемых им картин русской жизни.

Широкая типичность Манилова, Собакевича, Коробочки, Ноздрёва также подчёркнута Гоголем.

Гоголь не останавливается, однако, на указании только того, что изображённые им персонажи или отмеченные черты русской действительности часто встречаются в жизни, но и даёт им острую отрицательную характеристику, вскрывая в них сущность данного социально-исторического явления.

В качестве типических явлений русской действительности Гоголь указывал не только такие, которые широко распространены в обществе, но и такие, которые, подобно Плюшкину, «редко попадают на Руси», но в них с наибольшей полнотой и заострённостью выражается сущность данного явления — распада, разложения поместного дворянства, потеря им человеческого облика.

Рисуя своих персонажей как типические явления русской жизни, Гоголь в то же время показывает, как типичную, и всю бытовую обстановку, на фоне которой даны персонажи.

В связи с этим Гоголь уделяет исключительное внимание деталям, быту, окружению своих персонажей; при этом, как мы видели, вся эта обстановка, детали быта берутся в плане дополнительной характеристики основного рисуемого типа.

Всё это как бы стягивается в один большой узел вокруг центрального образа.

д) Приёмы сознательного преувеличения, заострения образов. Стремление к преувеличению, к гиперболизации — характерная особенность Гоголя. В гиперболизации Гоголя сказались размахистость кисти его как художника, страстность натуры Гоголя. В гиперболах, в художественных преувеличениях Гоголя нашла своё выражение та энергия негодования, которая двигала Гоголем, страстная ненависть его к миру пошлости. В качестве примеров гипербола Гоголя можно указать на образы помещиков и чиновников, на образ Чичикова в поэме.

Гоголевская широта, размах кисти сказались не только в зарисовке образов в целом, но и при обрисовке деталей их. Говоря о Собакевиче, например, Гоголь указывает, что он «опрокинул половину бараньего бока» к себе на тарелку, «съел всё, обгрыз, обсосал до последней косточки». «У меня не так, — говорит тот же Собакевич, — у меня, когда свинья — всю свинью давай на стол; баранина, всего барана тащи...» Ватрушки у Собакевича, по свидетельству Гоголя, «были гораздо больше тарелки, индюк — ростом с телёнка». Спина у Собакевича — как у «вятских приземистых лошадей; ноги — походившие на чугунные тумбы, которые ставят на тротуарах». Всё это — гиперболическая зарисовка образа. На стенах гостиной у Собакевича висели картины, на которых «герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу», а на портрете греческой Бобелины «одна нога казалась больше всего туловища тех щёголей, которые наполняют нынешние гостиные». Собакевич на завтраке у полицеймейстера «в четверть часа с небольшим «доехал» всего девятипудового осетра, так что от него остался один лишь хвост».

Так гиперболизированно подчёркивает Гоголь основные черты Собакевича — его медвежью неповоротливость и обжорство.

Для того чтобы подчеркнуть наглое враньё Ноздрёва, Гоголь говорит о нём, что он «вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой масти». Сам Ноздрёв сообщает, что он один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского. Говоря о Коробочке и желая подчеркнуть её «хлебосольство», Гоголь подробнейшим образом перечисляет всё то, что стояло у неё на столе для закуски: «грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепёшки со всякими припёками: припёкой с лучком, припёкой с маком, припёкой с творогом, припёкой со сняточками, и нивесть чего не было» и т. д.

3. Речь лирическая, торжественно-патетическая

Кратко далее следует остановиться на второй стилистической струе в языке Гоголя, обусловленной наличием в поэме лирических размышлений. Здесь совсем иные творческие задачи у Гоголя — в связи с этим меняется резко и весь строй его речи.

Речь его звучит торжественно, патетически, она выдержана в плавных ритмах больших периодов. Для лучшего ознакомления со стилем и языком лирических размышлений Гоголя следует проанализировать небольшой отрывок такого текста, например отрывок «Русь, Русь».

Речь автора этого лирического размышления взволнованная, эмоциональная, в ней автор выражает своё глубокое патристическое чувство.

В связи с этим он вводит в свою речь много вопросительных и восклицательных предложений, прибегает к обращениям.

Следует указать также на наличие в тексте инверсий: «б е д н о , р а з б р о с а н о и н е п р и ю т н о в т е б е ; н е р а з в е с е л я т , н е и с п у г а ю т в з о р о в д е р з к и е д и в а п р и р о д ы , ...н е о п р о к и н е т с я н а з а д г о л о в а , ...н е б л е с н у т с к в о з ь н и х ... я с н ы е н е б е с а ...» и т. д.

Желание усилить, сконцентрировать, отчётливее выделить свою мысль, своё чувство приводит автора к ритму повторения, настойчивого подчёркивания одной и той же формы: «н е р а з в е с е л я т ... н е и с п у г а ю т ... н е б л е с н у т ... н е о б о л ь с т и т , н е о ч а р у е т » и т. д.

Необычна и лексика этого лирического размышления. Наряду с обычными словами автор прибегает к словам, более торжественно звучащим: «дерзкие дива природы»; «венчанные дерзкими дивами искусства»; «многооконные дворцы»; «картинные деревья»; «вросшие в дома»; «слышится немолчно песня»; «не очарует взора»; «звуки болезненно лобзают»; «полные ожидания очи»; «главу осенило облако»; «тяжёлое грядущими дождями»; «сей необъятный простор»; «страшную силою отразясь во глубине моей».

Высокая торжественность речи выражается в привлечении славянизмов («глава», «очи», «сей», «грядущий», «лобзают»), в необычных словосочетаниях: «многооконные», «глубина моя», «грядущие дожди» и т. д.

Все эти слова и обороты следует объяснить учащимся или, во всяком случае, выяснить, насколько правильно они понимают их.

4. Контрастность сочетания двух стилевых пластов речи в поэме

Комически-изобразительный стиль речи Гоголя и возвышенно-патетический взаимно связанны в поэме Гоголя.

От реальных грустных картин русской убогой действительности, унылой русской природы автор уносится мыслью в величавый простор всей раскинувшейся Руси. И грозно объемлет автора могучее пространство: «у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!» — восклицает он. И тут же — резкий срыв: мечта поэта обрывается вторжением пошлой реальной действительности:

«Держи, держи, дурак!» — кричал Чичиков Селифану.

«Вот я тебя палахом! — кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин: — Не видишь, леший дери твою душу: казённый экипаж!» И как призрак исчезнула с громом и пылью тройка.

В этом резком, контрастном сопоставлении высокопатетической речи в поэме и грубо-реалистической Гоголь указывает на трагические противоречия русской действительности, на противоречие мечты о великой будущности русского народа и его реального быта в настоящее время.

В заключение, с целью подведения итога проведённой беседы по анализу языка поэмы, следует задать учащимся ряд вопросов.

Вопросы следует задать в соответствии с планом беседы:

1. Чем вы объясняете наличие в поэме Гоголя речи сатирической и лирической?
2. Как сочетаются в поэме Гоголя сатирическая речь и речь лирическая?
3. Перечислите известные вам стилистические приёмы Гоголя, сатирически изобличающие современное ему общество.
4. Перечислите известные вам развёрнутые сравнения в поэме Гоголя.
5. Назовите примеры гиперболы в поэме. С какой целью Гоголь прибегает к гиперболическому изображению тех или иных сторон русской действительности?
6. Назовите известные вам лирические размышления в поэме. Чем отличается язык лирических размышлений Гоголя?

Заключительное слово учителя

Учитель должен кратко подытожить занятия по анализу языка поэмы Гоголя.

1. Гоголь несравненно шире и глубже использовал источник народно-разговорной речи и ввёл в литературный обиход больше ярких, народных, образных слов, чем Пушкин, ещё более способствовал демократизации литературного языка и сближению его с живым разговорным языком русского общества.

2. Гоголь был величайшим мастером диалога и довёл искусство речевой характеристики персонажей до художествен-

ного совершенства. Впервые в русской литературе литературные герои заговорили «сообразно с их характерами», с типическими чертами своей личности и той среды, из которой они происходят.

3. Гоголь усовершенствовал ранее созданные русскими писателями (Крыловым, Пушкиным, Грибоедовым) приёмы сатирической обличительной характеристики отрицательных героев, создал новые приёмы и оказал огромное влияние на развитие сатирического языка последующих писателей — Некрасова, Салтыкова-Щедрина.

4. Созданные Гоголем замечательные произведения, проникнутые тонким юмором, послужили художественными образцами комически-изобразительной речи, обогатили общенародный язык и живую разговорную речь многими гоголевскими словами и выражениями, именами типов Гоголя, производными словами от них: маниловщина, ноздрёвщина, по-собакевичевски, хлестаковщина и т. д.

«Сотни и тысячи гоголевских фраз и выражений тотчас же были всеми выучены наизусть и пошли в общее употребление» (В. В. Стасов).

5. Гоголь создал образцы высокой лирической речи для выражения патриотического подъёма и глубокого национального чувства, противопоставил свою высокую лирическую речь казённому стилю царских манифестов и верноподданническому жаргону реакционных «квасных» патриотов, защитников самодержавия и православия.

В зависимости от имеющегося времени учитель более или менее подробно развивает указанные положения заключительного слова.

Письменные работы

В процессе изучения поэмы Гоголя «Мёртвые души» должна быть проведена работа по развитию устной и письменной речи учащихся. Работа по анализу образов поэмы должна сопровождаться обучением учащихся навыкам составления характеристик. Обобщающие занятия по теме должны быть использованы для работы по обучению навыкам составления домашнего сочинения на более широкую тему. При этом следует исходить из необходимости обучения учащихся навыкам письменной речи, отнюдь не ограничиваясь вопросами контроля степени усвоения ими материала занятий путём проведения письменных работ.

Первое занятие по обучению навыкам составления характеристик следует провести после разбора образа Манилова.

Даётся, например, два задания на одну и ту же тему:

1. Манилов как типичный представитель «прекраснодушных» дворян 30—40-х годов XIX в.

2. Почему Манилов должен быть причислен к мёртвым душам?

В указанных примерах тема одна и та же, но задание разное. Необходимо предложить учащимся продумать и ответить, чем каждая из данных работ будет отличаться друг от друга и что в них будет общим. Из беседы с учащимися выясняется, что первая тема имеет задание обосновать положение о том, что Маниловы были типичными представителями определённой категории дворян 30—40-х годов XIX в., в то время как вторая тема содержит задание доказать, что Манилов был отрицательным героем, мёртвой душой. Характер задания определяет, в каком направлении должно вестись наше рассуждение.

Необходимо указать учащимся, что характер задания прежде всего отражается на вступлении и заключении работы.

В каждом из этих заданий будет иное вступление. При этом каждый раз мы исходим из того, что как бы включаем нашу заданную тему в более широкий круг понятий. Говоря о Манилове как типичном представителе прекраснодушных дворян 30—40-х годов, мы должны отметить широкую типичность гоголевских персонажей — то, что Гоголь отобразил в своей поэме всю Русь и в особенности дворянскую Русь. С этого и следует начать работу по первому заданию. Во втором задании речь идёт о том, принадлежит ли Манилов к мёртвым душам. Следовательно, во вступлении мы должны сказать, что в поэме Гоголя мёртвые души — это не ревизские души умерших крестьян, а помещики; мы должны привести, например, высказывание Герцена о том, что мёртвые души — это маниловы, ноздрёвы, плюшкины.

Следует далее предложить ещё несколько заданий на эту же тему, например: «Люди — ни то, ни сё, не поймёшь, что за люди». Указав на то, что эта формулировка взята из высказывания И. В. Сталина, спрашиваем, о чём же мы должны сказать во вступлении по этому заданию? Очевидно, надо сказать, что в сочинениях И. В. Сталина мы встречаем ряд ценных высказываний о гоголевских героях; образы Гоголя были использованы И. В. Сталиным в политической борьбе с врагами революции, в целях борьбы с остатками прошлого в сознании людей нашего времени и т. д. Следует провести ряд упражнений, для того чтобы научить определять содержание вступления характером задания.

Для упражнения можно взять любые темы, например:

«Жизнь и литературная деятельность Н. В. Гоголя»; «Усадьба Манилова и её хозяин»; «Губернский город N по поэме Гоголя «Мёртвые души» и т. д. — и задать вопрос: О чём мы можем написать во вступлении по каждому из этих заданий?

Заключение, подобно введению, является также своеобразным выходом за рамки темы.

Возьмём опять-таки наши примеры. Чем следует заключить то или иное из заданий? Конечно, заключение не может быть произвольным и должно быть связано с темой, хотя вполне возможны различные заключения.

Обычно в методической литературе указывается, что заключение — это резюме, как бы ответ на вопрос, поставленный заданием по теме, но только в обобщённом виде. Однако дело обстоит несколько иначе. В заключении мы не резюмируем, а делаем вывод из сказанного.

Для заключения следует брать одно из положений, которые по заданию нами развиваются, но именно такое положение, в котором другие из нами указанных черт, свойств характера объединяются или, вернее, находят своё самое полное развитие.

Следовательно, в заключении мы должны указать такую черту характера персонажа, которая является наиболее типичной. Например, при характеристике Манилова, Собакевича, Ноздрёва и т. д. в качестве заключения можно взять положение: «Социальная вредность Манилова» (или Собакевича, или Ноздрёва) или: «Живучесть маниловых, собакевичей, ноздрёвых в капиталистическом обществе».

Для заключения берётся такое положение, в котором особенно ярко, полно сказались собранные нами в основной части суждения по теме.

Как помочь учащимся писать основную часть сочинения?

Необходимо, чтобы учащийся ясно представлял себе, что и основная часть сочинения так же определяется заданием, как и вводная и заключительная. Опять-таки следует взять два-три задания на одну и ту же тему. Например, возьмём два первых задания: «Манилов как типичный представитель «прекраснодушных» дворян 30—40-х годов XIX в.» и «Почему Манилов должен быть причислен к мёртвым душам?»

Необходимо выяснить, что нужно доказать в первом и во втором случаях.

В обоих случаях необходимо указать основные свойства Манилова; но в первом случае следует особо подчеркнуть, что это были типичные свойства и качества особой категории «прекраснодушных» русских дворян 30—40-х годов, а во втором, — что они свидетельствуют о его мёртвой душе. Следовательно, в первом случае мы должны сформулировать наши положения таким образом:

«Типичные для «прекраснодушных» дворян 30—40-х годов свойства Манилова» — и указать, перечислить их.

Во втором задании необходимо выяснить, какие свойства Манилова роднят его с миром изображённого в поэме царства мёртвых душ, и опять-таки перечислить их.

В таком направлении и должна вестись работа по обучению сочинениям.

Так как обучение составлению характеристик не начинается в связи с изучением темы «Н. В. Гоголь», но проводилось и раньше, то такого рода упражнения не вызовут особых затруднений у учащихся. В качестве задания после изучения образа Коробочки можно предложить учащимся составить план на несколько заданий по одной теме, например:

1. Помещица Коробочка.

2. Наиболее типичные черты Коробочки и как они показаны Гоголем в его поэме.

3. Почему Гоголь назвал Коробочку дубинноголовой?

Упражнения по подбору материала к этим заданиям должны приучить учащихся умело планировать свои сочинения. С другой стороны, при работе над основной частью сочинения возникает вопрос о полноте, исчерпывающем перечне черт характера или особенностей характеризуемого явления, о группировке их, выдвигании на первое место основных, о подборе наиболее характерного и подытоживающего определения, с тем, чтобы это определение было использовано в заключении.

При формулировке заданий как тем для сочинений следует останавливаться на вопросах мастерства Гоголя при изображении им образов.

В 1950 г. вышла из печати очень содержательная книга В. А. Никольского «Сочинения в средней школе». Однако она имеет тот существенный недочёт, что в ней недостаточное внимание уделено художественной специфике литературных произведений. В связи с этим и рекомендуемые автором темы большей частью касаются вопроса содержания и в весьма малом количестве тем задания соединяют в себе вопросы содержания и формы, т. е. художественной специфики произведений.

Следует так формулировать для учащихся задания, чтобы привлекать их внимание к художественной стороне образов. Например, вместо обычных формулировок: характеристика Манилова и т. д., давать такие:

1. Основные черты характера Ноздрёва (или Собакевича, или Плюшкина) и как они раскрываются Гоголем?

2. Художественное мастерство Гоголя в обрисовке характера Собакевича (или другого образа).

3. Как раскрыт Гоголем образ Плюшкина?

4. Как обнаруживаются основные черты Собакевича в его речи и в сцене продажи им Чичикову мёртвых? и т. д.

В период подведения итогов, обобщений по теме должна быть подготовлена и проведена домашняя работа. Обычно домашняя работа рассчитывается на две-три недели и, следовательно, должна быть задана учащимся своевременно, с тем, чтобы они окончили её в то время, когда кончается изучение темы. Формулировка темы, её разъяснение, указание источни-

ков, помощь в собирании материала, утверждение планов — вот важнейшие моменты работы с учащимися по организации домашней письменной работы.

Домашнее сочинение должно отразить в себе результаты всей работы учителя по теме.

Если в предыдущий период учащийся работал над заданиями более частного характера, то для итоговой домашней работы должно быть дано несколько более широкое задание. Значительно шире должен быть и круг источников для работы. Здесь учащийся начинает осваивать элементарные приёмы работы над критической литературой, чему также следует учить школьника: технику записи читаемых источников, цитирования, нахождения литературы.

Самый факт объявления тем для домашних работ должен быть знаменательным: учащиеся должны ждать его, список тем должен стимулировать дальнейшую классную работу.

В связи с этим и выполнение учащимися сочинения не должно рассматриваться формально, но вокруг работы над сочинением должна создаваться атмосфера заинтересованности.

В качестве тем для домашней работы можно рекомендовать примерно такие:

1. Пушкин и Гоголь.
2. От «Ревизора» к «Мёртвым душам».
3. Юмор и сатира в поэме Гоголя «Мёртвые души».
4. Художественные приёмы изображения характеров у Гоголя (по поэме «Мёртвые души»).
5. В чём сказалась любовь к родине у автора поэмы «Мёртвые души»?
6. Почему Гоголь назвал «Мёртвые души» поэмой?
7. Особенности Гоголя как писателя-реалиста.
8. Чему учились у Гоголя последующие русские писатели?
9. Значение Гоголя для нашей современности.
10. За что я люблю Гоголя?

Этот список — примерный. Вряд ли стоит его увеличивать; ведь у каждого преподавателя литературы есть свои любимые формулировки тем. Нам хотелось лишь указать, что желательно стремиться к посильным для учащихся заданиям. А это возможно сделать, только хорошо зная состав класса. С другой стороны, ряд заданий не по силам вообще в школе, например такая тема, как «Мировое значение Гоголя». Темы не должны быть слишком узкими. В связи с этим характеристика того или иного образа или сравнительная характеристика двух образов, взятых из поэмы Гоголя, слишком узки для домашнего сочинения.

В задании должны быть указаны не только идейные моменты, но обязательно указано на необходимость коснуться вопросов художественного мастерства Гоголя.

Задания не должны прямо соответствовать тому, что прорабатывается в классе. В каждом задании должна быть какая-либо сторона новая для учащихся.

С другой стороны, нельзя давать задания, мало связанные с классной проработкой творчества Гоголя.

Нельзя также требовать, чтобы учащиеся VIII класса использовали бы всю критическую литературу по данному вопросу. Круг такой литературы должен быть весьма узким: отдельные отрывки из статей Белинского, Герцена, Чернышевского и рекомендованных брошюр или статей о Гоголе (не говоря уже о текстах Гоголя) — вот и все те источники, которыми должен воспользоваться учащийся. Конечно, отдельным учащимся, особенно интересующимся литературой, можно рекомендовать и больше. Особенно же следует обратить внимание учащихся на необходимость внимательно относиться к классным занятиям и на них главным образом «собирать материал» для домашнего сочинения.

Объявив темы, следует указать и источники к ним.

Так, например, по первой теме «Гоголь и Пушкин» в качестве источников можно указать следующее: биографические данные о взаимоотношениях Гоголя и Пушкина, статья Белинского «Несколько слов о поэме г. Гоголя «Похождения Чичикова или Мёртвые души», В. Ермилов «Н. В. Гоголь» (1-я глава). Надо указать учащимся, что в названных статьях следует найти материал к теме.

Объявив темы, учитель объясняет кратко их содержание и предлагает начать подготовку к домашней работе: продумать её план, собирать материалы. При этом, как рекомендуется опытным учителями, каждый учащийся в специальные дни и часы консультаций по домашней работе должен показать учителю, примерно через неделю, свой первый набросок плана и регулярно показывать свои «накопления» к теме. Особое внимание должно быть обращено учителем на то, что собирание материала главным образом ведётся на уроках, в процессе классных занятий.

Преподавателю необходимо точно и ясно представлять себе задачу домашней работы — подвести итог классной работы по изучению творчества Гоголя, способствовать дальнейшему развитию учащихся, развитию навыков письменной речи. В связи с этим нельзя ждать от учащихся и требовать от них непосильной для них работы, какой-то особой самостоятельной разработки темы и т. д. Критическая литература привлекается лишь та, о которой упоминает учитель на уроках, и лишь в той мере, чтобы учащийся постепенно научился пользоваться ею. Что же касается «самостоятельности» мысли учащихся, то она должна быть направлена главным образом по линии работы с текстом. Текст произведения и классная работа над темой — вот основные источники для учащихся.

При этом параллельно с учащимися должен работать над темами и сам учитель. И ему необходимо составить план сочинения с тем, чтобы его консультации учащимся были успешнее. После окончания работы над темой учащимся должна быть предоставлена неделя для оформления сначала черновика, а затем и всего сочинения с планом его. В эту неделю желательно не начинать новую литературную тему, использовать уроки для повторения пройденного материала, для занятий по русскому языку, позаботиться о том (заранее, конечно), чтобы в эту неделю у учащихся не было контрольных работ или домашних сочинений по другим дисциплинам, чтобы учащиеся не отвлекались ничем иным. В начале последней недели, отведённой для завершения письменной работы, уместно провести фронтальную консультацию. Во время консультации учитель рассказывает о том, как работали над своими произведениями Пушкин, Гоголь, Толстой. Учитель стремится преодолеть безразличное, незаинтересованное отношение той или иной части учащихся к теме, к работе над сочинением. Такая консультация должна быть краткой и интересной для учащихся.

Наглядные пособия

Умелое использование наглядных пособий по теме усиливает познавательное и воспитательное значение проводимых занятий. В связи с юбилейным гоголевским годом в печати появился ряд плакатов, иллюстрированных изданий сочинений Гоголя, специальных пособий для школы, что значительно облегчает учителю труд по подбору наглядных пособий.

Так, следует назвать прежде всего пособие для учителей средней школы, составленное А. М. Гординым, под ред. А. М. Докусова: «Н. В. Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах». Здесь можно найти репродукции рисунков Агина, Боклевского, акварелей П. Соколова, картин Маковского, А. Лаптева к поэме «Мёртвые души».

Преподавателю необходимо заранее подготовить серию репродукций рисунков Агина, Боклевского, А. Лаптева, с тем чтобы после анализа того или иного образа продемонстрировать их учащимся. Более углублённую работу над образами Гоголя в их интерпретации художниками следует провести на кружковых занятиях.

Н. И. БРАЖНИК

ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» И «МИРГОРОД» В ПЛАНЕ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ И КРУЖКОВОЙ РАБОТЫ В VIII КЛАССЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

(Из опыта работы учителя)

Главной заслугой Гоголя является создание «Ревизора» и «Мёртвых душ». Но и ранние его повести представляют исключительную художественную ценность. Без их изучения нельзя определить размеры его влияния на современных ему и последующих русских писателей.

Для средней школы «Вечера на хуторе...» и «Миргород» имеют ещё и то значение, что учащиеся VIII класса лучше поймут и скорее полюбят Гоголя, если предварительно познакомятся с этими произведениями. Поэтому было бы неправильно ограничиться только программными произведениями: необходимо в VIII классе расширить знакомство с творчеством Гоголя путём внеклассного чтения и кружковой работы.

Это важно ещё и потому, что на основе накопленного учащимися конкретного материала преподаватель может с большей полнотой раскрыть творческий путь писателя. В свою очередь класс, включая даже наименее сильных учащихся, сознательно усвоит этот материал.

Наконец, знакомство с «Вечерами на хуторе...» и «Миргородом» в связи с последующим изучением «Мёртвых душ» поможет полнее разобраться в мировоззрении великого русского писателя.

Как же практически строилась эта работа?

С начала первой четверти учебного года повести

Н. В. Гоголя последовательно, одна за другой, давались учащимся для внеклассного чтения. Чтению была предпослана небольшая вводная беседа примерно следующего содержания.

Николай Васильевич Гоголь — великий русский писатель, литературная деятельность которого относится к 30—40-м годам XIX в. Он с глубокой любовью относился к своей родине, к своему народу и проявлял исключительный интерес к народному творчеству, быту, мировоззрению, к народным характерам. Творчество Гоголя носило прогрессивный, демократический характер.

В 1831 г. вышел первый том его повестей, объединённых общим заглавием «Вечера на хуторе близ Диканьки». Книга сразу привлекла к себе общее внимание и положила начало славе Гоголя.

А. С. Пушкин писал о ней:

«Сейчас прочёл «Вечера на хуторе близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я и доселе не образумился».

В 1835 г. великий критик Виссарион Григорьевич Белинский дал такой отзыв о повестях Гоголя:

«Гоголь сделался известным своими «Вечерами на хуторе». Это были поэтические очерки Малороссии, очерки, полные жизни и очарования. Всё, что может иметь природа прекрасного, сельская жизнь простолюдинов обольстительного, всё, что народ может иметь оригинального, типического, всё это радужными цветами блестит в этих первых поэтических грёзах г. Гоголя. Это была поэзия юная, свежая, благоуханная, роскошная, упоительная...»

Ранние произведения Гоголя проникнуты юмором. Реже мы видим в них сатиру. Встречаются у Гоголя и героические повести. С одной из них, с «Тарасом Бульбой», вы уже хорошо знакомы.

Свою вступительную беседу преподаватель заключает последовательным перечислением повестей, входящих в состав «Вечеров на хуторе...» и «Миргорода», и намечает план их чтения, отводя на каждую повесть по одной неделе.

Проверка понимания и усвоения прочитанного проводится на уроке. Для этого после ответов по домашнему заданию ставится два-три вопроса опрашиваемому и столько же — другим учащимся. Иногда, в зависимости от количества, вопросы к одной повести распределяются между двумя уроками.

Вопросы формулировались преподавателем заранее и вносились в план его урока. Ниже приводится примерный перечень этих вопросов.

Первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки»

Предисловие к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки»

1. Под чьим именем Гоголь издал эти повести? (Понятие о псевдониме.)
2. Кто такой Рудый Панько и что значит его прозвище?
3. Чего боялся пасичник Рудый Панько при издании своих произведений?
4. Назовите главных рассказчиков занимательных историй на «вечерницах» у Рудого Панька.
5. Из-за чего произошла размолвка между дьяком **Фомой** Григорьевичем и паньчом в гороховом кафтане?
6. Как удалось предупредить между ними ссору?
Продумайте дома, в чём юмор «Предисловия».

«Сорочинская ярмарка»

1. Назовите действующих лиц повести.
2. Где происходят описываемые в ней события?
3. Как автор описывает летний день?
4. Как он описывает ярмарку?
5. Зачем приехал Солопий на ярмарку?
6. Кто и для какой цели распространил слух о «красной свитке» на ярмарке?
7. Расскажите содержание этой легенды.
8. Как использовал её Голопуенко в своих целях?
Продумайте дома, в чём комизм образа Солопия Черевика и юмор всей повести.

«Вечер накануне Ивана Купала»

1. Как Гоголь описывает в своей повести быт крестьян?
2. Почему батрак Петро не мог жениться на Пидорке?
3. Какое существовало поверье о цветке папоротника?
4. Как передаётся в повести предание о человеке, добывшем богатство путём преступления?
5. О каких проявлениях «нечистой силы», помимо этого, рассказывается в повести? Какое впечатление они производят?
Продумайте дома, какова основная идея этого произведения.

«Майская ночь или утопленница»

1. Как описывается природа в «Майской ночи»?
2. Кто такой голова и как он обращается с крестьянами?
3. Как они оплачивают ему за его несправедливость?
4. Какое предание рассказывает Левко о заброшенном доме?

5. Какой сон видел он на берегу пруда?

6. Какую легенду рассказывает Винокур?

Продумайте дома: а) Какие мотивы устной народной поэзии отразились в повести? б) В чём её фантастика? в) В чём её реализм?

«Пропавшая грамота»

1. Что рассказывает дед о своих приключениях?

2. Откуда мы видим, что дед любил прилгнуть?

3. Что могло случиться с ним на самом деле?

Продумайте дома: какие черты характера и поведения можно подметить у деда.

Вторая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки»

«Ночь перед рождеством»

1. Как чорт похитил месяц?

2. Кто был свидетелем этого?

3. Какие последствия имело это похищение?

4. Что видел Вакула во время своего полёта в Петербург?

5. Кто оказался победителем в борьбе человека с чортом?

6. Какие народные обычаи описаны в повести?

Продумайте дома два вопроса:

а) Хочет ли Гоголь всерьёз уверить читателя в действительности описанных в повести чудесных происшествий?

б) Какими чертами характера и поведения обрисован кузнец Вакула?

«Страшная месть»

1. Почему повести дано такое заглавие?

2. Какое из преступлений колдуна является самым тяжким?

3. Каковы лучшие черты Данилы Бурульбаша?

4. Одинок ли Данила в своей борьбе с врагами родины?

Продумайте дома, почему «Страшную месть» мы можем назвать романтической повестью.

Подготовьте для выразительного чтения описание Днепра («Чуден Днепр при тихой погоде...»)

«Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка»

1. Расскажите об учебных занятиях юного Ивана Фёдоровича.

2. Чем заполнял он своё время, ставши взрослым человеком?

3. Как помещик-крепостник Сторченко обращается со своими крепостными слугами?

4. Чем объясняет автор незаконченность повести?

Продумайте дома, почему этой повести не нужен конец, в чём её сатирический характер.

Так как повесть «Тарас Бульба» изучается в семилетке, то давать её для внеклассного чтения в VIII классе нет надобности. Но в кружковые занятия она включается.

Из «Миргорода» для внеклассного чтения берётся только вторая часть, причём удобнее поставить непосредственно после «Ивана Фёдоровича Шпоньки» другую реалистическую «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

1. Расскажите о достопримечательностях Миргорода (бекеша Ивана Ивановича, его дом, лужа и др.).

2. Как описан суд и чиновники?

3. Как проводит свой день Иван Никифорович Довго-чун?

4. Какие беседы вёл с нищими Иван Иванович Перерепенко?

5. Расскажите историю ссоры Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Продумайте дома, в чём заключается сатирический характер повести.

«В и й»

1. Как учились и жили бурсаки?

2. Почему Хома был вынужден читать у гроба панночки?

3. Какие народные поверья ввёл Гоголь в свою повесть?

4. Как объясняет гибель Хома его товарищ Горобец?

Продумайте дома, почему Хома победил в единоборстве с ведьмой и почему он погиб при появлении Вия?

Если в плане внеклассного чтения происходит общее ознакомление с «Вечерами на хуторе...» и «Миргородом», то в литературном кружке они изучаются уже значительно глубже. Вся работа здесь была мною рассчитана на двенадцать занятий, включая и заключительную конференцию.

Приводим примерный план и содержание кружковых занятий.

Первое занятие.

1. Вступительная беседа. (Гоголь — великий русский писатель. Значение его творчества. Основные черты его времени. Жизнь, литературные интересы и первые литературные опыты до начала литературной славы будущего великого писателя. Его жизнь и литературная деятельность в первую половину 30-х годов.)

2. Обсуждение плана занятий кружка.

3. Распределение докладов между участниками.

Подробное описание эпохи, жизни и деятельности Гоголя будет дано в процессе классных занятий. Поэтому здесь говорится об этом только в общих чертах, даётся тот минимум, без которого было бы непонятно раннее творчество писателя. Вот примерное содержание проводившейся беседы.

Гоголь родился в 1809 г. Его творчество в основном относится к 30—40-м годам, но, несомненно, на его мировоззрении отразилась также и общественно-политическая жизнь второй половины 20-х годов.

Это было время николаевской реакции, наступившей после разгрома восстания декабристов.

Путём беспощадной борьбы против всякого проявления свободной мысли, против попыток какой-либо прогрессивной деятельности, путём жестокого угнетения народных масс, палочной дисциплины в армии Николай I, опиравшийся на реакционное дворянство, на огромный бюрократический и полицейский аппарат, ставил своей задачей укрепление самодержавия, крепостного права, церкви. Герцен писал, что после 14 декабря «тон общества менялся наглазно: быстрое нравственное падение служило печальным доказательством, как мало развито было между русскими аристократами чувство личного достоинства. Никто (кроме женщин) не смел показать участия, произнести тёплого слова о родных, о друзьях, которым ещё вчера жали руку, но которые за ночь были взяты. Напротив, являлись дикие фанатики рабства: одни из подлости, а другие хуже — бескорыстно»¹.

И дальше: «Нравственный уровень общества пал, развитие было прервано, всё передовое, энергическое вычеркнуто из жизни. Остальные — испуганные, слабые, потерянные — были мелки, пусты»².

Этот период русской жизни характеризовался ростом капитализма, развалом помещного хозяйства, общим упадком дворянства как класса, многочисленными вспышками крестьянского движения, развитием прогрессивной общественной мысли, ростом социалистических идей. «Новый мир толкался в дверь, — пишет Герцен, — наши души, наши сердца растворялись ему»³.

На знамени честных и смелых людей стояли слова: русский народ, Россия и её будущее. Мысли о народе вдохновляли творчество великого русского поэта А. С. Пушкина. Верой в народ, стремлением приобщиться к его духовной жизни объясняется страстный интерес к народному творчеству русских писателей и учёных.

Под влиянием всех этих противоречивых условий русской жизни складывалось мировоззрение и творчество Гоголя

¹ А. И. Герцен, *Былое и думы*, 1949, стр. 40.

² Там же, стр. 297.

³ Там же, стр. 114.

Не менее противоречивы были и условия его личной жизни. Гоголь родился и вырос в помещичьей семье, владевшей двумястами крепостных «душ». Здесь он в какой-то мере впитал в себя взгляды мелкопоместной дворянской среды. Однако сам Гоголь в лицее учился, как бедняк, на казённый счет, а по окончании образования, уже с 1829 г., начал зарабатывать собственным трудом средства к жизни — сначала чиновником, затем профессором истории, наконец, литературным трудом. Свою часть имения он передал матери и сёстрам и сам сильно нуждался. Таким образом, Гоголь по своему материальному положению принадлежал к трудовой интеллигенции с её постоянным трудом и материальной необеспеченностью.

В начале своей литературной деятельности Гоголь был близок к Жуковскому и Пушкину, т. е. к писателям, которые, несмотря на их личные дружеские взаимоотношения, были резко противоположны по своим общественно-политическим и философским взглядам, что также не могло не оказать определённого влияния на молодого писателя.

Вместе с тем это был период острой борьбы литературных направлений. Во второй половине 20-х и в 30-е годы, наряду с формированием мощного реалистического направления, во главе с такими писателями, как Грибоедов и особенно Пушкин, развивался романтизм. И если прогрессивный романтизм Пушкина, Рылеева, Лермонтова был лишь переходом к реализму, то в творчестве реакционных романтиков мы видим упадочность, безнадёжность, уход от действительной жизни, презрительное отношение к простому народу.

Произведения первого периода творчества Гоголя, периода написания «Вечеров на хуторе...» и «Миргорода», характеризуются сочетанием реализма и прогрессивного романтизма.

Исключение составляют реалистические повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», а также написанная в духе романтизма «Страшная месть». Но в противоположность реакционному дворянскому романтизму Гоголь-романтик не стремится уйти от живой действительности: он погружается в самую гущу народной жизни, любовно изображая и быт, и характеры, и поверья, и предания народа. Народную жизнь он рисует в движении, в живых и ярких красках, перемежая в своём повествовании мягкий юмор, весёлый смех и лирические описания. По своей демократической направленности, по жизнеутверждающему характеру творчество Гоголя-романтика резко отличается от реакционного дворянского романтизма.

Читая и «Вечера на хуторе близ Диканьки», и «Миргород», мы погружаемся в мир здоровой народной стихии, народного творчества, неиссякающей светлой природы, юмора и нежной

лирики, поскольку речь идёт о крестьянстве. Но духом пошлости, никчёмности веет от картин помещичьей жизни, от ничтожных характеров этих «существователей», «небокопителей».

Второе занятие.

Сообщения учащихся (по 10—15 минут каждое):

1. Литературные интересы семьи Гоголя.
2. Изучение Гоголем народного творчества.
3. Литературные занятия Гоголя в период обучения в Нежинской гимназии.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ

Для того чтобы занятие кружка прошло содержательно и интересно, оно должно быть тщательно подготовлено. Докладчики (для первых сообщений — из наиболее успевающих учеников) собираются вместе с преподавателем, который проводит инструктивную беседу о плане, содержании и источниках каждого из намеченных докладов. Здесь указывается также на обязательность чёткости и выразительности как чтения, так и устной речи докладчиков.

Вот примерное содержание инструктивной беседы.

Изучение народной жизни и народного творчества начинается Гоголем очень рано, и идёт оно разными путями.

Отец великого писателя, Василий Афанасьевич Гоголь, был талантливым и по тому времени образованным человеком. Ему принадлежат остроумные бытовые рассказы и сцены в лицах. Комедии Василия Афанасьевича Гоголя из украинского народного быта, написанные для домашнего театра дальнего родственника, вельможи Трошинского, написаны хорошим языком, проникнуты тонким юмором и свидетельствуют об отличном знании автором народной украинской жизни.

Своё дарование, свою любовь к литературе, свой интерес к народному быту Василий Афанасьевич передал и сыну.

Интерес к народному творчеству разделяли и остальные члены семьи Гоголя. Позже мы найдём в письмах юного писателя к матери постоянные просьбы о сообщении ему народных легенд, песен, народных обычаев, описаний одежды, особенностей быта.

Вместе с тем Гоголь изучает вышедшие в печати сборники произведений народного творчества и труды по этнографии. Он был знаком со всеми имевшимися тогда сборниками украинских песен.

Но Гоголь не только использовал уже готовый материал устной народной поэзии, — он был также и его собирателем. Уже в юношеские годы, в Нежине, он записывал украинские этнографические и фольклорные материалы в заведённую им

«Книгу всякой всячины или подручную энциклопедию». Эти записи он продолжал в последующие годы и накопил большое собрание украинских песен, поговорок, присловий и пр.

В работе он широко пользовался своими записными книжками. Гоголь писал о том, что творчество народа обусловливается всем ходом его исторической жизни. В статье «О малороссийских песнях» мы читаем: «Я не распространяюсь о важности народных песен. Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была деятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтического и он, при всей многосторонности её, не получил высшей цивилизации, то весь пыл, всё сильное, юное бытие его выливается в народных песнях». В статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь писал, что через творчество народа познаётся его характер. А поскольку, по определению Гоголя, «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа...», в восприятии мира «глазами своей национальной стихии, глазами всего народа», изучение народного творчества играет исключительную роль в формировании художественного таланта.

В период своего обучения в Нежинской гимназии высших наук Гоголь очень много читал. Чтение юноши Гоголя было весьма многообразно и свидетельствовало о высоком уровне его литературного развития.

Увлекался он и театром, и живописью. Последняя была его «маленькой страстью»; большой страстью была литература. В эти годы Гоголь также много писал.

Ещё в младших классах Гоголь написал балладу «Две рыбки», в которой он пытался изобразить судьбу своего рано умершего брата Ивана и свою. В журнале гимназии он поместил трагедию «Разбойники» и повесть «Братья Твердиславичи».

Очень рано замечается у Гоголя стремление к юмору. Он смешил своими выходками товарищей, прекрасно играл комические роли. Им была написана сатира в прозе «Нечто о Нежине или дуракам закон не писан».

В лицейские же годы написана и идиллия «Ганц Кюхельгартен».

Таким образом, выступлению Гоголя в начале 30-х годов в печати предшествовала большая подготовительная работа.

Учащиеся могут использовать для своих докладов документальный материал, приводимый в беседе преподавателя. (Соответствующие цитаты целесообразно выписать на отдельных карточках.) Кроме того, можно рекомендовать в качестве пособия для их небольших сообщений изданную Учпедгизом в 1952 г. брошюру «К столетию со дня смерти Н. В. Гоголя». Здесь следует указать для первого доклада страницы 18—19, для второго — 22, для третьего—19—21.

В процессе обсуждения докладов преподаватель может поставить членам кружка несколько вопросов, как, например:

1. Что способствовало развитию литературных способностей юноши Гоголя?

2. Не может ли кто-нибудь сказать, в чём сказалось влияние народного творчества в повестях Гоголя?

3. Может ли кто-нибудь привести примеры гоголевского юмора?

4. Не приведёт ли кто-нибудь таких описаний природы у Гоголя, где заметно влияние его «маленькой страсти» — любви к живописи?

Последующие доклады в основном строятся на изучении текста «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода».

Третье занятие.

1. Выразительное чтение одним из членов кружка «Предисловия» к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

2. Сообщения учащихся:

а) Юмор «Предисловия».

б) Сатира в «Предисловии».

Предварительная беседа с докладчиками строится примерно в следующем плане.

Предисловие к первому тому «Вечеров на хуторе...» представляет не только большой художественный интерес как замечательный образчик гоголевского юмора, но оно привлекает внимание и тем, что в немногих словах показывает положение писателя-демократа и «лакейский» характер тогдашней критики. Автор-«хуторянин» выражает боязнь по поводу своего вступления в литературу. Своё положение он сравнивает с положением мужика, которого из барских хором гонят лакеи. Под наивностью хуторянина здесь чувствуется едкая насмешка человека, приравнивающего реакционную критику к лакейству. У читателя невольно возникает вопрос, кого же надо разумеать под «вышим лакейством», но Рудый Панько снова уводит его в примитивный быт захолустной Диканьки. Однако простодушие рассказчика только кажущееся. Его критическая мысль снова выступает, когда столичным балам, где «зевает в руку», противопоставляется простое, искреннее веселье крестьянской молодёжи с музыкой, танцами, играми, с рассказами о старине.

Наряду с этим автор уделяет много внимания описанию внешности дьяка диканьской церкви Фомы Григорьевича, носившего «суконный балахон, цветку застуженного картофельного киселя», чистившего сапоги «самым лучшим смальцем», никогда не вытиравшего нос полою своего халата. Он «вынимал из-за пазухи опрятно сложенный белый платок, вышитый по

всем краям красными нитками, и, исправивши, что следует, складывал его снова, по обыкновению в двенадцатую долю, и прятал за пазуху». Это пародирование патриархальной манеры мышления и языка, смешение главного с не относящимся к делу лежит здесь в основе комического, в основе гоголевского юмора. Комическое впечатление создаёт и характер пафосного повествования, находящегося в полном несоответствии с содержанием: «Что то за пироги, если бы вы только знали! Сахар, совершенный сахар! А масло, так вот и течёт по губам, когда начнёшь есть».

Подготовка к третьему занятию кружка требует прежде всего упражнений по выразительному чтению и для того, кто будет читать «Предисловие» целиком, и для тех, кто будет только цитировать. Затем докладчиками намечаются планы. Самим докладчикам преподаватель, если это требуется, ставит наводящие вопросы, возбуждая самостоятельную мысль учащихся, внося только в последующем свои поправки. Привожу примерные планы ученических докладов.

I. Юмор «Предисловия» к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

1. Определение юмора (найти в словаре и выписать).

2. Юмор в «Предисловии»:

- а) в описании одежды Фомы Григорьевича;
- б) в характерной подробности с носовым платком;
- в) в смешении главного с не относящимся к делу;
- г) в повышенном тоне восхищения пирогами.

3. Найти в словаре и выписать определение слов «пародия» и «пафос». Определить их место в «Предисловии».

II. Сатира в «Предисловии» к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

1. Найти в словаре и выписать определение сатиры.

2. Сатира в «Предисловии»:

- а) Как здесь характеризуется положение писателя-демократа?
- б) Кого называли лакеями в прямом и переносном смысле?
- в) Какие черты им приписывались?
- г) Почему здесь критиков сравнивают с лакеями?
- д) Против кого ещё направлена сатира писателя?
- е) Сопоставляя дворянскую и крестьянскую молодёжь, кому из них отдаёт предпочтение Гоголь?

Четвёртое занятие кружка посвящено «Сорочинской ярмарке».

Примерные доклады учащихся:

1. Красочность описаний природы, ярмарки, внешнего вида действующих лиц в «Сорочинской ярмарке».

2. Отражение народного творчества в повести.

3. Реализм сюжета и бытовых картин.

В плане подготовки учащихся к докладам проводится беседа после прочтения ими повести.

Содержание её примерно следующее.

Комическая повесть «Сорочинская ярмарка» построена на реалистической основе, и фантастический элемент трактуется в ней как проявление суеверия. Вся повесть пронизана юмором, начиная от выбора жениха, основным достоинством которого, по мнению отца невесты, является умение пить «горилку» в неограниченном количестве, и кончая описанием «храброго» поведения казаков при появлении в окне свиного рыла.

Комический характер носят и имена героев: «Солопий Черевик (черевик в переводе на русский язык — туфля), Грицко Голопупенко, Хавронья Никифоровна».

Однако комизм имеет здесь не только внешний характер: он обуславливается определёнными внутренними особенностями изображаемых персонажей. Хотя образы действующих лиц намечены в повести немногими чертами, но это не лишает их жизненности, реализма. Как живые, проходят перед читателем добрый, но слабовольный и ограниченный Солопий Черевик, его сварливая и властолюбивая жена Хавронья Никифоровна, трусливый любитель любовных приключений попович, смелый и дерзкий Грицко, красавица Параска, пленённая ласковостью и красивым поясом Грицка.

В качестве средства характеристики здесь с большим мастерством использован язык действующих лиц. Простодушно-доверчивый, невежественный Черевик обращается к куму: «Скажи, будь ласков, кум! Вот прошусь да и не допрошусь истории про эту проклятую свитку». — «Э, кум! Оно бы и не годилось рассказывать на ночь; да разве уж для того, чтобы угодить тебе и добрым людям», — отвечает не отличающийся храбростью кум.

Иной склад речи у получившего в духовной семинарии образование поповича: «Тс! ничего, ничего, любезнейшая Хавронья Никифоровна! Выключая только уязвления со стороны крапивы, сего змееподобного злака, по выражению покойного отца протопопа...»

Параска свои затаённые думы и чувства выражает языком песни: «Скорее песок взойдёт на камне и дуб качнётся в воду, как вербы, нежели я нагнусь перед тобой».

Язык самого автора прост, меток и выразителен. Реалистичны здесь описания избы, ярмарки.

Но несмотря на черты реализма, «Сорочинская ярмарка» носит романтический характер. Здесь мы видим одностороннее освещение народной жизни и отдельных характеров, чрезмерно пышные описания природы, молниеносно вспыхнувшую любовь

в сердцах Грицка и Параски, а также несколько фантастические средства борьбы Грицка за своё счастье, обобщённый портрет молодой красавицы, наконец, наличие народных поверий.

Это сочетание реализма и романтизма в раннем творчестве Гоголя носит своеобразный характер, оттеняя внутреннее богатство народной жизни. Автор подсмеивается над слабостями «поселян», живёт их жизнью, говорит их языком, любовно повторяет в эпиграфах их песни, понимает их обычаи и уверенно вводит в среду этой жизни читателя.

Первое и второе из намеченных сообщений учащиеся могут подготовить самостоятельно. Преподавателю достаточно будет дать общие указания, а затем сделать свои замечания в заключительном слове на заседании кружка. Тема третьего значительно труднее, и план его должен быть предварительно обсуждён более или менее подробно.

Его следует начать с точного определения значения реализма как литературного направления. После этого можно обсудить, как раскрыть черты реализма в сюжете, описании бытовых сцен (по пути на ярмарку и на ярмарке), в трактовке легенды о красной свитке.

Пятое занятие кружка посвящено продолжению работы над «Сорочинской ярмаркой». На занятии намечаются следующие доклады:

1. Основные черты характеров и поведения действующих лиц. Реализм образов Солопия Черевика и его дочери.

2. Язык действующих лиц повести как средство характеристики.

Здесь также преподаватель должен помочь учащимся в составлении плана, взяв за основу предпосланную докладам беседу.

Шестое занятие: «Вечер накануне Ивана Купала».

Доклады учащихся:

1. Описание быта крестьян в повести.

2. Народное предание как основа сюжета и главная идея повести.

3. Юмористическое изображение народных верований в «нечистую силу».

Начало рассказа «Вечер накануне Ивана Купала» и вообще вся художественная рамка, в которую вставлена трагическая, полная мрачной фантазии народная легенда, носит ярко выраженный реалистический характер. Фома Григорьевич, от имени которого ведётся рассказ, вспоминает обстановку, в которой слышал эту чудесную историю от своего покойного деда. Зимний вечер в крестьянской избе с узенькими запущёнными инеем окнами. Мать прядёт пряжу, качая в то же время ногой люльку и напевая песню. Дрожащий огонёк примитивного све-

тильника («каганца»), жужжанье веретена и рассказ старого деда, давно уже не слезавшего с печи, про старину. После такого рассказа мальчик «положенную в головах свитку» часто издали принимал «за свернувшегося дьявола».

Прежде чем переходить к основной теме, рассказчик с укоризной говорит о том, что «эдакое неверие разошлось по свету! Да чего,—вот не любил бог меня и пречистая дева! Вы, может, даже не поверите: раз как-то заикнулся про ведьм — что ж? Нашёлся сорви-голова, ведьмам не верит!» И когда после этого вступления Фома Григорьевич начинает рассказывать фантастическую историю, слышанную им от деда, о страшных делах нечистой силы, читатель воспринимает её как плод народной фантазии, как произведение народного творчества, обработанное Гоголем и вставленное в рамку реалистической повести.

Здесь переплетается быль с вымыслом. Бедный хутор, где лепилось около десятка крестьянских избёнок, «не обмозанных, не укрытых», не огороженных хотя бы плетнём. Это жили «богачи». «Голь» же, к которой принадлежала и семья рассказчика, жила просто в ямах. Не было защиты ни от иноземных, ни от своих насильников. В этом-то хуторе полюбил молодой батрак Петрусь хозяйскую дочку Пидорку.

Узнав, что Пидорке сватают богатого жениха, Петрусь с горя побрёл прямо в шинок. И вот тут, когда человек потерял всякую надежду, в его дела вмешивается нечистая сила, которая толкает его на преступление. Он теряет власть над своими поступками, и простая, привычная жизнь заменяется кошмарными видениями. В основе сюжета рассказа лежит древнее поверье о силе цветка папоротника, расцветающего в Иванову ночь.

Свершив тяжёлое преступление, Петрусь разбогател и женился на Пидорке, но ценой преступления нельзя купить счастья—высокое моральное чувство народа не допускает этого. Петрусь гибнет. Пидорка уходит в монастырь.

И снова от полного трагизма и мрачной фантастики народного предания рассказчик возвращает нас к повседневному быту, к лукавой шутке о том, как чарка кланялась в пояс опьяневшему церковному старосте, как «отец Афанасий ходил по всему селу со святою водою и гонял чорта кропилом по всем улицам», как чорт по вечерам стучал в крышу и царапался по стене в отместку за то, что тётка покойного деда рассказчика закрывала шинок на Опошнянской дороге, где он, в лице Басаврюка, любил пьянствовать, «как нечистое племя... поправляло на свой счёт» развалившийся шинок. Как бы подчёркивая фантастичность повествования и подсмеиваясь над доверчивыми слушателями, автор дополняет свой рассказ несообразностями об ожившем жареном баране, о пляшущей по избе в присядку квашне. Всё это прозрачно намекает на

скептицизм рассказчика, очевидно, желающего вызвать такое же отношение и у читателя. Непоколебимой остаётся только простая и великая правда о трудной жизни крестьянской бедноты, о тяжести социального неравенства, о моральной высоте народных воззрений, о скептическом отношении ко всякого рода суевериям.

Таким образом, в рассказе «Вечер накануне Ивана Купала» Гоголь рисует картину народной жизни с её бытом, горестями, верованиями, в центре которой даётся народная легенда, проникнутая высоким моральным чувством.

После инструктивной беседы преподаватель ставит докладчикам ряд вопросов, задача которых — выявить, насколько ясен для них характер их будущих докладов.

1. Как показана в повести жизнь крестьянской бедноты и состоятельной части крестьянства?

2. Как изображены в ней взаимоотношения батрака и хозяина?

3. Какое народное поверье включено в сюжет повести?

4. Почему Петрусь и Пидорка не могли быть счастливы?

5. Как проявляла себя в селе «нечистая сила»?

6. Как относится автор к народным суевериям?

Седьмое занятие посвящено повести «Майская ночь или утопленница».

Для докладов учащихся здесь выделяется четыре темы:

1. «Пан-голова» и его взаимоотношения с крестьянами.

2. Народные легенды в повести «Майская ночь».

3. Лиризм повести.

4. Черты реализма и фантастики в «Майской ночи».

Привожу примерное содержание вводной беседы.

В повести «Майская ночь или утопленница» Гоголь развёртывает повествование в двух планах: реалистически-бытовом и фантастическом. Вся повесть пронизана глубоким лиризмом.

На берегу большого пруда, утопая в зелени, раскинулось тихое украинское село. Всё залито лунным светом. Но в этом благодатном уголке жизнь простых людей далеко не легка. Правда, молодость берёт своё, и молодёжь поёт и веселится, но на переднем плане здесь пан-голова. Он глуповат, тщеславен и хвастлив; несмотря на свою старость, любит поухаживать за молодыми девушками. В селе он представитель власти, и «всё село, завидевши его, берётся за шапки».

В мирской сходке, или громаде, «голова всегда берёт верх и почти только по своей воле высылает, кого ему угодно, ровнять и гладить дороги или копать рвы». Он заставляет

крестьян обмолачивать ему хлеб. Его сын говорит о нём: «Он управляется у нас, как будто гетьман какой..., помыкает, как своими холопьями». Случается, что непокорных голова обливает водой на морозе. Население села ненавидит и голову, и его помощника — писаря. К нему загоняют в огород свиней, парни бьют в его доме окна, подгулявший мужик ругает его.

Обо всём этом говорится как будто вскользь, между прочим, но действие повести построено в основном на этом конфликте. На стороне Левка вся деревенская молодёжь, именно потому, что это даёт ей возможность выразить свой протест против гнёта головы.

Но как бы ни был силен внешний гнёт, истоки народной жизни неиссякаемы, чувства народа глубоки и прекрасны, легенды и поверья наивны, но исполнены поэзии. Беседуя с Ганной, Левко рассказывает ей скорбное предание о молодой загубленной жизни, связанное с сумрачным прудом. Продолжение своего рассказа он видит во сне, и оно светлым лучом вплетается в его жизнь. Фантастика здесь переплетается с реальной действительностью. Гоголю как будто жаль разрушать обаяние народной легенды, и он воздерживается от выражения своего скептицизма в форме обычной для него лукавой шутки или тонкой иронии.

«Майская ночь или утопленница» — одно из самых лирических произведений Гоголя.

Контрольные вопросы к инструктивной беседе

1. В чём основные особенности композиции (построения) повести «Майская ночь»?
2. Как изображена здесь природа?
3. Как показана жизнь крестьянства?
4. Назовите основные черты характера и поведения головы.
5. Как мстит население голове и писарю за их самоуправство?
6. Расскажите об отражении в повести народных преданий и поверий.
7. Укажите элементы фантастики.
8. В чём проявляется реализм повести?
9. Как будете строить доклад по теме «Лиризм повести»? (Лиризм описаний природы, предания о сотниковой дочке, сна Левко, высказываний Левко и Ганны, авторских отступлений и отдельных оборотов речи.)

На восьмом занятии литературного кружка изучалась повесть «Ночь перед рождеством»¹. Здесь члены кружка останавливались на следующих темах:

1. Отражение в повести «Ночь перед рождеством» народных поверий.

2. Черты скептицизма в повести.

3. Изображение народных обычаев.

4. Кузнец Вакула как положительный образ.

Проводя инструктивную беседу, преподаватель прежде всего показывает, как Гоголь с изумительным мастерством воспроизводит наивность стародедовских представлений (наступает темнота, потому что чорт украл месяц; прикоснувшись к месяцу, чорт обжигается; Вакула решает продать душу чорту, но боится согрешить, поевши в постный день сметаны, и т. д.).

Ярко выраженное комическое содержание повести построено на основе необыкновенных приключений и столкновений. Чорт, желая доставить неприятность кузнецу Вакуле, украл месяц, вследствие чего Чуб неожиданно попал к Солохе, убедился в её неверности, и когда Вакула, заставив попавшего ему в руки чорта свозить его в Петербург, где он достал черевика для своей капризной возлюбленной, пришёл свататься за Оксану, старый самодур ответил согласием. Легкомысленной Солохе пришлось прятать своих многочисленных поклонников в мешки из-под угля, что тоже составляет комический момент. В качестве пролога к этой сложной интриге явилась прогулка ведьмы с чортом в поднебесье, где они набрали много звёзд, а чорт, обжигаясь, схватил месяц и спрятал его в карман. Свидетелем этого беззаконного дела был волостной писарь, выходивший на четвереньках из кабака и выдавший, как танцевал месяц. Последнее указание сразу придаёт всему демонологическому колориту повести шутливый характер.

Фантастическое содержание «Ночи перед рождеством» (человек ловко одурачил бесовскую силу) носит чисто фольклорный характер. Всё оно пронизано жизнерадостным юмором.

Народная фантазия по-своему преобразовала окружающий мир, и эти фантастические представления отразились в описании путешествия Вакулы на чорте в Петербург: звёзды играют в жмурки, колдун пролетает в горшке, метла возвращается без седока, духи сгустились в тучи и т. д.

«Ночь перед рождеством» — одно из самых насыщенных народной поэзией, описаниями народных обычаев и бытовых подробностей произведений Гоголя. Патриархальное мышле-

¹ За недостатком времени «Пропавшая грамота» не была включена в план занятий литературного кружка.

ние и язык усиливают его народный колорит. Вся повесть построена на сложном переплетении человеческих и бесовских взаимоотношений и страстей. В этой весёлой суете торжествует человек и его добрые начала.

Гоголь с огромным интересом и симпатией рисует и народный быт, и народные верования. Его скептицизм выступает здесь в немногих, точно вскользь оброненных замечаниях. Так, например, рассказав, как Солоха летала через трубу на метле, он потом добавляет, что, может быть, «хитрость и сметливость её были виною, что кое-где начали поговаривать старухи, особенно когда выпивали где-нибудь на весёлой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма».

Повесть «Страшная месть» интересна для учащихся VIII класса как яркий образчик романтической повести, как первый опыт Гоголя в создании героической эпопеи, явившейся своего рода подготовкой к «Тарасу Бульбе». Поэтому с ней знакомится весь класс в плане внеклассного чтения. Однако в программу занятий кружка за недостатком времени она не включается.

Девятое занятие литературного кружка посвящается изучению незаконченной повести Гоголя «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка».

Руководитель кружка начинает очередное занятие небольшим вступлением, в котором обращает внимание его членов на то, что в изображении Гоголя жизнь крестьянства и казачества полна глубоких чувств, ярких переживаний, что в их среде встречаются сильные, благородные характеры. Что же касается дворянства, то жизнь его бедна, бессодержательна, характеры мелки и ничтожны.

Повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка» посвящались два доклада:

1. Образ небокопителя в повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка».
2. Образ грубого крепостника Сторченко.

Привожу примерное содержание инструктивной беседы, предшествовавшей самостоятельной работе учащихся над порученными им докладами.

Главный герой повести — Иван Фёдорович Шпонька, являющийся воплощением бездарности, безличности, бесцветности.

«Было ему без малого пятнадцать лет, когда перешёл он во второй класс, где, вместо сокращённого катехизиса и четырёх правил арифметики, принялся он за пространный, за книгу о должностях человека и за дроби. Но, увидевши, что чем дальше в лес, тем больше дров, и получивши известие, что батюшка приказал долго жить, пробыл ещё два года и, с согласия матушки, вступил потом в пехотный полк». Командир этого полка гордился тем, что несколько его офицеров танцевали мазурку. Блеску офицеров также содействовало умение пить

чистый спирт и проигрывать в карты «даже исподнее платье, что не везде и между кавалеристами можно сыскать».

В полку так же, как и в школе, Иван Фёдорович отличался благонравием: он безвыходно сидел дома, где «то чистил пуговицы, то читал гадательную книгу, то ставил мышеловки по углам своей комнаты, то, наконец, скинувши мундир, лежал на постели... Зато в скором времени, спустя одиннадцать лет после получения прапорщичьего чина, произведён он был в подпоручики». Ещё через четыре года Иван Фёдорович вышел в отставку и поехал в своё имение. В течение двухнедельной дороги с длительными остановками он не скучал, так как находил себе занятия: «...развязывал... чемодан, вынимал бельё, рассматривал его хорошенько, так ли вымыто, так ли сложено, снимал осторожно пушок с нового мундира, сшитого уже без погончиков, и снова всё это укладывал наилучшим образом. Книг он, вообще сказать, не любил читать».

В пути Иван Фёдорович знакомится с помещиком-крепостником Сторченко, который без всякой причины непрерывно ругает своего слугу с заплатанными локтями «подлецом», «мошенником», «рожей», сообщает о том, как помогла ему старуха «зашёптыванием» от заползшего в ухо таракана.

Особенно выразительна сцена, где показано, как камердинер укладывал барина спать. «Тут камердинер Григория Григорьевича стащил с него сюртук и сапоги, натянул вместо того халат, и Григорий Григорьевич повалился на постель, и, казалось, огромная перина легла на другую.

— Эй, хлопче! Куда же ты, подлец? Поди сюда, поправь мне одеяло! Эй, хлопче, подмости под голову сена! Да что, коней уже напоили? Ещё сена! Сюда, под этот бок! Да поправь, подлец, хорошенько одеяло! Вот так, ещё! Ох!»

Когда Иван Фёдорович приехал к Сторченко по делу о присвоенной им земле, тут разыгралась сцена. Гостеприимный хозяин угощал своего гостя обедом: «Да что же вы так мало взяли? Возьмите стёгнышко! Ты что разинул рот с блюдом? Проси! Становись, подлец, на колени! Говори сейчас: Иван Фёдорович, возьмите стёгнышко!» — «Иван Фёдорович, возьмите стёгнышко!» — проревел, став на колени, официант с блюдом».

Повесть осталась как бы незаконченной, и в предисловии к ней это объясняется тем, что жена рассказчика использовала половину рукописи для печенья пирогов. Повесть даёт ряд ярких реалистических зарисовок быта и нравов провинциального дворянства, показывает необычайно рельефно типичных его представителей.

В противоположность изображаемому Гоголем крестьянству и казачеству, у них нет сильных, бескорыстных чувств, нет подвига или хотя бы просто смелого поступка, нет яркой выдумки, нет поэзии.

И Гоголь снова возвращается к полнокровной народной жизни, к живому народному юмору в рассказе «Заколдованное место». В его основе лежит предание о том, как нечистая сила одурачила человека, сыграв с ним несколько весёлых шуток. Первая из них заключалась в том, что деду не удалось показать себя перед старыми приятелями-чумаками искусным танцором: в определённом месте ноги его не поднимались. Вторая заключалась в передразнивании его нечистым, принимавшим облик то птицы, то барана, то медведя. Третьей шуткой была подмена настоящего клада котлом со всяким мусором. В довершение всех неприятностей кладоискателя нечаянно облили горячими помоями.

Дед не оставался в долгу: осыпал сатану проклятиями и после всего, что произошло, потерял всякое доверие к чорту: «И не думайте! — говорил он. — Всё, что ни скажет враг господу Христа, всё солжёт собачий сын! У него правды и на копейку нет!»

Чтобы положить конец бесовским шуткам, дед «то проклятое место, где не вытанцовывалось, загородил плетнём, велел кидать всё, что ни есть непотребного, весь бурьян и сор, который выгребал из баштана». Эта весёлая демонология, населявшая загадочными существами весь мир, окружавший человека, была отголоском далёких верований, нашедших художественное воплощение в народном творчестве.

Романтизм «Вечеров на хуторе близ Диканьки», преобладающий в них как творческий метод, в противоположность реакционному дворянскому романтизму 30-х годов XIX в. в основе своей имеет изображение народной жизни с использованием фольклорных мотивов и носит жизнеутверждающий характер.

Особый национальный колорит придаёт повестям Гоголя тот тонкий скептицизм, который, за небольшим исключением («Страшная месть», по мышлению и патриархальному складу речи выдержанная в духе средневековья), неотделим от фантастики и так характерен для русского народа.

В «Миргороде» уже больше отведено места реалистическим произведениям, и носят они печать большей зрелости таланта молодого писателя. Но всё же подзаголовок: «Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки», не является случайным.

Тема помещичьего прозябания, «существования», наметившаяся ещё в повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка», продолжена и раскрыта с гораздо большей полнотой и глубиной в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Тема суровой, героической борьбы в далёком прошлом, выступающая в «Страшной мести», воплощена с большей историчностью и художественным совершенством в «Тарасе Буль-

бе». Наконец, «Вий» развивает тему борьбы человека со злыми силами и тему бесстрашия как обязательного условия победы.

Несомненно также преемственность стиля и в плане композиционных приёмов (двупланности изображения жизни: жизнь, как она есть, и жизнь, как она претворена в народных верованиях, в народной фантазии), и в воспроизведении патриархального мышления и языка, и в юморе, и в лиризме, и в тонкости авторских оценок изображаемых явлений.

«Я очень люблю скромную жизнь тех уединённых владельцев отдалённых деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими», — так начинает Гоголь свою повесть «Старосветские помещики».

Описывая низенький домик, небольшой зелёный двор, где бродят гуси и лениво лежит вол, Гоголь продолжает: «...всё это для меня имеет неизъяснимую прелесть; может быть, оттого, что я уже не вижу их и что нам мило всё то, с чем мы в разлуке».

Гоголь, в свои юношеские годы с таким отвращением и ужасом думавший о возможности всю жизнь прозябать в среде «сущестователей», теперь, когда навсегда освободился от этой жизни, окунулся в мир деятельности и борьбы, пишет о ней с мягкой иронией и «на минуту» даже любит вернуться в неё, может быть потому, что это связано с воспоминаниями его юности.

Двое милых старичков, Афанасий Иванович Товстогуб и Пульхерия Ивановна Товстогубиха, мирно прожили всю жизнь в своей небольшой усадьбе, окружённой полуразвалившимися крестьянскими избами. Их обслуживала многочисленная крепостная дворня. «Девичья была набита молодыми и немолдыми девушками», кроме того, были ещё кучера, лакеи, ключница. Приказчик и войт нагло воровали, но это не нарушало благополучия Товстогубов, как не нарушали его и многочисленные стаи мух, носившиеся по всему дому.

Содержание и радость жизни составляла еда. Хозяйство находилось в руках приказчика и войта. Афанасий Иванович им совсем не занимался, и всё бремя правления лежало на Пульхерии Ивановне. Однако и её деятельность сводилась к беспрестанному отпиранью и запиранью кладовой и к солению, сушению, варению.

Проявление умственной деятельности в жизни старосветских помещиков заключалось в беседах примерно такого рода:

«А что, Пульхерия Ивановна, — говорил Афанасий Иванович, — если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись?» — «Вот это боже сохрани!» — говорила Пульхерия Ивановна, крестясь. — «Ну, да положим, что дом наш сгорел, куда бы мы перешли тогда?» — «Бог знает, что вы говорите, Афанасий Иванович! Как можно, чтобы дом мог сгореть: бог

этого не попустит». — «Ну, а если бы сгорел?» — «Ну, тогда бы мы перешли в кухню. Вы бы заняли на время ту комнату, которую занимает ключница». — «А если бы и кухня сгорела?» — «Вот пусть бог сохранит от такого попущения, чтобы вдруг и дом и кухня сгорели! Ну, тогда в кладовую, покамест выстроился бы новый дом». — «А если бы и кладовая сгорела?» — и т. д.

О крайнем духовном убожестве героев повести свидетельствует и эпизод с появлением кошки, истолкованный как весть о близкой смерти, и многое другое.

Участие Товстогузов в общественной жизни заключалось в приёме гостей, их закармливании и рассказах о способах приготовления подаваемых блюд и настоек. И гости, и хозяева съедали так много, что, по предположению автора, от верной смерти этих обжор спасал только благодатный воздух Малороссии, помогающий пищеварению.

Никакие события не нарушали течения жизни Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. Таких людей связывает сила привычки. Спустя пять лет после смерти жены Афанасий Иванович плакал при виде её любимых блюд.

Придав прозябанию старосветских помещиков в какой-то мере идиллический характер, великий писатель, однако, ничем не оживил косность, ничем не смягчил низменный строй, ничем не украсил убожество этой жизни. Сквозь тонкий покров идиллии ясно выступает картина распада жизни помещиков. Поставленную Гоголем тему спустя пятнадцать лет разовьёт в «Сне Обломова» Гончаров.

Но и сам Гоголь придаёт характер резкой сатиры изображению узкой, бессодержательной жизни дворянства в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Эта «Повесть...» и послужила темой десятиго-з а н я т и я литературного кружка. Здесь были поставлены доклады:

1. Характеристика города Миргорода в целом.
2. Образ «существователя».
3. Образ лицемера.

Ниже приводится примерное содержание инструктивной беседы, дающей докладчикам известные установки для работы над художественным текстом в плане поставленной темы.

«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» написана в тоне комического восхищения своими героями, но уже начало её вводит в круг бедной, бессобытийной жизни. На фоне этого застоя такой факт, как съедение дыни, отмечается Иваном Ивановичем особой записью.

Поездка Агафьи Федосеевны (женщины, замечательной тем, что она откусила городничему ухо) в Киев является началом новой эры, от которой в Миргороде ведётся счёт времени.

Характерно также, что в официальном документе граница между соседними владениями определяется прямой линией от амбара до того места, где бабы моют горшки.

В усадьбе Ивана Ивановича такой же густой сад, такой же старый дом, крытый очеретом, как и у старосветских помещиков. Иван Иванович после обеда в одной рубашке лежит под навесом, а вечером идёт «или к городовому магазину, куда он поставляет муку, или в поле ловить перепелов. Иван Никифорович лежит весь день на крыльце». Таков образ жизни наиболее уважаемых в Миргороде людей, составлявших «честь и украшение Миргорода», таков и весь Миргород. «Чудный город Миргород! ... Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! ... Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте её».

Город ленив и тупо равнодушен ко всему, кроме еды. Деревянная крыша здания суда не окрашена краской, потому что «приготовленное для этого масло канцелярские, приправивши луком..., съели, что было, как нарочно, во время поста, и крыша осталась некрашенной».

Судья сидит в суде в замасленном халате, на сундуке с судебными делами стоит сапог, чищенный ваксой, на столе черепок разбитой бутылки, заменяющий чернильницу. Секретарь читает решение суда, а судья, который должен был его слушать, разговаривает с подсудком о том, как хорошо поют дрозды. «Прикажите, Демьян Демьянович, читать другое?» — прервал секретарь, недавно окончивший чтение. — «А вы уже прочитали? Представьте, как скоро! Я и не услышал ничего! Да где ж оно? Дайте его сюда, я подпишу. Что там ещё у вас?» — «Дело козака Бокитка о краденой корове». — «Хорошо, читайте!» И судья снова заговорил, теперь уже о своей поездке к приятелю, связанной с дроздами.

«Когда судья вышел из присутствия в сопровождении подсудка и секретаря, а канцелярские укладывали в мешок нанесённых просителями кур, яиц, краях хлеба, пирогов, кнышей и прочего дрязгу, в это время бурая свинья вбежала в комнату и схватила... прошение Ивана Никифоровича, которое лежало на конце стола, перевесившись листами вниз...»

Автор ничем не смягчает безотрадную картину жизни дворянско-чиновничьего города 30-х годов XIX в., и его патриархальный быт и нравы вызывают у читателя резко отрицательное чувство.

Наиболее уважаемыми представителями этого города были Иван Никифорович Довгочух и Иван Иванович Перерепенко, домовладельцы-дворяне, соседи. Это были «существователи», жившие почти исключительно растительной жизнью.

Иван Никифорович очень мало двигался и целыми днями лежал. Если к нему (до ссоры) заходил Иван Иванович, он, продолжая лежать, ограничивался только короткими незамысловатыми репликами. Его приход в суд вызвал общее изумление. Когда Антон Прокофьевич Голопузь пришёл по поручению наиболее уважаемых горожан приглашать его в гости к городничему, Иван Никифорович повернул голову только при упоминании о приготовленных там вкусных блюдах. Гоголь изображает его, как человека, лишённого умственной жизни.

Более сложен образ Ивана Ивановича. Чем больше автор выражает своё восхищение его достоинствами, тем более отрицательные свойства он раскрывает в нём. Гоголь иронически говорит о его красноречии, доброте, высокой нравственности, а затем показывает его пустословие, бездушие, лицемерие, жадность, которая, кстати сказать, и привела его к ссоре с Иваном Никифоровичем. В доме Ивана Ивановича живёт девочка Гапка, дети которой бегают по двору и называют его «тятей». Он не употребляет грубых слов, но это не мешает ему написать о своём бывшем приятеле грубо клеветническое заявление в суд. Особенно ярко лицемерие и бездушие выступает в его разговорах с нищими.

Как дружба от нечего делать, так и нелепая ссора Довгохуна и Перерепенко, волновавшая весь город, являются характерными для обитателей и всей жизни Миргорода, лишённой живой мысли, живого дела. Общую картину нравов дополняет Антон Прокофьевич Голопузь, дворянин, ничего не имевший, кроме сафьянового с золотом кисета, который он выменял за свою последнюю крепостную девку. Он ночует в разных домах, и хозяева развлекаются тем, что щёлкают его по носу, кладут на голову зажжённую бумагу и т. п.

Свою безотрадную повесть Гоголь заключает описанием тоскливого осеннего дня с его непрерывным дождём, серой массой грязи, мокрой рогожей на ящике, мокрыми галками, слезливым небом.

И у автора недольно вырывается тоскливое восклицание: «Скучно на этом свете, господа!»

Таким образом, уже в первый период своего творчества Гоголь изображает дворянство, как царство «небокоптителей», «мёртвых душ». Особую остроту сатире Гоголя придаёт своеобразие его стиля. Рассказ ведётся от имени рассказчика, сохраняющего мышление и язык действующих лиц повести и наивно ими восхищающегося. Читатель только постепенно начинает постигать тонкую иронию автора, и это придаёт исключительную силу выразительности и обаяния художественному замыслу писателя.

В «Миргороде», как и в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», убожеству жизни помещного дворянства противопоставит богатство народной фантазии, народного творчества.

«Вий, — пишет Гоголь в примечании, — есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чём изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал».

Сумрачная фантастика здесь так же, как и в «Вечере накануне Ивана Купала», заключена в реалистическую рамку. Начинается повесть с описания бурсаков. Вот перед нами проходят грубые, невежественные, неряшливые, всегда голодные бурсаки. По звуку семинарского колокола они беспорядочными толпами идут в низенькие, с небольшими окнами, с запачканными дверями классы. Старшие ученики (авдиторы) проверяют знания остальных, весьма выразительно при этом поглядывая на карманы своих подчинённых, откуда выглядывает или булка, или вареник, или семена тыквы. До прихода учителей затеваются бои, которые заканчиваются обычно тем, что богословы, как самые старшие, побивают всех. Пришедший «профессор» бьёт своих учеников розгами по пальцам. На праздниках бурсаки отправляются с «вертепами» (кукольными театрами) по домам, где получают в награду всякого рода продукты. А в обычные дни старшие посылают младших опустошать чужие огороды и обедаются принесёнными продуктами.

Бурсаки любят выпить, украсть, подражаться и очень мало занимаются науками. Богослов Халява (по-украински — голенище) тащит всё, что попадает под руку, если это даже старая подошва от сапога.

В качестве вступления к своей фантастической повести «Вий» Гоголь рисует картину бурсацких нравов и быта, предварив тем самым «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского.

Сюжет повести составляет борьба одного из бурсаков, Хомы Брута, с ведьмой и поддерживающим её бесовским миром. Первоначально подчинившись её воле, он затем одолевает её и избивает до смерти. Умирая, ведьма, чтобы отомстить своему врагу, завещает отцу заставить Хому Брута читать над ней молитвы в течение трёх дней после её смерти. По ночам, в пустой церкви, где стоит гроб панночки-ведьмы и Хома читает молитвы, творятся такие страшные дела, что бурсак на вторую ночь от страха поседел. На третью ночь против человека, устоявшего перед всеми ужасами, был вызван страшный Вий; железным пальцем указал он на Хому нечистой силой. «И все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный грянул он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха».

Характерно заключение повести. Товарищи Хомы, Халява и Горобець, поминают его в шинке, и Горобець так объясняет причину гибели Хомы: «А я знаю, почему пропал он: от того, что побоялся». Это простое объяснение было уже несколько

подготовлено изображением душевного состояния Хомя, начиная с момента вызова его ректором семинарии, когда его охватило «тёмное предчувствие» чего-то «недоброго», и до самой смерти, последовавшей от страха. Здесь поражает глубина психологического анализа, но в данном случае важно другое — мысль о том, что если бы этот простой одинокий человек не поддавался страху, все адские силы не могли бы одолеть его. Таков взгляд мужественного народа, у которого писатель, по его собственному признанию, заимствовал это предание и, не желая ничего изменять в нём, постарался рассказать «почти с такой же простотой, как слышал».

Вера в народ, любовь к нему во всей полноте и силе сказались в «Тарасе Бульбе».

Повесть «Тарас Бульба» включена в программу семилетки. Но учащимся VIII класса хотелось ещё раз вернуться к любимому произведению. Они подготовили три доклада, которым было посвящено одиннадцатое занятие литературного кружка:

1. Демократический строй Запорожской Сечи как основное условие её непобедимости.

2. Патриотизм и героизм казачества.

3. Тарас Бульба как народный герой.

После того как доклады были прослушаны и обсуждены учащимися в кружке, им было предложено несколько обобщающих вопросов.

1. Почему Русь смогла отстоять в ожесточённой борьбе с врагами свою национальную независимость?

2. Почему внутренний строй Сечи можно назвать демократическим?

3. Как сочетались в ней демократический строй с воинской дисциплиной?

4. Во имя чего совершает Тарас свои подвиги?

5. Чем они отличались от воинских потех западноевропейских рыцарей-феодалов?

6. Какие мысли и чувства вызывает чтение повести «Тарас Бульба»?

Двенадцатое занятие кружка посвящается литературной конференции, на которую были приглашены все учащиеся восьмых классов и желающие из девятых и десятых. Собрание, как обычно, вёл председатель кружка. Были прочитаны лучшие доклады, сопровождавшиеся чтением наизусть отрывков из «Вечеров на хуторе...» и «Миргорода».

Список докладов был вывешен заранее, чтобы участники конференции могли подготовиться к прениям.

На протяжении всей работы кружка вёлся литературный журнал, в котором помещались иллюстрированные доклады кружковцев и их критические заметки.

Литературные вечера всегда поднимают интерес учащихся к литературе, способствуют развитию навыков выразительного чтения, углубляют понимание художественных произведений. Поэтому изучение в кружке той или иной литературной темы чрезвычайно полезно заключать литературным вечером, являющимся своего рода общественным отчётом.

Приступая непосредственно к изучению темы Гоголя в порядке классных занятий и освещая жизненный и творческий путь писателя, мы уже имели для этого некоторую основу. Особенно важна была вся предшествующая работа в плане внеклассного чтения и кружковых занятий для построения обзорной лекции-беседы, посвящённой первому периоду творчества писателя—«Вечерам на хуторе близ Диканьки» и «Миргороду».

Лекция эта была спланирована в двойном разрезе: изложения материала преподавателем и его попутных вопросов к учащимся.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» (о б з о р)

План изложения материала преподавателем.

1. Время написания. Успех.
2. Повести, входящие в первую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки».
3. Красочные описания природы.
4. Отражение в повести тяжести крестьянской жизни.
5. Место народного творчества в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».
6. Черты романтизма и реализма в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».
7. Характер изображения крестьянства и дворянства в «Вечерах».

Попутные вопросы к учащимся.

Как отзывался о повестях Гоголя Пушкин?
Жизнь какого класса в них изображена?

Как это показано в «Вечере накануне Ивана Купала»?

Как это показано в «Майской ночи»?

Какое поверье лежит в основе повести «Вечер накануне Ивана Купала»?

Какой взгляд народа на преступную основу богатства выразился в этой повести?

Какие народные поверья отразились в «Майской ночи» и в «Ночи перед рождеством»?

Укажите черты романтизма в «Майской ночи», «Страшной мести» и др.

Каковы черты реализма в «Майской ночи»?

Какие черты характера и поведения Шпоньки вы могли бы указать? Кто такой Сторченко?

«Миргород» как продолжение «Вечеров на хуторе близ Диканьки»
(о б з о р)

1. Содержание и художественные особенности, сближающие «Миргород» и «Вечера на хуторе близ Диканьки». Особо охарактеризовать юмор повести Гоголя.
2. Усиление сатирического элемента в «Миргороде».
3. «Тарас Бульба» как выражение веры Гоголя в народ.
4. Патриотизм великого русского писателя, выразившийся как в его скорбной сатире, так и в его героических повестях.

В чём заключается юмор «Сорочинской ярмарки»?

Отметьте элементы сатиры в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» («Предисловие», «Майская ночь», «Иван Фёдорович Шпонька», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

Так внеклассная работа над ранними повестями Гоголя подводит учащихся к пониманию величайшего творения Гоголя «Мёртвые души» и значения его творчества в целом.

Л. СЛУЧЕВСКАЯ

РАБОТА ГОГОЛЯ НАД „МЁРТВЫМИ ДУШАМИ“

Как известно, Гоголь «не прекращал работу до тех пор, пока ему не казалось, что произведению дана, как он выражался, последняя гармоническая отделка, при этом сам же он пояснял цель этой «отделки» — чтобы «выступила наружу глубина содержания»¹. Проследить на ряде отдельных примеров эту «отделку» поэмы «Мёртвые души», т. е., иными словами, проследить процесс воплощения идейного замысла автора — цель настоящей статьи.

* * *

Анализ работы Гоголя над «Мёртвыми душами» целесообразно начать с тех лирических отступлений поэмы, в которых Гоголь даёт своего рода манифест критического реализма, тем самым активно включаясь в идейно-литературную борьбу своего времени. С величайшим пафосом защищает Гоголь право писателя на изображение отрицательных явлений повседневной действительности. Сравнивая судьбу двух писателей — суровую судьбу писателя-реалиста и благоденствие парящего над землёй мечтателя-романтика, Гоголь пишет в лирическом отступлении седьмой главы:

«Но не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу всё, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша

¹ «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. 1, стр. 184.

земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неутомимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи! ...Ему не избежать, наконец, от современного суда, лицемерно-бесчувственного современного суда, который назовёт ничтожными и низкими им лелеянные создания... отнимет от него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта» (гл. VII, стр. 134)¹.

Стремясь подчеркнуть, что изображение повседневности не препятствует писателю-реалисту быть великим, Гоголь в окончательный текст поэмы вводит строки, отсутствовавшие в первоначальном тексте, которые характеризуют высокий уровень такого писателя: «...много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести её в перл создания...» (гл. VII, стр. 134).

В том же лирическом отступлении седьмой главы Гоголь не только декларирует критическое, обличительное направление новой литературы, но и характеризует то неповторимо своеобразное, что отличает его творчество в ряду других писателей-реалистов. В первую очередь Гоголь работает над определением характера своего смеха. В черновике стояло: «...есть [глубокая]² разница между высокой поэзией смеха и паясничеством балаганного кривляки» (вторая ред. VII гл., стр. 441). Стремясь уточнить значение слов «высокая поэзия смеха», Гоголь в окончательном тексте заменяет это выражение другим: «высокий восторженный смех» и ставит этот смех в один ряд с «высоким лирическим движением», «...ибо не признаёт современный суд, что высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движением и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скомороха!» (гл. VII, стр. 134).

Разоблачая и высмеивая уродливость самодержавно-крепостнического строя николаевской России, Гоголь ни на минуту не забывает прекрасного образа своей родины. Созерцание образа родины вызывает у Гоголя восторг, «высокое лирическое движение», и наряду с этим — негодование, беспощадный, разоблачающий «восторженный смех» над всем тёмным и безобразным, что искажает черты этого прекрасного образа.

То, что этот «высокий восторженный смех» писатель-патриот берёт на вооружение для борьбы с социальным злом, было хорошо понято передовыми современниками Гоголя. Герцен увидел в смехе Гоголя «громадную силу возрождения», а Белинский считал, что гоголевский комизм «выше того, что

¹ Все ссылки на текст поэмы даются по полному собранию сочинений Н. В. Гоголя, изд. Академии наук СССР, т. VI, 1951.

² В квадратных скобках даются слова, зачёркнутые в черновой рукописи самим автором.

мы привыкли называть комизмом», и что Гоголь для того показывает жизнь «такою, как она есть, чтобы навести нас на ясное созерцание жизни так, как она должна быть».

Своим суждением о «высоком восторженном смехе» Гоголь окончательно снимает «иерархическое» неравенство между комическим и лирическим, завещанное XVIII веком, когда «восторг» считался неотъемлемой принадлежностью лишь «высокой» поэзии, оды.

Углубляя и развёртывая характеристику своего смеха, Гоголь вводит в окончательный текст первоначально отсутствовавшие строки, в которых на этот раз смех соединяется уже не с восторгом, а со слезами, с великой скорбью писателя-гражданина: «И долго ещё определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать её сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слёзы!» (гл. VII, стр. 134).

Первым, кто понял и отметил эту особенность гоголевского смеха, был, как известно, Пушкин. В своей статье о повести «Старосветские помещики» он писал: «Шутливая трогательная идиллия, которая заставляет вас смеяться сквозь слёзы (разрядка моя. — Л. С.) грусти и умиления» («Современник», 1836, т. II¹).

Сравнение чернового и окончательного текстов заключительных строк лирического отступления седьмой главы помогает нам ещё яснее представить себе образ писателя-сатирика, смех которого так неразрывно связан со слезами, «незримыми, неведомыми» миру.

Черновой текст

Окончательный текст

В дорогу! в дорогу! В сторону
грустные элегии! Прочь с
лица надвинувшаяся морщина и
что-то похожее на слезу!
Окунёмся разом в свет и жизнь
и посмотрим, что делает Чичиков
(вторая ред., стр. 442).

В дорогу! в дорогу! прочь набе-
жавшая на чело морщина и стро-
гий сумрак лица! Разом и
вдруг окунёмся в жизнь, со
всей её беззвучной трес-
котнёй и бубенчиками, и
посмотрим, что делает Чичиков
(гл. VII, стр. 135).

В окончательном тексте, как мы видим, автор вычёркивает «В сторону грустные элегии!», а неудачное выражение «что-то похожее на слезу» заменяет словами «строгий сумрак лица».

¹ Не исключена возможность, что эти слова Пушкина встали в памяти Гоголя, когда он вписывал в окончательный текст приведённые выше строки. Вспомним, как говорил Гоголь: «Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеётся, чему изречёт неразрушимое и вечное одобрение своё» (письмо к П. А. Плетнёву от 16 марта 1837 г.).

Слёзы писателя-патриота не имеют ничего общего с элегической слезливостью; перед нами отчётливо возникает строгий и суровый образ писателя, «дерзнувшего вызвать наружу... всю страшную потрясающую тину мелочей, опутавших... жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров».

Чрезвычайно выразительна работа Гоголя над лирическим отступлением второй главы, в котором он, описывая процесс работы писателя-реалиста, излагает одно из основных положений своей реалистической эстетики. Сопоставим черновой и окончательный тексты этого лирического отступления, в котором Гоголь говорит о трудности создания реалистического портрета по сравнению с портретом условно романтическим.

Черновой текст

Окончательный текст

Гораздо легче изображать характеры большого размера. Там просто ляпай кистью со всей руки. Огненные глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, закинутый на плеча чёрный или огненный плащ — и портрет готов; но вот эти все господа, которых много на свете, которые с виду очень похожи между собою, а между тем, как приглядишься, увидишь много самых [то] неуловимых особенностей... О, это пытка для автора. Он должен над ними долго продумать, прежде чем примется за кисть (*первая сохр. ред., гл. II, стр. 254—255*).

Гораздо легче изображать характеры большого размера: там просто бросай краски со всей руки на полотно, чёрные палящие глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, перекинутый через плечо чёрный или алый, как огонь, плащ, — и портрет готов; но вот эти все господа, которых много на свете, которые с вида очень похожи между собою, а между тем, как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей, — эти господа страшно трудны для портретов. Тут придётся сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собой выступить все тонкие, почти невидимые черты, и вообще далеко придётся углублять уже изощрённый в науке выпытывания взгляд (*гл. II, стр. 23—24*).

Как мы видим, вместо вялых, мало говорящих и даже штампованных выражений («О, это пытка», «примется за кисть») Гоголь в окончательном тексте блестяще определяет процесс творчества писателя-реалиста: «Тут придётся сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собой выступить все тонкие, почти невидимые черты и вообще далеко придётся углублять уже изощрённый в науке выпытывания взгляд» (*гл. II, стр. 24*). По точности и тонкости анализа воспроизводимой действительности, по «совершенной истине» Гоголь образно уподобляет здесь творчество писателя-реалиста исследовательской работе учёного. Эта глубина анализа подчёркивается также включением в окончательный текст

лирического отступления последней, одиннадцатой главы следующих слов: «...мудр тот, кто не гнушается никаким характером, но, вперя в него испытующий взгляд, извевает его до первоначальных причин» (гл. XI, стр. 242).

Этими словами Гоголь один из первых с такой точностью определил познавательную роль искусства. Вспомним, что в познавательном отношении Гоголь ставил, например, образы народных песен даже выше летописных свидетельств. В одном из писем читаем: «Моя радость, жизнь моя! песни! Как я вас люблю! Что все чёрствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!.. Вы не можете представить, как мне помогают в истории песни... Они все дают по новой черте в мою историю...»¹

Считая, что писатель-реалист может и должен в создаваемых им образах восходить до «первоначальных причин», Гоголь тем самым противопоставляет реалистическое искусство не только оторванным от жизни, вымышленным, условно-романтическим образам, но и безидейному копированию действительности. Уместно вспомнить здесь следующие его слова: «Я никогда не писал портрета в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие соображения, а не воображения. Чем более вещей принимал я в соображение, тем у меня вернее выходило создание»².

Для того чтобы ярче подчеркнуть прогрессивное значение нового направления в литературе, Гоголь в своей поэме заставляет звучать протестующие голоса враждебного, реакционного лагеря в лице «дам»—читательниц романов о добродетели и читателей—«так называемых патриотов». Олицетворением николаевской действительности, разоблачение которой Гоголь считал своим долгом писателя, был образ «подлеца». Под именем Павла Ивановича Чичикова «подлец» и стал главным героем поэмы «Мёртвые души». Но такой герой ни в коем случае не мог быть приемлем для читательниц-дам. В лирическом отступлении одиннадцатой главы читаем: «...дамы требуют, чтоб герой был решительное совершенство...»; «...весьма многие дамы, отворотившись, скажут: «Фи, такой гадкой!» Увы! всё это известно автору, и при всём том он не может взять в герои добродетельного человека» (гл. XI, стр. 223). Значение этого авторского рассуждения глубже раскрывается, если мы обратимся к черновикам. Непосредственно за приведённым текстом в черновой рукописи следовали строки, выпущенные автором из окончательной редакции поэмы: «До сих пор как-то автору ещё ничего не случилось произвести по внушению дамскому и даже он чувствовал какую-то странную робость и смущение, когда дама облокотится на письменное бюро его. Теперь,

¹ Гоголь в это время работал над историей Украины.

² «Гоголь о литературе», ГИХЛ, 1952, стр. 234.

«конечно, всё прошло, даже и смущения не чувствует он. Воспитанный уединением, суровой, внутренней жизнью, не имеет он обычая смотреть по сторонам, когда пишет, и только разве невольно сами собою останавливаются изредка глаза только на висящие перед ним на стене портреты Шекспира, Ариоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразивших природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было кому-нибудь, чтобы она была» (гл. XI, стр. 552—553). В лице «дам» выступает читатель старых «добродетельных» романов, всячески украшавших жизнь, читатель, для которого были неприемлемы гениальные образы великих реалистов, «отразивших природу таковою, как она была, а не таковою, как угодно было кому-нибудь, чтобы она была».

Читателям — «так называемым патриотам», которые не желают видеть в литературе изображение «горькой правды», Гоголь даёт уничтожающую характеристику в лирическом отступлении одиннадцатой главы. В черновом тексте ещё не было социальной характеристики этих «так называемых патриотов». В окончательный текст Гоголь вводит строки, точно определяющие их социальную природу; это те же «хозяева, приобретатели», которые, как мы читаем, «спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накопляют себе капиталы, устраивая судьбу свою на счёт других» (гл. XI, стр. 243). И далее, в окончательный текст той же главы Гоголь вводит ещё новые строки, характеризующие этих читателей, как «горячих патриотов», «до времени покойно занимающихся какой-нибудь философией или прращениями на счёт сумм нежно любимого ими отечества, думающих не о том, чтобы не делать дурного, а о том, чтобы только не говорили, что они делают дурное» (гл. XI, стр. 245).

Для полноты характеристики новой литературы, данной Гоголем в поэме, необходимо ещё остановиться на лирическом отступлении восьмой главы, выпущенном писателем из окончательного текста. В этом отступлении намечается образ демократического, нечиновного читателя, которого Гоголь противопоставляет знатному, чиновному читателю «древних фамилий». К этому новому читателю писатель обращается «без чинов», с дружеским «ты»: «Кому не говорю дружеского ты тот не подходи ко мне! По этому самому читающий меня не чинов», с дружеским «ты»: «Кому не говорю дружеского ты, Первый приятель автора есть его читатель. Словом вы называют всех [подлецов]¹, отправляют ли они должность низких доносчиков, или уже выбрались в люди и начинают даже производить [подлый] род свой от древних фамилий, — их всех

¹ Слова, стоящие в скобках, зачёркнуты в черновой рукописи самим автором.

называют *вы*. Но если рассмотреть это *вы* в микроскоп, то можно видеть, что это *вы* есть не что другое, как чистая оплеуха. Итак, будь лучше *ты*, нежели *вы*, весёлый и прямодушный читатель мой. Я с тобой совершенно без чинов...» (гл. VIII, стр. 331).

Тема нового читателя, читателя Гоголя, была органически связана с автохарактеристикой, данной в том же лирическом отступлении. Эта автохарактеристика завершает собой образ глубоко прогрессивного, свободолюбивого писателя, всем своим существом и всем своим творчеством протестующего против феодально-бюрократического уклада николаевской России: «... как унесло меня море из нашей просторной империи, всё благоговение, которое питалось в душе к разным правителям канцелярий и многим другим достойным людям, испарилось совершенно. Теперь и кланяться не умею. [Я состарился,] Нет той гибкости в костях, которую сохраняют в своём хребте до глубокой старости многие дельные и деловые люди. Я упрям, не хочу видеть тех физиогномий, которые мне не нравятся» (гл. VIII, стр. 330—331). По ходу работы Гоголь тут же вычёркивает выражение «я состарился», так как оно могло бы исказить основную мысль этого отрывка. Ведь в начале приведённого текста ясно говорится, что автор разучился кланяться и потерял гибкость в костях не от старости, а оттого, что оказался за пределами николаевской «просторной империи» с её раболепием и низкопоклонством.

Весь текст этого лирического отступления восьмой главы, содержащий образы нового, демократического писателя и его незнатного, нечиновного читателя, «весёлого и прямодушного», был явно неприемлем для царской цензуры, и Гоголь сам исключает его из поэмы¹.

Итак, как мы видели, Гоголь в процессе работы над поэмой с исключительной тщательностью искал ясной и чёткой характеристики писателя-реалиста и определения своеобразия его творчества.

Найденные им формулировки явились драгоценным вкладом в разработку основ реалистической эстетики.

* * *

Анализ работы Гоголя над отдельными образами поэмы начнём с главного действующего лица, коллежского советника Павла Ивановича Чичикова.

В одном из черновых текстов Чичиков имел более значи-

¹ Насколько приведённая характеристика лирического героя поэмы является глубоко автобиографичной, свидетельствуют строки из письма Гоголя к М. П. Погодину от 30 марта 1837 г.: «Ты приглашаешь меня ехать к вам... Для чего я приеду? Не видел я разве дорогого сборища наших просвещённых невежд? Или я не знаю, что такое советники, начиная от титулярных до действительных тайных?..»

тельный чин — надворного советника. Но Гоголю пришлось снизить своего героя в чине, так как по цензурным соображениям чин надворного советника был несовместим с подлостью, которую автор взял в качестве основной черты характера Чичикова («Припряжём подлеца», — восклицает Гоголь, заканчивая лирическое отступление одиннадцатой главы).

Настойчивое повторение в поэме слова «подлец» как бы выявляет то основное, что ужасало и потрясало Гоголя в окружавшей его николаевской действительности и что стало главным предметом его разоблачения. Наименование «подлеца» получает не только Чичиков, но и Собакевич (гл. V, стр. 104); и даже Манилов в одной из черновых рукописей был назван «подлецом» (гл. XI, стр. 551).

Какова же сфера деятельности «подлеца» Чичикова, какова его социальная природа? Выясняя происхождение характера Чичикова, Гоголь сам осуществляет то требование, с которым он обращается к писателю-реалисту: изведать характер «до первоначальных причин» (гл. XI, стр. 242). В черновой рукописи Гоголь определяет Чичикова словом «проектёр» (гл. XI, стр. 668). В окончательном тексте это определение, недостаточно ясное в социальном отношении, заменяется точной и яркой характеристикой, подчёркивающей собственническую природу главного героя поэмы: «хозяин, приобретатель» (гл. XI, стр. 241). И тут же Гоголь добавляет строки, в которых ещё более уточняется данная характеристика: «Приобретение—вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет даёт название *не очень чистых*» (гл. XI, стр. 242).

Стремясь возможно глубже раскрыть характер Чичикова, Гоголь подробно излагает в поэме его биографию. В начале работы над поэмой детству Чичикова уделялось очень мало места. В тексте только говорилось, что «никаких... подробностей детства не осталось в его воспоминании» (вторая ред., стр. 554). В нескольких строках была дана лишь характеристика отца Чичикова. В окончательный текст Гоголь вводит замечательное по своей социальной значимости наставление отца сыну, покидающему родительский дом. Главная мысль этого наставления нашла своё выражение в словах: «больше всего береги и копеечку: эта вещь надёжнее всего на свете... Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копейкой» (гл. XI, стр. 225). И, как мы читаем дальше, «слова и наставления заронились глубоко ему в душу». Гоголю важно было показать, что страсть к приобретению — социальное зло, а не только личный порок Чичикова. И в процессе работы над биографией героя автор вновь подкрепляет эту мысль следующими его словами: «Кто ж зевает теперь на должности?—все приобретают» (гл. XI, стр. 238). В другом месте Гоголь вкладывает в уста Чичикова, пойманного в крупном мошенничестве,

ранее отсутствовавший воровской афоризм. С цинической откровенностью герой утешает себя: «Ну, что ж!» — сказал Чичиков: «зацепил — поволок, сорвалось — не спрашивай». И приравнивая свои преступные авантюры к делу, заканчивает: «Плaçем горю не пособить, ну жно дело делать» (гл. XI, стр. 233).

Чичиков одержим жаждой приобретательства. Во второй части «Мёртвых душ», в беседе с «образцовым» помещиком Костанжогло, он даже даёт «высокое» обоснование своему стремлению разбогатеть: «Если бы, положим, сделавшись помещиком, возымел я мысль в непродолжительное [время] разбогатеть так, чтобы тем, так сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то каким образом, как поступить?» (т. VII, стр. 70). Высказав свои соображения по этому поводу, Костанжогло уверяет Чичикова: «Непременно разбогатеете... К вам потекут реки, реки золота» (т. VII, стр. 76). Непосредственно за этими словами в черновой редакции стояло: «Как очарованный, сидел Павел Иванович, и в золотой области возрастающих грёз и мечтаний закружились его мысли» (т. VII, стр. 207). В окончательном тексте Гоголь ещё больше подчёркивает эти мечты «приобретателя», настойчиво повторяя слова «золото», «золотой»: «...в золотой области грёз и мечтаний кружились его мысли. По золотому ковру грядущих прибытков золотые узоры вышивало разыгравшееся воображение, и в ушах его отдавались слова: «реки, реки потекут з[олота]» (т. VII, стр. 76).

Для такого авантюриста-приобретателя, как Чичиков, все средства хороши в достижении его единственной цели — обогащения; он спекулирует даже на народных бедствиях, эпидемиях, голоде. «Да накупи я всех этих, которые вымерли, пока ещё не подавали новых ревизских сказок, приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уж двести тысяч капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало» (гл. XI, стр. 240).

Проанализируем работу Гоголя над заключительными строками этого «рассуждения» Чичикова, сравнив черновой и окончательный тексты.

Черновой текст

Окончательный текст

А вот теперь время самое удобное. Недавно была война. В болезнях эпидемических недостатку не было, народу вымерло не мало (сохран. разрозн. черн. отрывки к гл. XI, стр. 652).

А теперь же время удобное: недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало (гл. XI, стр. 240).

Как мы видим, в окончательный текст автор включает циничную благодарность Чичикова богу за народные бедствия, сулящие ему крупную наживу («Народу вымерло, слава богу, не мало»)¹.

Заметим, что в черновой рукописи указывалось, что Чичиков спекулирует не просто на эпидемиях, а на бедствиях родины, связанных с войной («Недавно была война»). В данном случае в окончательном тексте напоминание о войне было автором снято. Но мы видим, что в других местах поэмы Гоголь показывает преступную авантюру главного действующего лица, всю галерею мёртвых душ и бедственное положение народа именно на фоне недавних героических событий — Отечественной войны. Свои мошеннические сделки Чичиков совершает перед портретами Кутузова и Багратиона. В комнате Коробочки, среди картин с какими-то птицами, висел портрет Кутузова (гл. III, стр. 47), а при сделке Чичикова с Собакевичем «Багратион... глядел со стены чрезвычайно внимательно на эту покупку» (гл. V, стр. 105).

В десятой главе автор прямо указывает на время действия поэмы: «...всё это происходило вскоре (в черновике, стр. 532: «не так давно») после достославного изгнания французов» (гл. X, стр. 206)².

Подчёркивая циничный эгоизм и бессердечие Чичикова, Гоголь относит своего героя именно к тем «холодным, повседневным, раздробленным» характерам, которые по преимуществу отображает в своём произведении писатель нового направления критического реализма. В процессе работы над определением характера Чичикова Гоголь заменяет черновой текст: «Но герой наш уже был средних лет и особенного характера» (гл. V, стр. 398) — следующим окончательным текстом: «Но герой наш уже был средних лет и осмотрительно-охлаждённого характера» (гл. V, стр. 92—93).

Для понимания образа Чичикова много даёт анализ работы Гоголя над его речью. Этот, по определению Герцена, «ограниченный плут» был тем не менее весьма ловок и сообразителен в осуществлении своих «не совсем чистых» прожектов, что

¹ Живейшая реакция хищника, предвкушающего добычу, показана в тексте, введённом в пятую главу. Из разговора с Собакевичем Чичиков узнаёт, что помещик (Плюшкин), переморивший всех своих крестьян голодом, живёт всего в пяти верстах. «В пяти верстах!» воскликнул Чичиков и даже почувствовал небольшое сердечное биение» (гл. V, стр. 99). В первоначальном тексте выделенных нами слов не было (т. VI, стр. 408.)

² Фантастическое предположение чиновников города N о том, что Чичиков — это переодетый Наполеон, выпущенный англичанами с острова Елены, также позволяет заключить, что действие поэмы происходит до 1821 г., т. е. до года смерти Наполеона.

особенно сказывалось в его умении обращаться с людьми. Он знал, как и о чём говорить с каждым собеседником. Сличение черновых рукописей с окончательным текстом показывает нам тщательную работу Гоголя над языком Чичикова в этом направлении. Приведём ряд примеров.

В беседе с недалёковидным, ограниченным помещиком Маниловым Чичиков, предлагая ему мошенническую сделку, огорошивает своего восхищённого его образованностью и любезностью собеседника высокопарной тирадой: «Обязанность для меня дело священное, закон — я немею пред. законом» (гл. II, стр. 35). Тем не менее Манилов высказывает сомнения в законности такой «негоции». Сравним черновой и окончательный тексты.

Черновой текст

Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб ещё более, так сказать выразиться, негоция, так не будет ли эта, так сказать, негоция, не соответствующую гражданским постановлениям России?.. «Нет, не будет», отвечал на это довольно просто Чичиков... (первая сохр. ред. гл. II, стр. 265).

Окончательный текст

Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб ещё более, так сказать, выразиться, негоция, так не будет ли эта негоция не соответствующую гражданским постановлениям и дальнейшим видам России... Но Чичиков сказал просто, что подобное предприятие, или негоция, никак не будет не соответствующую гражданским постановлениям и дальнейшим видам России (гл. II, стр. 35—36).

Как мы видим, в черновике Чичиков на сомнение Манилова просто отвечает: «Нет, не будет». В окончательном тексте ответ Чичикова, правда, приведённый автором в косвенной речи, звучит, как эхо: он дословно повторяет вопрос Манилова («подобное предприятие, или негоция, никак не будет не соответствующую гражданским постановлениям и дальнейшим видам России»). Интересно отметить, что в первоначальном тексте в уста Манилова ещё не были вложены автором слова, выражающие его заинтересованность в будущем России («Не будет ли эта негоция не соответствующую... дальнейшим видам России»). В окончательном тексте Гоголь с глубочайшей иронией заставляет бесплодного мечтателя и фантазёра Манилова и авантюриста «подлеца» Чичикова тревожиться о будущем России.

И ещё один подобный пример работы Гоголя над речью Чичикова. Прекрасно разобравшись в характере «сахара-Манилова» (так назван Манилов в одной из черновых рукописей), в его слащавой сентиментальности и крайней ограниченности, Чичиков ловко приспособливается к своему собеседнику. «По-

буждённый признательностью» к Манилову, безвозмездно уступившему ему мёртвые души, Чичиков произносит чувствительный монолог: «Если б вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дрянью человеку без племени и роду! Да и действительно, чего не потерпел я? как барка какая-нибудь среди свирепых волн...» (гл. II, стр. 36—37). Чувствительное, сентиментально-романтическое сравнение с баркой появляется лишь в окончательном тексте, наглядно показывая направление работы Гоголя над языком Чичикова в его беседе с Маниловым. Попутно заметим, что в черновом тексте после этого монолога следовали слова: «Тут даже отёр платком он выкатившуюся слезу. Манилов был совершенно тронут» (*первая сохр. ред. гл. II, стр. 266*). В окончательном тексте эта растроганность «приятелей» усугубляется — плачут и Чичиков, и Манилов: «Оба приятеля долго жали друг другу руку и долго смотрели молча один другому в глаза, в которых видны были навернувшиеся слёзы» (гл. II, стр. 37).

В третьей главе уже прямо от лица автора говорится, что Чичиков совсем иначе, чем с прекраснодушным помещиком Маниловым, разговаривает с коллежской секретаршей Коробочкой: «Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большей свободой, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился» (гл. III, стр. 49). Этой «большой свободой» и бесцеремонности Гоголь упорно добивается, работая над диалогом Чичикова и Коробочки. Например, когда Чичиков, выведенный из себя неподатливостью Коробочки, посылает её к чорту, после восклицания старухи: «Ах, какие побранки-то гнёшь ты, отец мой», в черновике сначала стояло: «Да мочи нет с вами»; затем эти слова были тут же вычеркнуты и вместо них написано: «Да нельзя ж, матушка. Я не нахожусь, как с вами быть. Из короба не лезете, в короб не едете и короба не отдаёте» (*первая сохр. ред. гл. III, стр. 286*). И наконец в окончательном тексте читаем: «Да не найдёшь слов с вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежит на сене: и сама не ест сена и другим не даёт» (гл. III, стр. 54).

В сцене торга мёртвых душ у Собакевича Гоголь, продолжая работу над языком Чичикова, вновь подчёркивает приспособленчество своего героя. «Затвердила сорока Якова одно про всякого» (гл. V, стр. 104), говорит Собакевич, торгуясь с Чичиковым. В окончательном тексте разговора с Собакевичем Чичиков также употребляет пословицу: «Мёртвым телом хоть забор подпирай» (гл. V, стр. 103). В черновом тексте этой пословицы не было.

Язык, присущий собственно Чичикову, мы узнаём из тех речей, которые он произносит «про себя». Так, в разговор с Коробочкой в процессе работы вводятся следующие слова:

«Эк её, дубинноголовая какая!» сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения. «Пойди ты, сладь с нею! В пот бросила, проклятая старуха!» (гл. III, стр. 52—53). И в разговор Чичикова с Собакевичем Гоголь вводит следующее восклицание, отсутствовавшее в первоначальном черновом тексте: «Ну, уж чорт его поberi!» подумал про себя Чичиков: «по полтине ему прибавлю, собака, на орехи!» (гл. V, стр. 104).

Эта речь «про себя», своей бесцеремонностью и грубостью ярко характеризующая «подлеца» Чичикова, без всякого стеснения звучит вслух в его разговоре с дворовыми. Тут маска сброшена, притворяться не перед кем и незачем. Рассмотрим работу Гоголя над сценой, в которой Чичиков распекает своего кучера Селифана, не готового к отъезду из города. Сравним черновой и окончательный тексты.

Черновой текст

Ах ты, подлец эдакой! Какой урод тебя, дурака эдакого, на свет пустил. Да где у тебя-то глаза были до этих пор. Ведь три недели сидели на месте — хоть бы занкнулся. А вот к последнему часу и пригнал, чушка ты проклятая; именно к последнему часу: тут бы вот садиться да ехать, а он вот тут-то именно и нагадил. Ведь ты ж знал это всё? Отвечай. (Здесь герой наш назвал его, кажется, рылом.) Знал? А?

«Знал», отвечал Селифан, потупивши голову.

«Ну, так зачем же ты мне тогда не сказал?» (гл. XI, вторая ред., стр. 543).

Окончательный текст

«Подлец ты!» вскрикнул Чичиков, всплеснув руками, и подошёл к нему так близко, что Селифан из боязни, чтобы не получить от барина подарка, попятился несколько назад и восторонился. «Убить ты меня собрался? а? зарезать меня хочешь? На большой дороге меня собрался зарезать, разбойник, чушка ты проклятый, страшилище морское! а? а? Три недели сидели на месте, а? Хоть бы занкнулся, беспутный, — а вот теперь к последнему часу и пригнал! когда уж почти начеку: сесть бы да и ехать, а? а ты вот тут-то и напакостил, а? а? Ведь ты знал это прежде? Ведь ты знал это, а? а? отвечай. Знал? А?»

«Знал», отвечал Селифан, потупивши голову.

«Ну так зачем же тогда не сказал, а?» (гл. XI, стр. 216—217).

По сравнению с черновой рукописью Чичиков в окончательном тексте, как мы видим, всё больше изощряется в брани. Наряду с «подлецом», «уродом», «чушкой проклятой» появляются «разбойник», «страшилище морское», и одновременно вся речь Чичикова, обращённая к Селифану, переходит в сплошной крик. Это достигается тем, что негодующий возглас «А?», лишь однажды прозвучавший в черновике, в окончательном тексте повторяется многократно.

В этот же окончательный текст Гоголь вводит отсутствовавшие в приведённом черновом тексте строки, недвусмы-

сленно показывающие, что в обращении с дворовыми Чичиков отнюдь не ограничивается только бранью и криком: «Подлец ты!» вскрикнул Чичиков, всплеснув руками, и подошёл к нему так близко, что Селифан из боязни, чтобы не получить от барина подарка, попятился несколько назад и посторонился» (гл. XI, стр. 216). «Наступательное движение» Чичикова вызывает соответствующую «реакцию» Селифана, ожидающего, очевидно, привычной потасовки. Насколько это ожидание было реальным, можно судить и по дальнейшим строкам, отсутствовавшим в речи Чичикова в черновых рукописях: «Я тебя, я тебя в рог согну и узлом завяжу!» (гл. XI, стр. 217). И дальше: «я тебе такую дам потасовку... сам на себе лица не увидишь! Пошёл!..» (гл. XI, стр. 217). Перспектива такой расправы означает с первых же строк главы. Слова черновика: «Он (Чичиков. — Л. С.) приготовился принять не очень ласково нашего друга Селифана» (т. VI, стр. 543) — замечаются: «Он рассердился, приготовился даже задать что-то вроде потасовки приятелю нашему Селифану...» (гл. XI, стр. 216).

Приведённые примеры в достаточной степени показывают, как, работая над образом Чичикова, автор стремился подчеркнуть стяжательство, грубость и циничный эгоизм этого собственника-приобретателя.

* * *

В процессе работы над образом помещика Собакевича Гоголь, так же как для Чичикова («хозяин-приобретатель»), находит краткую, лаконичную характеристику — «человек-кулак», неоднократно повторяющуюся в поэме: «экой кулак!» (гл. V, стр. 104); «Кулак, кулак!...да ещё и бестия в придачу» (гл. V, стр. 107); «По два с полтиною содрал за мёртвую душу, чортов кулак!» (гл. V, стр. 108). Значение найденной характеристики становится особенно ясным из содержания, отсутствовавшего в черновых рукописях текста, в котором эта черта образа Собакевича («человек-кулак») определяется как ведущая, главная. Одновременно в этом тексте черты захолустного помещика-кулака переносятся на столичное чиновничество: «Родился ли ты уж так медведем или омедведила тебя захолустная жизнь, хлебные посевы, возня с мужиками, и ты чрез них сделался то, что называют человек-кулак? Но нет: я думаю, ты всё был бы тот же, хотя бы даже воспитали тебя по моде, пустили бы в ход и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустьи...» Далее в том же тексте: «...теперь у тебя под властью мужики: ты с ними в ладу и, конечно, их не обидишь, потому что они твои, тебе же будет хуже: а тогда бы у тебя были чиновники, которых бы ты сильно пощёлкивал, смекнув, что ведь они не твои же крепостные, или грабил бы ты

казну! Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладони! А разогни кулаку один или два пальца, выдет ещё хуже». В дальнейших строках Гоголь возводит воображаемого чиновника Собакевича в ранг сановников, стоящих у кормила правления самодержавно-бюрократической России. Тем самым характер Собакевича приобретает ещё более обобщающее значение. Вот этот текст: «Попробуй он слегка верхушек какой-нибудь науки, даст он знать потом, занявши место повиднее, всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку. Да ещё, пожалуй, скажет потом: «Дай-ка себя покажу!» Да такое выдумает мудрое постановление, что многим придётся солоно... эх, если бы все кулаки!.. (гл. V, стр. 106). Эта последняя строка—восклицание: «Эх, если бы все кулаки!..» с выразительным многоточием в конце заключает в себе недвусмысленное и мало благоприятное пожелание всем кулакам.

Всё рассуждение о кулаках даётся Гоголем от имени Чичикова, что весьма мало вяжется с его образом. Оно естественно воспринимается нами как лирическое отступление, выражающее мысли самого автора¹. А между тем Гоголь заставляет именно «подлеца» Чичикова разоблачать таких же, как он, «подлецов» — кулаков-помещиков и невежественных сановников-казнокрадов, страшных своим самоуправством. Комизм такого положения послужил автору своего рода маскировкой, позволившей ему высказать свои суждения, мало приемлемые для николаевской цензуры.

Текст, в котором Собакевич рисуется как образ, типичный для всех ступеней феодально-бюрократической системы, является ярчайшим примером характерной для творчества Гоголя предельной типизации. Точно так же, после того как помещица Коробочка во всех деталях своего характера предстала на страницах поэмы, Гоголь вводит ранее отсутствовавший текст, который переносит читателя из глухой провинциальной усадьбы с её «крепколобой» владелицей в аристократический дом. В хозяйке этого дома, несмотря на её внешний лоск и «просвещённые разговоры», Гоголь видит такое же крайнее духовное убожество: «Точно ли так велика пропасть, отделяющая её (Коробочку.—Л. С.) от сестры её, недосыгаемо ограждённой стенами аристократического дома с благовонными чугунными лестницами, сияющей медью, красным деревом и коврами, зевающей за недочитанной книгой в ожидании остроумно-светского визита, где ей предстанет поле блеснуть умом и высказать вытверженные мысли, мысли, занимающие, по законам моды, на целую неделю город...» (гл. III, стр. 58).

¹ В другом месте поэмы Гоголь, прибегнув к подобному же приёму, писал в одной из черновых рукописей: «Но не мешает уведомить читателя, что это размечтался не Чичиков. Сюда несколько впутался сам <автор?> (вторая ред. VII гл., стр. 598.)

Работая над образом Коробочки, Гоголь не только сравнивает её с аристократической дамой, но придаёт этому характеру ещё более широкое обобщающее значение и находит в сатирическом «государственном деятеле» черты той же захолустной помещицы Коробочки. В окончательном тексте поэмы мы находим отсутствовавшее в первоначальной редакции следующее сопоставление: «...иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка. Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилишь; сколько не представляй ему доводов, ясных, как день, всё отскакивает от него, как резиновый мяч отскакивает от стены» (гл. III, стр. 53).

Стремление Гоголя распространить свою сатиру на всё дворянско-крепостническое общество подтверждается и словами самого автора в предисловии ко второму изданию «Мёртвых душ» (1846 г.). Обращаясь к читателям с просьбой записывать свои наблюдения над жизнью своего сословия, Гоголь пишет следующее: «Хорошо бы также, если бы кто нашёлся из сословия высшего, отдалённый всем и самой жизнью и образованием от того круга людей, который изображён в моей книге, но знающий зато жизнь того сословия, среди которого живёт, и решился бы... прочесть съизнова мою книгу и мысленно припомнить себе всех людей сословия высшего... и рассмотреть внимательно, нет ли какого сближения между этими условиями и не повторяется ли иногда то же самое в круге высшем, что делается в низшем?» (т. VI, стр. 588—589).

* * *

В образе Ноздрёва, этого безответственного растратчика жизни, вралю и драчуна, Гоголь видел особенно распространённое и опасное в социальном отношении явление современной ему жизни. Это — обыдёнщина, но обыдёнщина, страшная своей привычностью, своей кажущейся безобидностью и безвредностью. Эта мнимая безобидность сказывается прежде всего во внешнем облике Ноздрёва: «Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными, румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и чёрными, как смоль, бакенбардами. Свеж он был, как кровь с молоком; здоровье, казалось, так и прыскало с лица его» (гл. IV, стр. 64). Перед нами — бравый молодец, чуть ли не «добрый молодец». Сличение различных редакций текста показывает стремление Гоголя выдержать целостность этого внешнего облика. Например, в окончательном тексте к такому сравнению, как «кровь с молоком», Гоголь в процессе работы присоединяет ещё одно не менее обязательное в данном случае сравнение — белые, «как снег», зубы. (В другом месте: «белые, как сахар».) В текст также вводится ранее отсутствовавшая характери-

стика жеста Ноздрёва — «молодцевато», правда, в нарочито комическом сочетании со словом «взъерошив» («молодцевато взъерошив свои чёрные густые волосы»), что снижает образ «мóлодца». Этой же цели служит и достаточно пренебрежительный эпитет «чернявый» (в другом случае — «черномазый»), которым Гоголь наделяет Ноздрёва, описывая его внешность (*гл. IV, стр. 63—64*).

Столь же противоречиво, как мы знаем, дан в поэме и внутренний образ Ноздрёва. Он также наделяется своеобразным «молодечеством», но удаль нашего героя сводится к «подвигам» на ярмарках и за карточным столом. Эти свойства с особенной яркостью и выпуклостью нашли своё выражение в языке Ноздрёва, в его жаргоне «собачья» и картёжника.

Приведём несколько примеров работы Гоголя над речью Ноздрёва.

Черновые тексты

Я тебе продам чудную пару, до 15 тысяч мне стоили. То-есть такие собаки... (*вторая ред. IV гл., стр. 388*).

Я тебе продам таких собак, что просто мороз по коже подирает (*вторая ред. IV гл., стр. 388*).

Я тебе, Чичиков, покажу теперь пару щенков самой чистой псовой породы... (*вторая ред. IV гл., стр. 378*).

Окончательный текст

Я тебе продам такую пару, просто мороз по коже подирает! брудастая с усами, шерсть стоит вверх, как щетина. Бочковатость рёбруму непостижимая, лапа вся в комке, земля не зацепят! (*гл. IV, стр. 80*).

«Я тебе, Чичиков», сказал Ноздрёв, «покажу отличнейшую пару собак: крепость чёрных мясов просто наводит изумление, щиток — игла» (*гл. IV, стр. 73*).

Как мы здесь видим, автор вводит в речь Ноздрёва такие типичные выражения охотничьего жаргона, как: «крепость чёрных мясов», «щиток — игла», «брудастая», «бочковатость рёбр», «лапа в комке» и т. д.

Соответствующая лексика, характерная для охотничьего жаргона, даётся не только в речи Ноздрёва, но и в авторском повествовании о нём, что весьма характерно для стиля поэмы. Блестящим примером такого нарочитого включения жаргона в речь самого автора может служить описание псарни Ноздрёва. В черновой редакции автор ограничивался лишь перечнем кличек собак: «Вошедши в этот двор, увидели там Разбора, Разора, Налётку, Красотку, Птицу, Змейку, которые, пустивши мельницами хвосты, побежали во весь галоп к ним навстречу и начали здороваться с ними совершенно без всякой церемонии» (*вторая ред. IV гл., стр. 378*). В окончательном тексте не только меняются все клички, но и подробно перечисляются все масти и породы собак, а также вводится типич-

ное охотничье выражение «прави́ло»: «Вошедши на двор, увидели там всяких собак, и густо-псовых, и чисто-псовых, всех возможных цветов и мастей: муругих, чёрных с подпалинами, полво-пегих, муруго-пегих, красно-пегих, черноухих, сероухих... Тут были все клички, все повелительные наклонения: стреляй, обругай, порхай, пожар, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздрёв был среди них совершенно как отец среди семейства: все они, тут же пустивши вверх хвосты, зовомые у собачеев правилами, полетели прямо навстречу гостям и стали с ними здороваться» (гл. IV, стр. 73).

Не менее выразительна работа Гоголя над речью Ноздрёва — картёжника и шулера.

Сравним, например, два следующие текста:

Черновой текст

Окончательный текст

«И тогда бы выиграл, ей-богу выиграл. Ей-богу, выиграл бы! Не ставь я девятку, а поставь даму, как было и хотел сделать» (т. VI, стр. 725).

«И не просадил бы! ей-богу, не просадил бы! Не делай я сам глупость, право, не просадил бы. Незагни я после пароле на проклятой семёрке утку, я бы мог сорвать весь банк». «Однако ж не сорвал», сказал белокурый. «Не сорвал, потому что загнул утку не во время» (гл. IV, стр. 64—65).

И здесь, как в предшествующих случаях, общеразговорные выражения заменяются типично жаргонными: «просадить», «загнуть утку» и т. д.

Французский карточный термин «пароли́» Ноздрёв произносит «пароле». «Искажёнными галлицизмами пестрит речь Ноздрёва», — указывает академик В. Виноградов¹.

Приведём ещё некоторые примеры работы Гоголя над «французско-нижегородским» жаргоном Ноздрёва. Так, в окончательный текст вводится следующее обращение Ноздрёва к Чичикову: «Позволь, душа, я тебе влеплю один безе. Уж вы позвольте, ваше превосходительство, поцеловать мне его. Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь мне напечатлеть тебе в белоснежную щёку твою». Ноздрёв был так оттолкнут со своими безе, что чуть не полетел на землю» (гл. VIII, стр. 172).

Подчёркивая всю бессмысленность искажённых галлицизмов Ноздрёва, Гоголь в одном случае даже вводит ироническое истолкование его речи.

¹ В. В. Виноградов, Язык Гоголя. В сб. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. II, 1936, стр. 350.

Черновой текст

Кисет, вышитый ему какою-то графиней..., у которой ручки, по словам его, были: самый рассудительный деликатес (вторая ред. IV гл., стр. 379—380).

Окончательный текст

Кисет, вышитый какою-то графиней..., у которой ручки, по словам его, были самой субтильной сюперфлю, — слово, вероятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства (гл. IV, стр. 75).

Заменяя в окончательном тексте слова «самый рассудительный деликатес» ещё более бессмысленным выражением: «самой субтильной сюперфлю», Гоголь поясняет: «слово, вероятно означавшее у него высочайшую точку совершенства».

Характерно, что наряду с такой «светской» речью язык Ноздрёва изобилует бранными словами. В приводимых ниже примерах видно, как Гоголь в процессе работы насыщает речь Ноздрёва всё более «ядрёной» бранью: «чорта лысого», «печник гадкой», «шильник», «скалдырник», «фетюк» и др.

Черновой текст

«Хотел было подарить, право хотел...» (вторая ред. IV гл., стр. 391).

Окончательный текст

«Чорта лысого получишь! хотел было, даром хотел отдать, но теперь, вот не получишь же! Хоть три царства давай, не отдам. Такой шильник¹, печник гадкой!» (гл. IV, стр. 82).

Черновой текст

«Ну, послушай, чтобы доказать тебе, что я не такой как ты, я не возьму за них ничего» (вторая ред. IV гл., стр. 387).

Окончательный текст

«Ну, послушай, чтоб доказать тебе, что я вовсе не какой-нибудь скалдырник², я не возьму за них ничего» (гл. IV, стр. 79).

Характеризуя грубость речи Ноздрёва, Гоголь вводит в окончательный текст первоначально отсутствовавшие слова Чичикова: «Если хочешь пощеголять подобными речами, так ступай в казармы» (гл. IV, стр. 79).

Работая над образом Ноздрёва, Гоголь, как и для других своих героев, находит для него лаконичную характеристику: «человек-дрянь», тут же как бы поясняя: «Ноздрёв может наврать, прибавить, распустить чорт знает что...» (гл. IV, стр. 82). При этом, как и в других подобных случаях, такая характеристика в начале работы ещё отсутствует.

Не менее характерным в работе над образом Ноздрёва является уже знакомое нам стремление автора указать от своего

¹ Плут, мошенник.

² Скряга, скупой.

имени на крайнюю типичность образа. И в окончательный текст четвёртой главы вводятся следующие, ранее отсутствовавшие строки: «Может быть, назовут его характером избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрёва. Увы! несправедливы будут те, которые станут говорить так. Ноздрёв долго ещё не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно-непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком» (гл. IV, стр. 72).

* * *

В ряду главных действующих лиц поэмы несколько особняком стоит образ помещика Манилова. Он не стяжатель, не приобретатель, никаких плутовских и мошеннических проделок за ним не числится. Но по своей крайней ограниченности, моральной опустошённости и беспринципности Манилов также является той мёртвой душой, против паразитического и бессмысленного существования которой так страстно боролся Гоголь всем своим творчеством.

Именно в связи с образом Манилова Гоголь в своей поэме говорит о тех «господах», «которых много на свете, которые с вида очень похожи между собою, а между тем, как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей, — эти господа страшно трудны для портретов» (гл. II, стр. 24). И вот для того, чтобы обрисовать характер Манилова, Гоголь обращается за помощью к народному творчеству, к пословице. Гоголь, как известно, считал, что именно в народных пословицах заключена «многосторонняя поэтическая полнота ума нашего».

Сравним черновой и окончательный тексты, в которых словами пословицы даётся характеристика Манилова.

Черновой текст

На Руси, как и во всяком другом государстве, есть очень много таких (характеров) людей, которых обыкновенно называют ни рыба, ни мясо (первая сохр. ред., гл. II, стр. 255).

Окончательный текст

Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то, ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы (гл. II, стр. 24).

Как мы видим, первоначально о Манилове было сказано «ни рыба, ни мясо». Но это определение может быть отнесено к любому явлению жизни, не обязательно к характеру человека. В окончательном тексте Гоголь усложняет характеристику и, заменив «ни рыба, ни мясо» словами «ни то, ни сё», добавляет: «ни в городе Богдан, ни в селе Сели-

фа н». В этой пословице очевидна никчёмность, полная ненужность таких людей «ни в городе... ни в селе...», безличность и неопределённость их характера, чреватого любой неожиданностью.

И. В. Сталин отмечал меткость найденного Гоголем определения, применяя эту характеристику к политическим деятелям «неопределённого типа»: «Есть люди, о которых не скажешь, кто он такой, то ли он хорош, то ли он плох, то ли мужественен, то ли трусоват, то ли он за народ до конца, то ли он за врагов народа. Есть такие люди и есть такие деятели... О таких людях неопределённого типа, о людях, которые напоминают скорее политических обывателей, чем политических деятелей, о людях такого неопределённого, неоформленного типа довольно метко сказал великий русский писатель Гоголь: «Люди, говорит, неопределённые, ни то, ни сё, не поймёшь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан»¹.

«Смертельную скуку» испытывал всякий, кто соприкасался с Маниловым. Это ощущение подготавливается уже тем пейзажем, который видит Чичиков, подъезжая к усадьбе Манилова. Работа Гоголя над этой страницей рукописи выразительно показывает, чего именно добивался здесь автор. В черновой рукописи (гл. II, стр. 253) стояло: «Поодаль, в стороне, темнел сосновый лес». В окончательном тексте лес получает соответствующую намерениям автора характеристику: «Поодаль, в стороне, темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес» (гл. II, стр. 23). Далее ощущение скуки ещё более усиливается. Первоначально мы читаем: «День был не то ясный, не то серый, облака убрали всё небо клоками, как хлопчатая бумага, кое-где оставив просвечивать синеву». В окончательном тексте: «День был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням...» Очевидно, что-либо более бесцветное трудно было и вообразить!

Текст, относящийся к самому Манилову, насыщается такими словами, как «приятность», «приятный», «сладкий», «приторный». О внешности самого Манилова в поэме читаем: «Черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару» (гл. II, стр. 24).

В другом месте поэмы в черновой рукописи стояло «сахар-Манилов» (гл. XI, стр. 551). Снимая это выражение в окон-

¹ И. В. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа гор. Москвы, Госполитиздат, 1950, стр. 8.

чательной редакции, Гоголь одновременно всячески подчёркивает соответствующей лексикой сентиментально-слащавые черты образа. Например, в сцене разговора Манилова с Чичиковым о дружбе в черновой рукописи читаем: «И знаете, Павел Иванович», сказал Манилов, сделавши такую сладкую мину, что даже было несколько приторно, как натошак: «Тогда чувствуешь какое-то эдакое, духовное наслаждение...» (гл. II, стр. 259). В окончательном тексте сравнение ещё более усилено и развёрнуто: «И знаете, Павел Иванович», сказал Манилов, явя в лице своём выражение не только сладкое, но даже приторное, подобно той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно, воображая ею обрадовать пациента» (гл. II, стр. 29).

Пародийно используя сентиментальные образы, Гоголь в процессе работы над характеристикой Манилова вводит в «аглицкий» сад маниловской усадьбы беседку, именуя её «храм уединённого размышления» (гл. II, стр. 22). Такие беседки с типично сентиментальными названиями, как «Храм дружбы», «Храм любви», «Храм уединения», «Хижина в пустыне» и др., были неотъемлемой принадлежностью усадебных парков конца XVIII и начала XIX в.

Подчёркивая пошлость и безвкусию хозяина усадьбы, Гоголь, тонкий ценитель и знаток архитектуры, умышленно придаёт этому нелепому сооружению «плоский (!) купол», «голубые (!) колонны», которые в сочетании с зелёным цветом купола создают сплошную какофонию. Знаменательно содержание надписи, выбранной Гоголем для беседки Манилова — «Храм уединённого размышления»; ведь вся «деятельность» Манилова сводится к фантастическим «прожектам», к бесцельному витанию в облаках, к бесплодным «размышлениям»: «Манилов предался размышлению... Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начал строиться у него мост, потом огромный дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву, и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах» (гл. II, стр. 38—39).

В процессе работы над второй главой, подчёркивая и усиливая паразитические и сентиментальные черты своего героя, Гоголь вводит в пару к нему не менее сентиментальный образ его супруги Лизаньки Маниловой и рисует картину семейного счастья воркующих голубков: «Жена его... впрочем, они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то, что минуло более восьми лет их супружества, из них всё ещё каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно-нежным голосом, выразившим

совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». — Само собою разумеется, что ротик раскрывался при этом случае очень грациозно...» (гл. II, стр. 25—26). «Испытывая до первоначальных причин» характер Лизаньки Маниловой, Гоголь в том же тексте описывает её типично-дворянское, светское воспитание, основу которого составляли «французский язык, необходимый для счастья семейственной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов...» (гл. II, стр. 26).

Типичность образа Манилова была настолько велика, что «маниловщина» в качестве нарицательного понятия перешла со страниц поэмы в жизнь. И не случайно образ Манилова и понятие «маниловщины» чаще, чем все другие образы Гоголя, используются В. И. Лениным в его идеологической борьбе¹. Вспомним хотя бы развёрнутую характеристику «маниловщины», которую даёт Ленин, разоблачая «народнический социализм»: «Марксисты издавна считали своей задачей, в борьбе с народничеством, разрушать маниловщину, слащавые фразы, сентиментальную надклассовую точку зрения, пошлый «народный» социализм, достойный какого-нибудь французского прожженного в деляческих подходах и аферах радикала-социалиста»².

Высмеивая фантазёров, предающихся прекраснотушным мечтам среди гнёта и нищеты окружающей жизни, Гоголь настойчиво предостерегает читателя от возможности трагического разрыва между мечтой и действительностью. Так, в окончательный текст шестой главы включается лирическое отступление, отсутствовавшее в черновых рукописях, в котором Гоголь рисует образ двадцатилетнего юноши, бредущего ночью по Сенной площади в Петербурге, а мечтами пребывающего в Испании: «...возвращаясь из театра, несёт он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и чуждыми кудрями. Чего нет и что не грезится в голове его? он в небесах и к Шиллеру заехал в гости—и вдруг раздаются над ним, как гром, роковые слова...» Этими роковыми словами была бранная речь вроде той, которая раздавалась вокруг Чичикова, когда он проезжал по переулкам и закоулкам города: «Врёшь, пьяница! я никогда не позволяла ему такого грубиянства!» или: «Ты не дерись, невежа, а ступай в часть, там я тебе докажу!...» И мечтатель видит, что «вновь очутился на земле, и даже на Сенной площади, и даже близ кабака, и вновь пошла по-будничному щеголять перед ним жизнь» (гл. VI, стр. 131).

¹ См. М. В. Нечкина, Гоголь у Ленина. Сборник «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», под ред. В. В. Гиппиуса, т. II, 1936.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 523-524.

Интересно попутно отметить, что та же шестая глава, которую в процессе работы Гоголь завершает портретом юноши-мечтателя, начинается образом лирического героя в юности. Но «свежее, тонкое внимание» этого юноши всецело обращено на окружающую его действительность. Он жадно всматривался в лица людей, встречавшихся на его пути, и «уносился мысленно за ними в бедную жизнь их» (гл. VI, стр. 110).

Нарисовав образ юноши-мечтателя и противопоставив его реальной, будничной жизни, Гоголь непосредственно, в начале следующей, седьмой главы, переходит к развёрнутому рассуждению о двух типах писателей — писателе, парящем в мечтах высоко над действительностью, и писателе, дерзнувшем «вы-вывать наружу всё, что ежеминутно пред очами» (гл. VII, стр. 134).

* * *

Разоблачение накопления, приобретательства — сквозная тема гениальной поэмы Гоголя. Перед нами проходят делец новой формации Чичиков, помещик-кулак Собакевич, коллежская секретарша Коробочка — «одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожай, убытки..., а между тем, набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещённые по ящикам комодов. В один мешочек отбирают все целковики, в другой полтиннички, в третий четвертачки...» (гл. III, стр. 45). Отметим, что этот текст, характеризующий Коробочку, был включён в поэму, когда мелкое скопидомство и жадность Коробочки как будто и без того были ясны. Но введённый новый текст с развёрнутой прямой характеристикой ещё ярче подчеркнул в образе Коробочки те качества, которые делают её типическим образом, вобравшим в себя черты многих и многих помещиц. Этим текстом она органически включается в ряд «мёртвых душ», хозяев-стяжателей.

Галерею «мёртвых душ» завершает образ скряги Плюшкина, носящий подлинно трагические черты. В нём с потрясающей силой показано нравственное вырождение, распад личности, в которой скупость поглотила всё живое, всё человеческое.

И во всём, что окружает Плюшкина, Гоголь также непрестанно подчёркивает ветхость, развал, распад. Разваливается, гибнет всё: крестьянские избы, помещичий дом («замок», глядящий «дряхлым инвалидом»), наполненный такими же, как он сам, сломанными вещами-инвалидами, и т. д. В процессе работы этот всеобщий распад вызывает в воображении Гоголя и образ человека-развалины. В первоначальной редакции текста, содержащего характеристику Плюшкина, Гоголь ещё не нашёл завершающего образа: «Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и, чем больше пожирает, тем становится ненасытнее; челове-

ские чувства, которые и без того не были в нём очень крупны, мелели ежеминутно, и каждый день что-нибудь да утрачивалось в этой» (*первая сохр. ред. VI гл., стр. 311*). Далее в черновой рукописи было оставлено свободное место¹. Затем, в один из последующих моментов работы, Гоголь находит искомый образ и дописывает текст: «...каждый день что-нибудь утрачивалось в этой изношенной развалине» (*т. VI, стр. 119*). Перед нами именно такой случай, о котором сам Гоголь рассказывал, описывая процесс своего творчества: незаконченный текст был отложен до срока, когда нужное слово, по выражению Гоголя, само «вскочит» на заготовленное для него место в тексте.

И дальше в том же тексте Гоголь, произнося свой окончательный приговор над скрягой Плюшкиным, называет его «прорехой на человечестве». Сравним черновую и окончательную редакции этого текста. Говоря об оброках, приносимых Плюшкину его крепостными, Гоголь пишет:

Черновой текст

Всё это помещалось прежним порядком в его кладовые и попрежнему всё это гнило (*первая сохр. ред. VI гл., стр. 312*).

Окончательный текст

...всё это сваливалось в кладовые и всё становилось гниль и прореха, и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве (*гл. VI, стр. 119*).

Чудовищная жадность Плюшкина, бессмысленное накопление имущества, гибнущего в его кладовых, подчёркиваются новыми, введёнными в текст выражениями: вместо стоявшего в черновой рукописи слова «помещалось» Гоголь пишет «сваливалось», а вместо «всё гнило» — «всё становилось гниль и прореха». И это выражение «прореха» автор тут же берёт для характеристики самого Плюшкина: «...и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве». Это типичный пример того, как Гоголь переносит явления предметного, вещественного мира на человека.

Дав уничтожающую оценку нравственному уродству Плюшкина, Гоголь в процессе работы над внешним обликом своего героя придаёт его лицу всё более отталкивающие, безобразные черты и снимает всё смягчающее.

Сличим черновой и окончательный тексты.

Черновой текст

Лицо его имело в себе мало замечательного. В молодости оно было, может быть, такое же, как обыкновенно бы-

Окончательный текст

Лицо его не представляло ничего особенного, оно было почти такое же, как у многих худосочных стариков, один подбородок только

¹ См. примечание на стр. 311 тома VI Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя.

ваает у помещиков, живущих в дальних захолустьях Руси, куда раз в год приезжает разносчик, и то не с книгами, а с ситцем. Впрочем, морщины начали уже несколько смягчать его грубое выражение. Маленькие глаза глядели из-под поседевших бровей, как мыши, когда, высунувшись до половины из нор, они осторожно озираются, не сидит ли где [старый] вор кот, и нюхают подозрительно самый воздух. Глаза этого хозяина, которого Чичиков принял было сначала за ключника, открывались и закрывались поминутно, как будто бы их что-то дёргало (*первая сохр. ред. VI гл., стр. 308*).

выступал очень далеко вперёд, так что он должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие глазки ещё не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувшись из темных нор остренькие морды, настораживая уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух (*гл. VI, стр. 116*).

Как мы видим, текст освобождается от всего лишнего, отвлекающего внимание читателя в сторону; так, например, снимается описание лица Плюшкина в молодости. Но зато в окончательном тексте появляется такая резко характерная безобразная черта, как подбородок, выступающий так далеко, что Плюшкин «должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать». Глаза подозрительного скряги в окончательном тексте получают необычайную выразительность; подчёркивается затаившаяся в них тревожная жизнь: «маленькие глазки ещё не потухнули и бегали» (в черновой рукописи «глядели»). Последние строки чернового текста, ничего не прибавляющие к этой характеристике: «глаза закрывались и открывались поминутно, как будто бы их что-то дёргало» — вычёркиваются. И, наконец, Гоголь снимает стоявшие в черновом тексте строки о том, что «морщины начали уже несколько смягчать его грубое выражение».

Накопив грозные признаки распада личности Плюшкина, Гоголь вводит в текст поэмы ранее отсутствовавшее лирическое отступление, в котором он словно даёт ответ на сомнение читателя, возможно ли, реально ли такое омертвление человеческой личности: «И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться! И похоже это на правду? Всё похоже на правду, всё может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости» (*гл. VI, стр. 127*). Взволнованно и торжественно звучит голос Гоголя-гуманиста, полный любви и тревоги за молодое поколение: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге:—не по-

дымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаёт назад и обратно! Могила милосерднее её, на могиле напишется: здесь погребён человек! Но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости» (гл. VI, стр. 127).

* * *

Типичность образов поэмы обуславливается их тесной связью с социальной средой, с чиновничье-дворянским обществом города N. В процессе работы Гоголь всемерно заостряет сатирическую направленность в изображении представителей этого общества. Они характеризуются им как со стороны их праздного, паразитического существования, так и со стороны убеждения их внутреннего мира.

Мёртвая душа обитателей города N нашла своё отражение и в их мёртвом языке, вернее — жаргоне. Гоголь блестяще воплотил и закрепит в своей поэме классово-дворянский жаргон провинциального общества. И. В. Сталин в своей гениальной работе «Марксизм и вопросы языкознания» так писал о жаргоне дворянской аристократии и верхних слоёв буржуазии: «У них есть: набор некоторых специфических слов, отражающих специфические вкусы аристократии или верхних слоёв буржуазии; некоторое количество выражений и оборотов речи, отличающихся изысканностью, галантностью и свободных от «грубых» выражений и оборотов национального языка; наконец, некоторое количество иностранных слов»¹.

Высмеивая антинародность и космополитизм высшего дворянского общества, Гоголь в своей поэме писал: «от них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь... А вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе. Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними все причитающие себя к высшему сословию!» (гл. VIII, стр. 164—165).

В провинциальном обществе салонный язык дворянской аристократии принимает ярко комическое звучание. «Провинциальные жеманницы из чиновничье-дворянского круга комически уродовали и без того уродливый классовый русско-французский жаргон «высшего общества», — пишет академик В. Виноградов². Характеризуя подобный жаргон дам города N, Гоголь в процессе работы вводит в восьмую главу следующий текст: «Ещё нужно сказать, что дамы города N отли-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 14.

² В. Виноградов, Великий русский художник слова, «Правда», 4 марта 1952 г.

чались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенной осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась, я вспотела, я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос, я обожлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намёк на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведёт себя» или что-нибудь вроде этого. Чтоб ещё более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожестче упомянутых» (гл. VIII, стр. 158—159).

Русско-французскому жаргону дам города N соответствует и их внешний облик. Описав туалеты дам на балу у губернатора, Гоголь вводит в текст ироническое восклицание: «Нет, это не губерния, это столица, это с а м П а р и ж!» (гл. VIII, стр. 163).

С первых же страниц поэмы Гоголь беспощадно высмеивает праздность провинциального дворянского общества, для которого вся жизнь была сплошным «лакомством», слагаясь из балов, домашних вечеринок, обедов, «чашек чая», «бостончиков», вистов и т. д.¹. В первую главу поэмы вводится исключительный по своей выразительности текст, отсутствовавший в первоначальной редакции, с описанием вечеринки у губернатора. Дамы в блестящих нарядах вызывают в воображении Гоголя образ «лакомых кусков рафинада», а мужчины в чёрных фраках уподобляются «эскадронам» празднующих мух: «Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Всё было залито светом, чёрные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда старая клюшница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жёстких рук её, подымающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые лёгким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостью старухи и солнцем, беспокоящим глаза её, обсыпают лакомые куски, где вразбитную, где

¹ Стремясь подчеркнуть, что времяпрепровождение за карточным столом являлось типичнейшим явлением в быту дворянского общества, Гоголь заменяет выражение черновой редакции «они могут обратиться вновь к мирным занятиям, то-есть сесть за вист» (вторая ред. XI гл., стр. 575) следующим окончательным текстом, обобщающим это явление: «...и можно обратиться вновь к карточному столу, тешащему всю Россию» (гл. XI, стр. 243).

густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу расставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя, пройтись взад и вперёд по сахарной куче, потерять одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крылышками, или, протянувши обе передние лапки, потерять ими у себя над головою, повернуться и опять улететь и опять прилететь с новыми докучными эскадронами» (гл. I, стр. 14).

Насколько устойчивым было для Гоголя-сатирика сравнение светского общества с миром насекомых, свидетельствуют, как черновые отрывки восьмой главы поэмы, где на балу у губернатора гости также уподоблялись жукам и мотылькам, так и описание гуляющей светской толпы в повести «Невский проспект»: «Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнуется блестящею тучею над чёрными жуками мужеского пола».

К разоблачению социального зла окружающей действительности Гоголь привлекает и голос самой природы. Так, например, он вводит в окончательный текст поэмы описание ночного праздника в усадьбе помещика: «...всю ночь сияет убранный огнями и плошками, оглашённый громом музыки сад. Полгубернии разодето и весело гуляет под деревьями...» Мишурному блеску этого праздника Гоголь противопоставляет образ негодующей и суровой природы, которая выступает здесь, по воле автора, неподкупным и грозным обличителем праздного, пошлого общества: «...трепеща листьями в вышине, уходя глубже в непробудный мрак, негодуют суровые вершины деревьев на сей мишурный блеск, осветивший снизу их корни» (гл. VI, стр. 120).

Наконец, в окончательный текст поэмы Гоголь вводит строки, где уже прямо указывается источник тех средств, на которые устраиваются все эти вечеринки, балы и праздники. В восьмой главе Гоголь заставляет Чичикова, смущённого и раздосадованного происшествием, случившимся с ним на губернаторском балу, произнести про себя следующий монолог: «Чтоб вас чорт побрал всех, кто выдумал эти балы!» говорил он в сердцах. «Ну, чему сдуру обрадовались? В губернии неурожай, дороговизна, так вот они за балы! Эк штука: разрядились в бабы тряпки! Невидадь: что иная навертела на себя тысячу рублей! А ведь на счёт же крестьянских оброков или, что ещё хуже, на счёт совести нашего брата. Ведь известно, зачем берёшь взятку и покрывишь душой: для того, чтобы жене достать на шаль или на разные роброны, провал их возьми, как их называют...» (гл. VIII, стр. 174). По своему содержанию этот монолог является скрытым лирическим отступлением, хотя и высказанным в типичных для Чичикова выражениях.

В черновых набросках размышления главного героя были

даже противоположны приведённому отрывку. Размышлял он ещё до случившейся с ним катастрофы, только готовясь к балу, в самом благодушном настроении, и мысли его были весьма «приятного свойства».

«Кто что ни говори, а балы хорошая вещь», думал Чичиков. «Холод ли, неурожай, или какой иной случай, от которых¹, а как соберёшься вместе, позабудешь обо всём. Всем есть что-нибудь. Танцы для молодых. Карты для почтенных людей. Можно и на танцующих поглядеть, и в вист наиграться, и много значит этак общество, толпа. Всё это веселит [ся], пестро. Притом и ужин. Губернаторский повар, я думаю [1 нрзб.]. Будет майонез с рябчиками. Может быть ещё холодных две осетринки свежей с трюфелями, каперсами, кореньями и травкой [1 нрзб.] прочими? Потом зальём шипучкой, выстоявшейся на льду. Чорт возьми, как в жизни много есть всего. Люблю приятное безобидное общество» (*черновой отрывок гл. VIII, стр. 603—604*).

Но Гоголю нужно было, чтобы гневное обличение прозвучало непосредственно после сцены бала у губернатора. По цензурным соображениям этого нельзя было сделать от имени автора. И Гоголь, прибегая к обычной для него комической маскировке, заставляет «подлеца»-взяточника возмущаться взяточничеством чиновников и эксплуатацией крестьян помещиками.

В разобранных отрывках мы видели работу Гоголя над изображением праздного быта разоблачаемого им дворянского общества. Приведём ещё пример, показывающий представителей этого общества не в быту, а на их служебном «поприще». Сравним описание присутственных мест города N в черновом и окончательном тексте.

Черновой текст

Они (Чичиков и Манилов.—Л. С.) наконец дошли до площади, где находились присутственные места, — большой трёхэтажный каменный дом, весь белый, как мел, вероятно для того, чтобы были заметнее все пятна и пачкания, которыми был он покрыт с нижнего этажа (*вторая ред., гл. VII, стр. 446*).

Окончательный текст

Они дошли наконец до площади, где находились присутственные места: большой трёхэтажный каменный дом, весь белый, как мел, вероятно для изображения чистоты душ помещавшихся в нём должностей (*гл. VII, стр. 141*).

Как мы видим, в описании «присутственных мест», в черновом тексте отмечается лишь их внешняя неопрятность. В окончательном тексте Гоголь блестяще использует внешний вид

¹ В рукописи фраза не закончена. См. примечание на стр. 603 тома VI Полного собрания сочинений Н. В. Гоголя.

«присутственных мест» для характеристики крайней моральной неопрятности — злоупотреблений, взяточничества, казнокрадства, преступной волокиты, которые царят внутри этих стен. Бытовая деталь — «пятна и пачкания» на белой стене — заменяется едкой сатирической характеристикой «чистоты душ помещавшихся в нём должностей», т. е. губернатора, председателя палаты, прокурора, полицмейстера и прочих должностных лиц.

Работа Гоголя над этим текстом ещё раз ярчайшим образом показывает нам стремление писателя предельно заострить сатирическую направленность своей социальной поэмы.

* * *

В своей поэме Гоголь неуклонно стремится дать характеристику николаевской России в целом. Описывая жизнь губернского города Российской империи, писатель подчёркивает типичность изображаемых явлений и для столичной жизни, как мы это уже видели на примере образов Собакевича и Коробочки. В «Повести о капитане Копейкине» местом действия становится сама столица, Петербург, а действующими лицами — представители высшей власти, вплоть до министров и самого царя.

Как мы знаем, в «Повести» рассказывается о бедственной судьбе инвалида Отечественной войны 1812 года, тщетно добывающегося пенсии от правительства. Обличительная сила повести была ясно понята цензурой, вычеркнувшей её целиком из текста поэмы. «Совершенно невозможным к пропуску оказался эпизод Копейкина — ничья власть не могла защитить его от его гибели», — писали Гоголю из Петербурга. Но для автора «Мёртвых душ» было неприемлемо исключение повести из поэмы. В одном из писем он писал: «Уничтожение Копейкина меня сильно смутило! Это одно из лучших мест в поэме, и без него — прореха, которой я ничем не в силах заплатить и зашить. Я лучше решил переделать его, чем лишиться вовсе. Я выбросил весь генералитет. Характер Копейкина означил сильнее...» И дальше Гоголь с горькой иронией пишет: «...теперь видно ясно, что он всему причиною сам и что с ним поступили хорошо»¹. Новый вариант был создан и пропущен, наконец, цензурой². Но тема собственно цензуры выходит за пределы настоящей статьи, посвящённой вопросам мастерства писателя; поэтому, как и везде, мы будем сопоставлять лишь черновые рукописи и окончательный текст «Повести» без учёта тех изменений, которые пришлось сделать автору по цензурным соображениям.

¹ Письмо к П. А. Плетнёву от 10 апреля 1842 г.

² Так называемая «Цензурная редакция», т. VI, стр. 581.

Чем же была так важна для Гоголя «Повесть о капитане Копейкине», о чём свидетельствует его работа над ней? Ни в одном месте поэмы писатель-патриот не бросал свои обвинения так прямо в лицо правительству, как в этой повести. В ней противопоставляются лица, стоящие на крайних ступенях социальной лестницы: с одной стороны, всемогущий самодержец всероссийский и его министры, с другой — маленький человек, «бедняга» капитан Копейкин, о нищенском положении которого говорит сама его фамилия.

С огромной силой присущего ему гениального сатирического дара Гоголь в лице надменного, бездушного вельможи-самодура разоблачает всю антинародность правящих кругов самодержавно-бюрократического государства. Подобострастное рассуждение почтмейстера, рассказывающего повесть о дерзкой, с его точки зрения, настойчивости капитана Копейкина, добивающегося пенсии («не сойду с места до тех пор, пока не дадите резолюцию»), объективно даёт уничтожающую характеристику сановной знати: «Ну... можете представить: отвечать таким образом вельможе, которому стоит только слово, так вот уж и полетел вверх тарашки, так что и чорт тебя не отыщет...» И дальше почтмейстер, с непоколебимой уверенностью в его непреложной истинности, излагает тот «закон дистанций», который лежал в основе чиновной иерархической лестницы: «Тут если нашему брату скажет чиновник, одним чином поменьше, подобное, так уж и грубость. Ну, а там размер-то, размер каков: генерал-аншеф и какой-нибудь капитан Копейкин! 90 рублей и нуль!» (гл. X, стр. 204). Воспитанный на чинопочитании, почтмейстер искренне негодует на дерзость Копейкина. Эта речь, ярко характеризующая и самого рассказчика — почтмейстера, появилась лишь в окончательном тексте, заменив собой всего несколько строк черновой редакции: «И министр, сударь мой, вышел из себя [1 нрзб.], можете себе представить, ещё может быть [1 нрзб.] в летописях, так сказать, не было, чтобы какой-нибудь осмелился так говорить с министром; чиновный там у него народ, можете себе представить, всё это на подобострастии...» (гл. X, стр. 527). В окончательном тексте характеристика вельможи получает следующее выразительное завершение: «Генерал, понимаете, больше ничего, как только взглянул, а взгляд — огнестрельное оружие: души уж нет — уж она ушла в пятки. А мой Копейкин, можете вообразить, ни с места, стоит, как вкопанный. «Что же вы?» говорит генерал и принял его, как говорится, в лопатки. Впрочем, сказать правду, обошёлся он ещё довольно милостиво: иной бы пугнул так, что дня три вертелась бы после того улица вверх ногами...» (гл. X, стр. 204).

Развёртывая тему социального неравенства, раболепия и

трепета перед властью имущими, Гоголь тщательно разрабатывает сцену выхода вельможи к просителям, ожидающим его в приёмной. В первоначальном тексте почтмейстер повествовал таким образом: «Ждёт мой Копейкин часа четыре, как вот входит, наконец, адъютант или там другой, понимаете, чиновник: «Министр», говорит, «сейчас выйдет в приёмную». А в приёмной уж, понимаете, народу [битком набито]¹ бездна, как бобов на тарелке, пятиклассные, а кое-где торчат даже и толстые золотые макароны, видны и эполеты. Генералитет» (гл. X, стр. 525). В окончательный текст Гоголь вводит строки, в которых даёт противопоставление чиновников высших классов мелким чиновникам — «холопам»: «Ждёт мой Копейкин часа четыре, как вот входит, наконец, адъютант или там другой дежурный чиновник: «Генерал», говорит, «сейчас выйдет в приёмную». А в приёмной уж народу, как бобов на тарелке. Всё это не то, что наш брат холоп, всё четвёртого или пятого класса, полковники, а кое-где и толстый макарон блестит на эполете—генералитет, словом, такой» (гл. X, стр. 201). Вслед за этим Гоголь вводит новую сцену — сцену выхода вельможи, замечательную по остроте сатиры и художественной выразительности: «Вдруг в комнате, понимаете, пронеслась чуть заметная суета, как эфир какой-нибудь тонкой. Раздалось там и там: «шу, шу», и наконец тишина настала страшная. Вельможа входит. Ну... можете представить себе: государственный человек! В лице, так сказать... ну, сообразно с званием, понимаете... с высоким чином... такое и выражение, понимаете. Всё, что ни было в передней, разумеется, в ту же минуту в струнку, ожидает, дрожит, ждёт решения, в некотором роде судьбы» (гл. X, стр. 201). А каковы эти решения, и какая судьба, в частности, ждёт инвалида Отечественной войны, можно судить по тому ответу, который получает Копейкин от министра на своё ходатайство о пенсии. В первоначальном тексте стояло: «Ступайте, говорит: в а с м н о г о, говорит, е с т ь т а к и х...» (гл. X, стр. 527). В окончательном тексте Гоголь не оставляет у читателя никаких сомнений в том, что пренебрежительный ответ сановника относится именно к героям Отечественной войны: «... у м е н я м н о г о р а н е н ы х, все они имеют равное право. В о о р у ж и т е с ь т е р п е н и е м» (гл. X, стр. 203—204).

Всю трагичность положения Копейкина в случае отказа ему в пенсии Гоголь подчёркивает следующими словами, содержащимися в тексте, вписанном автором на полях одной из черновых рукописей:

«...последний кусок доедаю, не поможете, должен умереть в некотором роде с го-

¹ Слова, данные в скобках, вычеркнуты в черновой рукописи самим Гоголем.

лоду» (гл. X, стр. 525—526). Эти слова переходят затем в окончательный текст.

Писатель-патриот стремится предельно усилить политическую заострённость своей поэмы. Так, например, в «Повесть» вводится упоминание о поваре-французе. Тем самым вносится ещё одна разоблачающая черта в обрисовку столичного уклада жизни. Гоголь даёт выразительный контраст между нищим, голодным героем Отечественной войны, и поваром-французом в голландском белье и в фартуке, «белизною равном снегам» (гл. X, стр. 203). Первоначально в черновой рукописи не было указаний на иностранное происхождение повара; в следующем черновом тексте он уже называется «иностранцем», а в окончательной редакции подчёркивается, что этот повар — француз. И сейчас он, недавний враг России, благоденствует, а капитан Копейкин, один из тех героев, которые отстаивали независимость родины, остаётся без куска хлеба.

Рядом с этим особенно трагично звучит введённое в окончательный текст сравнение капитана Копейкина с пуделем, которого повар облил водой. Повествуя о Копейкине, не получившем от вельможи ожидаемого положительного ответа, почтмейстер говорит: «Вот он совой такой вышел с крыльца, как пудель, понимаете, которого повар облил водой: и хвост у него между ног и уши повесил» (гл. X, стр. 202).

Весьма существенной является работа Гоголя над концом «Повести». Не добившись никаких результатов в своих хлопотах о пенсии, капитан Копейкин по приказу генерала был выслан с фельдъегерем из Петербурга. В окончательном тексте повесть завершается следующими словами: «Итак, куда делся Копейкин, неизвестно; но не прошло, можете представить себе, двух месяцев, как появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь мой, не кто другой...» (гл. X, стр. 205).

Судя по сохранившейся черновой рукописи, в замысле автора было показать, что шайка разбойников, о которой глухо говорится в окончательном тексте (гл. X, стр. 205), на самом деле состояла из беглых солдат, таких же обездоленных участников Отечественной войны, как и «бедняга» капитан Копейкин. Вот этот текст: «Набрал там (В рязанских лесах.—Л. С.) из разных беглых солдат некоторым образом банду целую. Это было, можете себе представить, тотчас после войны... Просто армия... По дорогам никакого проезда нет, и всё это, понимаете, собственно, так сказать, устремлено на одно только казённое... казне изъян ужасный» (гл. X, стр. 528—529). Эти слова содержат явный намёк на волнения крепостной солдатской массы — ополченцев, которые, по возвращении с войны, вновь попадали в прежние тяжёлые условия крепостного гнёта. Как ни старался Гоголь замаскировать серьёзность

такой социально-острой темы народного протеста комической речью почтмейстера, рассказывающего «Повесть», ему была ясна невозможность оставить этот текст, и Гоголь сам снимает его, не доведя работу до конца.

Анализ работы Гоголя над «Повестью о капитане Копейкине» подтверждает, насколько эта «Повесть» является идейной кульминацией поэмы, логическим завершением её замысла. Как мы видели, Гоголь в «Мёртвых душах» не раз сопоставлял описываемые им характеры и явления провинциальной жизни с подобными же характерами и явлениями в среде столичного дворянства. Включая в поэму «Повесть о капитане Копейкине», действие которой происходит в Петербурге, направляя острие своей сатиры на представителей правящей верхушки, Гоголь тем самым подчёркивает, что разоблачаемая им действительность типична для феодально-крепостнического государства в целом.

* * *

В руках революционных демократов творчество Гоголя стало сильнейшим оружием в борьбе против самодержавно-крепостнического строя николаевской России.

Некрасов называл Гоголя, наряду с Белинским, «заступником народным» («Кому на Руси жить хорошо»). А Герцен, прочтя «Мёртвые души», записал в своём дневнике: «Современный вопрос (вопрос крепостного права. — Л. С.) так болезненно повторялся, что я готов был рыдать».

Как же дан образ народа в поэме «Мёртвые души», о чём свидетельствует работа Гоголя над ним? Остановимся прежде всего на тех местах поэмы, где рисуется угнетённое положение народа в самодержавно-крепостнической России.

Наряду с подробным описанием помещичьих усадеб Гоголь создаёт не менее выразительный образ крепостной деревни. Вспомним нищую деревню Плюшкина: «Какую-то особенную ветхость заметил он (Чичиков. — Л. С.) на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на них оставался только конёк вверху да жерди по сторонам в виде рёбра...» (гл. VI, стр. 111). Первоначально отсутствовавшая деталь — жердирёбра на крышах изб — неизбежно вызывает в воображении читателя образ голодных обитателей этих изб. Кроме того, в процессе работы вводится ещё одна подробность, характеризующая крайнее разорение плюшкинской деревни. Это — ветхая бревенчатая мостовая, брёвна которой «как фортепьянные клавиши подымались то вверх, то вниз, и не оберегшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собствен-

ными зубами откусить пребольно хвостик собственного же языка» (гл. VI, стр. 111).

В рукописях поэмы мы не раз встречаем черновые наброски Гоголя, которые по тем или иным причинам не нашли своего развития и окончательного воплощения; тем не менее они дают нам возможность проанализировать и глубже осмыслить идейный замысел поэмы. К таким черновым наброскам относится, например, текст, который ещё раз подчёркивает замысел Гоголя показать в своей поэме резкий контраст между нищенским существованием народа и благополучием дворянско-помещичьей усадебной жизни. Этот контраст давался в черновиках сопоставлением закопчённых деревенских изб и господского дома (в усадьбе Манилова), сияющего яркой белизной: «Белые стены господского дома, облитые ярким светом солнца, производили яркую противоположность в сравнении с тёмными и закопчёнными крестьянскими избами. Казалось, солнце было здесь неуместно» (гл. II, стр. 253 — 254). Текст остался недоработанным и в поэму не вошёл.

Отношение помещиков к крепостному народу с предельной яркостью нашло своё выражение в основной сквозной теме поэмы — купле и продаже человеческих душ. Гоголь затушёвывает политическую остроту этой темы необычностью «товара»: ведь Чичиков скупает мёртвые души. Но торговые сделки происходят так же, как если бы души были живые. Человек — предмет торговли, вот что прежде всего разоблачает и клеймит Гоголь в своей антикрепостнической поэме. Приведём исключительный по своей выразительности пример работы автора над сценой торга у Собакевича. В черновой рукописи стояло: «Какая ж будет ваша последняя цена?» сказал наконец Собакевич. — «Два с полтиною». — «Вы даёте, как будто за горох или за грибы» (первая сохр. ред., гл. V, стр. 297). В окончательном тексте стоимость души ещё больше снижена: она приравняется уже не к гороху и грибам, а к самому дешёвому продукту — к пареной репе: «Право, у вас душа человеческая всё равно, что пареная репа» (гл. V, стр. 105).

Жестокое, бесчеловечное обращение помещиков с крепостными Гоголь особенно ярко показывает, вводя в текст восьмой главы совет управляющего казёнными фабриками новоиспечённому помещику Чичикову, чтоб он держал купленных им крестьян «в ежовых рукавицах, гонял бы их за всякий вздор, да и не то чтобы полагаясь на другого, а чтобы сам-таки лично, где следует, дал бы и зуботычину и подзатыльника». Этот совет прерывается репликой одного из собеседников: «Зачем же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Он может найти и управителя» (гл. VIII, стр. 155).

И вот, желая показать крепостническую иерархию, Гоголь вводит в поэму ранее отсутствовавшую развёрнутую характеристику «управителя». В первоначальной редакции он только упоминается (*гл. II, стр. 263*). Это — приказчик прекраснодушного мечтателя Манилова, который «поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее...» (*гл. II, стр. 33*). Тут же рассказана и его биография, рисующая ступени восхождения будущего «управителя» по иерархической лестнице от «грамотного мальчишки» до всевластного приказчика: он «был прежде просто грамотным мальчишкой в доме, потом женился на какой-нибудь Агашке-ключнице, барыниной фаворитке, сделался сам ключником, а там и приказчиком» (*гл. II, стр. 33*). До барина (Манилова) не доходит самоуправство приказчика, притесняющего бедноту. Погружённый в свои фантазии, он преступно равнодушен к тому, что делается вокруг. Единственный раз в поэме крестьяне ненадолго заняли внимание Манилова и его супруги. Это случилось тогда, когда они «трудились» над перепиской реестра проданных Чичикову мёртвых душ, стараясь сделать это как можно красивее. В окончательную редакцию Гоголь вводит следующую сцену: «Вдруг Манилов вынул из-под шубы бумагу, свёрнутую в трубочку и связанную розовою ленточкой, и подал очень ловко двумя пальцами.

— Это что?

— Мужички.

— А!

Он (Чичиков. — *Л. С.*) тут же развернул её, пробежал глазами и подивился чистоте и красоте почерка: «Славно написано», сказал он. «Не нужно и переписывать. Ещё и каёмка вокруг! Кто это так искусно сделал каёмку?»

— Ну, уж не спрашивайте, — сказал Манилов.

— Вы?

— Жена.

— Ах, боже мой! мне, право, совестно, что нанёс столько затруднений.

— Для Павла Ивановича не существует затруднений.

Чичиков поклонился с признательностью» (*гл. VII, стр. 140*).

Гоголь в своей поэме не ограничивается показом эксплуататорского, бесчеловечного отношения помещиков к своим крепостным. Он стремится показать бесправное положение народа, эксплуатацию его самим самодержавно-крепостническим государством, его бюрократическими учреждениями. В окончательном тексте, где описывается совершение Чичиковым купчей в казённой палате, мы читаем: «Даже председатель дал приказание из пошлинных денег взять с него только половину, а другая, неизвестно каким образом, отнесена была на счёт какого-то другого просителя» (*гл. VII, стр. 148*). В одной

из черновых рукописей вслед за этим текстом идёт следующий необработанный отрывок в форме лирического отступления: «Так уж исстари всегда водилось на свете. Богатому ничего не нужно платить, нужно только быть богаты. Ему и место дадут славное, и в ход пустят, и деньги останутся в шкатулке; платит только тот, которому нечем платить» (*вторая ред., гл. VII, стр. 452*). Последние строки с особенной выразительностью свидетельствуют о том, что Гоголь смотрел на современную ему действительность не с точки зрения господствующих классов, а глазами эксплуатируемого народа. Но ему нередко приходилось ослаблять острую политическую направленность своей гениальной поэмы, вычёркивая тот или другой неприемлемый для царской цензуры текст.

Не будь Гоголь великим реалистом, можно было бы ожидать, что трудовой народ в целом будет противопоставлен правящим классам, как живые души мёртвым. Но жизнь продиктовала Гоголю иное. Белинский писал об унижении положения народа в самодержавно-крепостнической России, «где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками», и, «поверив своим барам, сами себя не считают за людей»¹. На страницах поэмы, начиная с первой же главы, мы встречаем этих людей, искалеченных крепостным правом. Это лакей Чичикова Петрушка, которому при чтении нравилось лишь то, «что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чорт знает что и значит» (*гл. II, стр. 20*). Это кучер его, «на всё согласный» Селифан, для которого порка нечто вполне закономерное: «Почему ж не посечь, коли за дело? на то воля господская» (*гл. III, стр. 43*). Это — бестолковые дядя Митяй и дядя Миняй (*гл. VI, стр. 91*), девчонка Пелагея, не знающая, «где право, а где лево» (*гл. III, стр. 59*), безответные Прошки, Машки, Андрюшки. Назвав в черновой рукописи дворовую девушку Парашей, Гоголь тут же вычёркивает это имя и, в соответствии с жизненной правдой, заменяет его «кличкой» Машка (*вторая ред. гл. IX, стр. 449*).

Но Гоголю, «поэту действительности», было ясно, что ограничиться изображением в поэме только людей, искалеченных крепостным правом, значило бы исказить эту действительность. Ему было хорошо известно, что далеко не весь народ безответно и покорно нёс на себе ярмо рабства. Одни выражали свой протест бегством от помещиков, другие вступали в прямую борьбу против своих угнетателей; число крестьянских восстаний росло из года в год, приобретая всё более массовый характер.

Сличение черновых рукописей с окончательным текстом показывает нам стремление Гоголя, поэта-историка, отразить

¹ В. Г. Белинский, Собр. соч., в трёх томах, ГИХЛ, 1948, т. III, стр. 708—709.

эти события реальной действительности и включить в поэму наряду с Селифанами, Петрушками, и Митяями и Миньями совсем иные образы людей из народа. Так, в окончательный текст поэмы вводится рассказ о судьбе беглого крестьянина Абакума Фырова, который, возлюбивши «вольную жизнь», бежал на Волгу и пристал к бурлакам (*гл. VII, стр. 139*). В этом тексте, рисуя широкий размах и поэзию народной жизни, чувствуется твёрдая вера Гоголя в силу живой души простого русского человека: «Где теперь Фыров? Гуляет шумно и весело на хлебной пристани, порядившись с купцами. Цветы и ленты на шляпе, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь с любовницами и жёнами, высокими, стройными, в монистах и лентах; хороводы, песни, кипит вся площадь...» А затем изображается погрузка баржи: «Носильщики... между тем при криках, бранях и понуканьях, зацепляя крючком по девяти пудов себе на спину, с шумом сыпят горох и пшеницу в глубокие суда, валят кули с овсом и крупой, и далече виднеют по всей площади кучи наваленных в пирамиду, как ядра, мешков, и громадно выглядывает весь хлебный арсенал, пока не перегрузится весь в глубокие суда-суряки и не понесётся гусем вместе с весенними льдами бесконечный флот. Там-то вы работаетесь, бурлаки! И дружно, как прежде гуляли и бесились, приметесь за труд и пот, таща лямку под одну бесконечную, как Русь, песню»¹.

Но, как мы знаем, Гоголь не ограничивается показом бегства крепостных крестьян от своих помещиков; несмотря на цензурные рогатки, гениальному поэту-историку удалось отразить в своей поэме и более активный протест закрепощённого народа. В окончательный текст восьмой главы Гоголь вводит тему крестьянских волнений, отсутствовавшую в черновых рукописях поэмы. Делает это Гоголь в сугубо замаскированной форме. Работая над сценой, где дворянское общество города N охватывает тревога по поводу крестьян, купленных Чичиковым, Гоголь включает в неё следующий текст: «Многие сильно входили в положение Чичикова, и трудность переселения такого огромного количества крестьян их чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между таким беспокойным народом, каковы крестьяне Чичикова» (*гл. VIII, стр. 155*). Предельный комизм этого

¹ Интересно отметить, что в год выхода «Мёртвых душ» Герцен писал в своём дневнике: «Грустно в мире Чичикова, так, как грустно нам в самом деле; и там, и тут одно утешение в вере и уповании на будущее. Но веру эту отрицать нельзя, и она... имеет реалистическую основу, кровь как-то хорошо обращается у русского в груди». И дальше Герцен рисует картину бурлацкой жизни, поразительно совпадающую с описанием, данным в поэме: «Я часто смотрю из окна на бурлаков, особенно в праздничный день, когда подгулявши, с бубнами и пением они едут на лодке... и потом в бурю — какая дерзость, смелость...» (Соч., т. VI, 1905, стр. 13—14).

положения — бунт мёртвых душ! — и послужил Гоголю как бы маскировкой, давшей ему возможность ввести в заблуждение цензуру и отразить один из типичнейших моментов классовой борьбы своего времени.

Гоголю удалось показать в поэме даже характер тех мер, которыми царское правительство искореняло «буйный дух» закрепощённого народа. В упомянутом тексте, отсутствовавшем в первоначальной редакции, мы читаем: «Многие предложили свои мнения насчёт того, как искоренить буйный дух, обуревавший крестьян Чичикова. Мнения были всякого рода: были такие, которые уже чересчур отзывались военною жестокостью и строгостью, едва ли не излишнею... многие, побуждаемые участием, сообщали даже Чичикову лично некоторые из сих советов, предлагали даже конвой для безопасного препровождения крестьян до места жительства. За советы Чичиков благодарил, говоря, что при случае не преминет ими воспользоваться, а от конвоя отказался решительно, говоря, что он совершенно не нужен, что купленные им крестьяне отменно смирного характера, чувствуют сами добровольное расположение к переселению и что бунта ни в каком случае между ними быть не может» (гл. VIII, стр. 155—156).

Далее в том же тексте Гоголь с тонкой иронией приводит самонадеянные слова полицмейстера о том, что «бунта нечего опасаться, что в отвращение его существует власть капитан-исправника, что капитан-исправник хоть сам и не ездит, а пошли только на место себя один картуз свой, то один этот картуз погонит крестьян до самого места их жительства» (гл. VIII, стр. 155). А между тем известно, что несмотря на всю жестокость репрессий, николаевское правительство было бессильно справиться с нараставшими из года в год крестьянскими волнениями. И далее Гоголь, неизменно верный действительности, в следующей, девятой главе рассказом о расправе крепостных с земской полицией разрушает эту близорукую уверенность «представителя власти»: «Казённые крестьяне селца Вшивая-спесь, соединившись с таковыми же крестьянами селца Боровки, Задирайлово-тож, снесли с лица земли будто бы земскую полицию, в лице заседателя, какого-то Дробяжкина... Земскую полицию нашли на дороге, мундир или сертук на земской полиции был хуже тряпки, а уж физиогномии и распознать нельзя было» (гл. IX, стр. 194).

Описание этого события, как мы видим, даётся в условной и осторожной форме. Но наряду с этим Гоголь в окончательном тексте с большой точностью и безусловностью передаёт всю силу негодования и возмущения крестьян против своих притеснителей, вводя выражение «снесли с лица земли» вместо мало понятного и комически звучащего слова «у контропошили».

Отображая положение угнетённого народа и его борьбу против крепостнической действительности, Гоголь одновременно показывает, какие огромные творческие силы и возможности таятся в русском народе.

Рядом с безнравственными в своей праздности Маниловыми и Ноздрёвыми в поэме проходят образы трудолюбивых и одарённых людей из народа — кузнецы, плотники, столяры, каретники, кирпичники, сапожники, ткачихи. «Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнёт, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо...» (гл. V, стр. 102); «Пробка Степан, плотник... все губернии исходил с топором за поясом» (гл. VII, стр. 136); «славные работницы, сами салфетки ткнут» (гл. III, стр. 52) и т. д.

Исключительную талантливость, трудолюбие и выдержку народа волей-неволей признают сами владельцы крепостных душ: «Русский человек способен ко всему и привыкает ко всякому климату. Пошли его хоть в Камчатку, да дай только тёплые рукавицы, он похлопает руками, топор в руки и пошёл рубить себе новую избу» (гл. VIII, стр. 154). И естественно, что в завершающем поэму лирическом отступлении, где Гоголь даёт образ птицы-тройки, в процессе работы появляется тема народа и образ того искусного мастера, который снарядил и собрал этот «дорожный снаряд». Приведём один из сохранившихся черновых отрывков этого текста и его окончательную редакцию.

Черновой текст

Эх, тройка, птица-тройка, кто выдумал [тебя]? Ты могла родиться, знать, только в той земле, что не любит шутить, а ровнем гладнем разметнулась, да и поди считай вёрсты. И же хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным винтом, а наскоро топором [2 нрзб] (черновые отрывки к гл. XI, стр. 689).

Окончательный текст

Эх, тройка! птица-тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать вёрсты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьём с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик (гл. XI, стр. 246—247)

Если мы вспомним, что реальный образ тройки непосредственно переходит в символический образ Руси-тройки, несущейся вдаль, то тогда станет ясно, какое большое значение имело включение в окончательный текст образа народа и создателя тройки — «ярославского расторопного мужика».

Читателю становится ясно, что будущее родины мыслится Гоголем в неразрывной связи с образом народа-творца.

В процессе работы над пятой главой поэмы в текст вводится характеристика народного ума и развёртывается характеристика народной речи, лишь намеченная в первоначальной

редакции (гл. V, стр. 301). В характеристике русского ума подчёркивается самостоятельность, живость мысли русского человека, а также меткость, точность и выразительность его слова: «А уж куды бывает метко всё то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племён, а всё сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его как наседка цыплят, а вlepливает сразу, как паспорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы—одной чертой обрисован ты с ног до головы!»¹ (гл. V, стр. 109). Вслед за этим Гоголь вводит также отсутствовавший в первоначальной редакции (гл. V, стр. 301) текст, в котором характеризует различные европейские языки и отмечает то существенное, что отличает русский язык от языков других народов, — его способность передать силу и широту русской натуры, живой трепет жизни и глубокую сердечность русского человека. Посмотрим работу Гоголя над заключительными словами этого текста.

Черновой текст.

Но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, значительно и [которое бы] вместе бы так кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово (Черновыя отрывки гл. V, стр. 597).

Окончательный текст

...нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово (гл. V, стр. 109).

Как мы видим, определение «вырвалось из-под самого сердца» было найдено Гоголем не сразу: в черновой редакции оно ещё отсутствовало. А между тем именно это свойство русского человека — сердечность — было для Гоголя драгоценно. В одиннадцатой главе, говоря о песне, несущейся по Руси «от моря до моря», Гоголь пишет: «Что в ней, в этой песне? Что зовёт, и рыдает, и хватает за сердце...» (гл. XI, стр. 220—221). Знаменательно, что более чем через полвека А. М. Горький в статье «О русском искусстве» (1917 г.) также утверждал: «Русское искусство — прежде всего сердечное искусство»².

Показав характер и силу ума русского человека, меткость и глубину его слова, глубокую сердечность, Гоголь в завершающей поэму одиннадцатой главе рисует героический образ народа-богатыря. В представлении автора поэмы этот образ неотъемлем от широких просторов родной земли. Сравнение

¹ Меткость и выразительность русской народной речи Гоголь отмечает в следующих строках: «Потом пошли осматривать водяную мельницу, где не доставало порхлицы, в которую утверждается верхний камень, быстро вращающийся на веретене, порхающий, по чудному выражению русского мужика» (гл. IV, стр. 73—74). Подчёркнутые слова во второй редакции гл. IV поэмы ещё отсутствовали.

² М. Горький, О Родине, Гослитиздат, 1945, стр. 48.

чернового отрывка с окончательным текстом лирического отступления одиннадцатой главы отчётливо показывает направленность работы Гоголя. Приведём эти два текста.

Черновой текст

Окончательный текст

У! Как грозно, мощно объемлет величавое пространство. Какая широкая сила и замашка заключилась во мне! У! как несут меня могучие мысли! Силы святые! в какую даль! [Что же я?] В какую сверкающую, чудную, незнакомую землю, даль? Что же я? Человек ли я? Эх. (*Черновые отрывки к гл. XI, стр. 643*).

Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырью, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русы! (*гл. XI, стр. 221*).

В приведённом черновом отрывке лирический герой поэмы сосредоточивается главным образом на своих переживаниях, восхищаясь полётом своих мыслей и размахом своих творческих сил («У! как несут меня могучие мысли!»). В окончательном тексте личность лирического героя оттесняется могучим образом народа-богатыря и размышлениями о великом будущем родной земли («Что пророчит сей необъятный простор?»). Вместе с тем он ощущает теперь свою творческую силу как отражение силы этого народа-богатыря («И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей...»).

Подлинно патристического пафоса достигает Гоголь в образе Руси-тройки, завершающем поэму. Напомним этот текст: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился поражённый божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? И что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несёшься ты, дай ответ? Не даёт ответа...» (*гл. XI, стр. 247*).

В процессе работы над этим текстом автор освобождает его от бытовых выражений, имевшихся в черновых рукописях и нарушавших высокий лиризм этих строк. Так, например,

в одном из первоначальных черновых отрывков стояло: «И вот она понеслась, и только вскрикнул остановившийся по дороге пешеход, поднявши шапку», а также: «Русь, куда несёшься ты? не слышит, махнула рукой только» (*Черновые отрывки к гл. XI, стр. 689*). Подчёркнутые выражения в окончательном тексте отсутствуют.

Но самым существенным в работе Гоголя над образом Руси-тройки является включение в окончательный текст последних, торжественно заключающих поэму строк, которых не было ни в одном из известных черновых отрывков: «Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» (*гл. XI, стр. 247*).

Так Гоголь нашёл те слова, которые осмысливают «Мёртвые души» как поэму, полную глубокой веры в будущее России, в её великую ведущую роль среди других народов и государств.

В результате анализа работы Гоголя над поэмой «Мёртвые души» может быть сделан ряд существенных выводов. Белинский определил гениальную поэму Гоголя, как творение социальное, историческое. Сравнение черновых рукописей с окончательным текстом блестяще подтверждает такую характеристику. Гоголь осуществил то, о чём он писал Жуковскому ещё в начале работы над своим произведением: «Вся Русь явится в нём». В процессе постепенного развёртывания работы всё более и более широкий круг социальных явлений охватывался писателем. Как мы видели, Гоголь сумел отразить в поэме даже острую классовую борьбу своего времени, выразившуюся во всё более нараставшем крестьянском движении и в жестоких правительственных репрессиях.

В поэму полностью вошла современная Гоголю действительность. Прочтя «Мёртвые души», Чернышевский в своём студенческом дневнике 5 августа 1848 г. записал: «Велик, истинно велик! ...вся жизнь русская, во всех её сферах исчерпывается им».

Одним из средств, которое дало возможность Гоголю осуществить поставленную им перед собой задачу — представить в поэме всю Русь, — был приём типизации образов. В процессе работы явления поместной дворянской жизни, разоблачаемой Гоголем, распространялись на высшее дворянство и чиновничество. Вспомним, что «кулак» Собакевич и «дубинноголовая» помещица Коробочка оказались в кровном родстве с сановными государственными деятелями столицы. Наблюдения над работой Гоголя убедительно подтверждают, что писатель воплощал в «Мёртвых душах» «не частное и случайное, но общее и необходимое, которое даёт колорит и смысл всей его эпохе» (Белинский).

Сличение различных редакций позволяет также утверждать, что одновременно со всё большим охватом явлений современной ему действительности Гоголь стремится найти возможно более точную и глубокую социальную характеристику своих героев. Напомним, что в процессе работы появляются в поэме такие ранее отсутствовавшие характеристики, как «хозяин, приобретатель» (Чичиков), «человек-кулак» (Собакевич), «так называемые патриоты», накапливающие себе капиталы «на счёт сумм нежно-любимого отечества» и т. д.

Следующий вывод, который нам позволяют сделать наблюдения над работой Гоголя, это его стремление предельно заострить разоблачение самодержавно-крепостнического строя николаевской России в целом. «Мёртвые души» становятся подлинно социальной сатирой. Вспомним хотя бы направление работы Гоголя над теми местами поэмы, в которых изображается положение крепостного народа, — над «Повестью о капитане Копейкине» и др.

И, наконец, наблюдение над процессом создания поэмы даёт нам ряд выразительных примеров работы Гоголя над характеристикой писателя-реалиста и его творческого метода. В поэме появляется такое блестящее по своей точности определение творческого процесса писателя, как «наука выпытывания» явлений до «первоначальных причин». Это определение, с исключительной полнотой вскрывающее познавательную природу художественного образа, является основным положением реалистической эстетики Гоголя.

Всё более развёртывая в процессе работы образ нового писателя — реалиста и сатирика, Гоголь тем самым освещает в своей поэме крупнейшее событие в истории русской культуры — рождение литературы критического реализма.

Приведённые примеры работы Гоголя над текстом «Мёртвых душ» не исчерпывают всей огромной работы писателя.

В статье даются лишь те примеры, которые преподаватель может использовать в своей работе при изучении поэмы в классе. Материал статьи может быть использован во всей системе уроков по изучению поэмы. Так, например, во вступительном занятии, рассказывая об идейном замысле «Мёртвых душ», преподаватель привлекает ряд примеров из первой части статьи, в которой раскрывается работа Гоголя над характеристикой нового направления в литературе. Это поможет ярче раскрыть основные черты реалистической эстетики в тех блестящих формулировках, которые были даны Гоголем в лирических отступлениях. При выборочном чтении отдельных мест поэмы, характеризуя идейно-художественные особенности мастерства Гоголя, преподаватель использует те

примеры, где анализируется работа Гоголя над языком действующих лиц поэмы. Наиболее полно материал, характеризующий речь персонажей, должен быть введён в урок, посвящённые отдельным героям произведения, а также в урок, посвящённый роли, месту и значению народа в поэме.

Если преподаватель сумеет пронизать занятия отдельными яркими примерами работы писателя над текстом, то в заключительном занятии, после того как будет выяснено идейно-художественное значение поэмы, учащиеся сами смогут сделать выводы о величайшем труде, который вкладывает писатель, создавая своё гениальное произведение.

Методика работы с текстами может быть многообразна. В ходе чтения или анализа произведения преподаватель сам сообщает учащимся те или иные черновые варианты, чтобы ярче и выпуклее прозвучал окончательный текст поэмы. Другим приёмом использования материала, предложенного в данной статье, будет самостоятельная работа учащихся над текстом. Для этого должен быть заготовлен специальный раздаточный материал в виде карточек. На них преподаватель следующим образом наносит предлагаемые к разбору тексты. Карточка делится на две равные части. На левой стороне её помещается отрывок из чернового текста, направо — окончательный текст. В черновом и окончательном текстах подчёркиваются те слова, которые претерпевают изменения в ходе работы автора. Учащиеся, работая над этими карточками под руководством учителя, приходят к выводу о том, насколько каждый момент в работе над поэмой был подчинён основной задаче — «чтобы выступила наружу глубина содержания». Вступлением к такой работе может быть разбор одного-двух примеров, написанных крупно на специальной таблице большого размера, чтобы её мог видеть весь класс. Этот разбор даёт необходимые навыки для последующей самостоятельной работы над карточками под руководством преподавателя.

Не нужно думать, что мы предлагаем построить анализ всей поэмы и всех её образов таким путём. Разнообразие приёмов — один из залогов успешного усвоения учебного материала.

По отзывам учителей, подобная методика работы содействовала созданию рабочего настроения в ходе урока, вызывала живой интерес всего класса и в результате приводила к прочному, твёрдому усвоению наиболее трудного материала.

И наконец, необходимо отметить, что учащиеся, войдя в творческую лабораторию писателя, начинают понимать всё огромное значение культуры речи. Это, естественно, должно вызвать у них самих стремление овладеть своим родным языком.

Н. МУРАВЬЁВА и П. РОЩИН

К 100-летию СО ДНЯ СМЕРТИ Н. В. ГОГОЛЯ

(Обзор литературы)

Отмечая 100-летие со дня смерти Н. В. Гоголя, «Правда» писала 4 марта 1952 г. в передовой статье:

«Творец гениальных произведений, он содействовал развитию общественного самосознания своего народа, прославил русскую литературу, внёс неоценимый вклад в мировую культуру. Им по праву гордится наша родина, его имя с уважением произносят во всех концах света... Гениальные художественные произведения Гоголя, его неумирающая сатира служили, служат и будут служить народу...

Грозное оружие гоголевского смеха обличало... тёмное царство поработителей народа. Сатирическое обличение эксплуататорского строя великим художником слова вызывало чувство ненависти к деспотизму, содействовало росту демократического освободительного движения».

Именно за это правдивое слово, которое нёс Гоголь в народ, так ненавидели его правящие круги самодержавно-крепостнической России и при жизни писателя, и после его смерти. В угоду правящим классам представители реакционного буржуазно-дворянского литературоведения пытались извратить сущность творчества Гоголя, выдвигая одну за другой теории должностяющие обезвредить его революционное значение.

Продажные литераторы Булгарин и Сенковский при жизни Гоголя, Дружинин и его единомышленники, представители теории «искусства для искусства» после его смерти встали во главе похода против Гоголя, пытались опорочить его величайшие реалистические произведения «Ревизор» и «Мёртвые души», называя их «грязными творениями, недостойными искусства».

В 30—40-х годах защите Гоголя от нападок реакционной критики много сил отдал великий революционный демократ В. Г. Белинский. Именно благодаря критическим статьям и выступлениям Белинского Гоголь становился для демократической России одним из её вождей на пути прогресса.

В последующие годы Чернышевский, Добролюбов и Некрасов продолжили борьбу за Гоголя — народного заступника, величайшего писателя-реалиста, пробуждавшего сознание народных масс. «... давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России», — писал Н. Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы»¹.

Против традиций революционных демократов во взглядах на литературу и, в частности, на творчество Гоголя позднее объявили поход буржуазные декаденты.

Буржуазное литературоведение выдвинуло теорию «двух природ» Гоголя и утверждало его зависимость от западноевропейской литературы, главным образом от реакционных романтических типа Гофмана и Тика.

Правильному осмыслению творчества Гоголя в советском литературоведении долгое время мешала вульгарно-социологическая теория, объявлявшая Гоголя реставратором и апологетом феодализма.

Перед советскими литературоведами встала задача — дать исторически-научное истолкование творчества Гоголя, разоблачить фальсификаторские теории буржуазного литературоведения. Отправляясь от лучших традиций революционно-демократической критики в оценке творчества Гоголя, советское литературоведение успешно разрешает стоящую перед ним задачу. За последние годы появился ряд исследовательских работ о Гоголе, в которых методологические вопросы, связанные с изучением его творчества, решаются с научно-исторических позиций (работы В. Ермилова, А. Еголина, С. Машинского, Н. Мордовченко и др.).

Особенно значительный вклад в научную разработку творчества Гоголя внесли советские литературоведы в связи со 100-летним юбилеем со дня его смерти.

Большое количество статей и заметок, посвящённых Гоголю, появилось в центральной и местной печати (перечень важнейших из них мы публикуем ниже).

«Правда» 4 марта 1952 г. посвятила Гоголю передовую статью, которая указывает советским литературоведам, в ка-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. III, М., 1949, стр. 11.

ком направлении должна идти исследовательская работа над литературным наследием Гоголя.

Основным проблемам творчества Гоголя посвящена статья В. Кружкова в четвёртом номере журнала «Большевик» за 1952 г. «Гоголь велик как писатель-реалист, гневно обличавший в своих художественных произведениях «тёмное царство» крепостников-помещиков, как замечательный художник слова. Но политическое мировоззрение Гоголя было противоречивым и неустойчивым», — говорится в этой статье.

Таким образом, руководящие органы нашей печати указывают советским литературоведам на необходимость научно-исторического подхода в изучении многогранного и сложного облика великого художника слова.

Именно таким многогранным и сложным и предстаёт перед нами Гоголь в статьях, помещённых в мартовских и других номерах наших журналов за 1952 г.

Проблеме «Гоголь — великий реалист» посвящены упомянутая выше статья В. Кружкова «Великий русский писатель Н. В. Гоголь», редакционная статья третьего номера журнала «Пропагандист и агитатор» за 1952 г., статьи: М. Добрынина «Н. В. Гоголь — великий русский писатель» («Московский пропагандист», № 2), Н. Богословского «Гоголь — поборник реализма и народности» («Новый мир», № 3), И. Сергиевского «Великое наследие Гоголя» («Звезда», № 3) и Б. Бурсова «Белинский о реализме Гоголя» («Звезда», № 3).

Руководствуясь указанными статьями, учитель может правильно наметить основные методологические вопросы, связанные с изучением творчества Гоголя (творчество Гоголя как отражение определённого исторического момента в национальном развитии России; противоречивость мировоззрения Гоголя; роль и значение творчества Гоголя в развитии русской литературы и русского освободительного движения), правильно наметить тематику и проблематику творчества Гоголя (героизм, мужество, беззаветная удаля народа и его неистребимая ненависть к врагам родины — «Тарас Бульба»; народные обычаи и нравы, народная жизнь в её свободном проявлении — «Вечера на хуторе близ Диканьки»; протест против социального неравенства, против унижения личности — «Петербургские повести»; обличение господствующих классов самодержавно-крепостнической России — «Ревизор»; обнажение паразитической сущности господствующего класса дворян, выставление их «на всенародные очи» — «Мёртвые души» и т. д.).

В статье Н. Богославского («Знамя», № 3) выдвигается мало ещё разработанная нашим литературоведением тема — Гоголь как литературный критик. Автор утверждает, что «провозглашённые Гоголем взгляды на задачи литературы, равно как и его художественные произведения, в огромной мере способствовали обновлению русской эстетической мысли, созда-

нию основ самобытной реалистической эстетики, явившейся высшим достижением мировой эстетической мысли XIX столетия». Проследившая развитие взглядов Гоголя на литературу и её назначение, Н. Богословский касается важнейших его работ в этой области. Анализ критического этюда «Несколько слов о Пушкине», статьи «О движении журнальной литературы» и высказываний Гоголя в его письмах позволяет сделать вывод, что «в своих ранних критических работах Гоголь выступал как литературный союзник Белинского. Во многих случаях у них можно видеть не только сходные решения отдельных вопросов, не только близость выводов, но иногда и почти дословные совпадения формулировок».

Н. Богословский указывает на то исключительно важное место, которое занимает статья Гоголя «Петербургские записки 1836 года» в истории борьбы русской критики за самобытный национальный театр, за его реалистические основы.

Остановливается автор статьи и на высказываниях Гоголя о творческом процессе писателя, и на его лингвистических трудах — собирании материала для словаря живой русской речи, подчёркивая прогрессивность взглядов Гоголя на язык: «Он рассматривал язык не как нечто застывшее и неизменное, а как непрестанно развивающееся, движущееся вперёд и постоянно обогащающееся».

В работе Н. Богословского правильно поставлен важный вопрос о значении литературно-критического наследия Гоголя и намечены конкретные пути его исследования.

Разработку некоторых тем творчества Гоголя, намеченных нами выше, учитель найдёт в статьях М. Храпченко, посвящённых драматургии Гоголя и его героической повести «Тарас Бульба» («Октябрь», № 1 и 3), в статье В. Ермилова «Тарас Бульба и петербургские повести Н. В. Гоголя» («Знамя», № 3).

В статье В. В. Ермилова дан глубокий идейно-художественный анализ повести «Тарас Бульба» и петербургских повестей Гоголя. (Статья в несколько изменённом виде входит в книгу о Гоголе того же автора как её составная часть.)

Проблеме «Революционные демократы в борьбе за Гоголя» посвящена статья В. Жданова, опубликованная в мартовском номере журнала «Новый мир». Эта проблема уже не раз разрабатывалась нашими литературоведами (работы С. Машинского, Н. Мордовченко, А. Еголина, Н. Степанова). Внимание, которое уделяют ей исследователи, вполне оправдано, ибо творчество Гоголя имело особо важное значение для великих революционных демократов как знамя в борьбе за развитие русского критического реализма.

В статье В. Жданова дан краткий, но содержательный очерк основных этапов этой борьбы; глубокий смысл её «становится особенно ясным в свете тех положительных идеалов, которые рисовались Белинскому, Чернышевскому, Герцену».

В заключение автор отмечает, что эстетическая программа борьбы революционных демократов за передовое искусство нашла своё продолжение и развитие в нашу, советскую эпоху.

Проблеме «Гоголь и современность» посвящена статья А. Н. Дубовикова «Наследие Гоголя в наши дни» («Литература в школе», № 1). В статье намечены основные линии разработки этой важной темы. Автор отмечает громадное прогрессивное влияние Гоголя на весь характер развития русской реалистической литературы XIX в., а вместе с тем «великое национальное значение Гоголя, творчество которого было отражением освободительной борьбы русского народа против дикого крепостничества и самодержавной тирании». Это значение было правильно понято и установлено великими русскими революционными демократами. Чернышевский, «не закрывая глаза на ошибки писателя, не пытаясь затушевать их... утверждал непреходящее значение великих заслуг Гоголя перед родиной и потомством».

«Именно таково отношение к Гоголю советских людей, — утверждает автор статьи. — Советским людям близко и дорого заветное убеждение Гоголя, которое он пронёс через всю свою жизнь, — убеждение в том, что писатель своими произведениями должен служить народу. Пафос гражданственности, острое чувство современности, глубина постижения жизни и, наконец, сила патриотизма — горячей, кровной любви к родине, — эти чувства, воодушевлявшие Гоголя, находят горячий отклик и в наши дни». А. Н. Дубовиков на живых примерах показывает живое, действенное влияние лучших, прогрессивных идей творчества Гоголя на современную советскую литературу.

Отмечая громадное историко-познавательное значение произведений Гоголя, которые «для передовых кругов русского общества 30—40-х годов явились подлинным учебником жизни», А. Н. Дубовиков вместе с тем правильно утверждает, что «произведения Гоголя для нас—это не только своего рода исторический документ исключительной ценности; это «старое, но грозное оружие», отнюдь не покрывшееся ржавчиной и сохраняющее в полной мере свою разящую силу». Образы, созданные Гоголем, благодаря глубоким обобщениям в типизации характеров, пережили историческую эпоху, породившую их, и в наши дни живут новой жизнью. Это показывает автор статьи на применении гоголевских образов великими вождями советского народа В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

Той же проблеме «Гоголь и наша современность» посвящена статья Ан. Тарасенкова («Новый мир», № 3). К сожалению, приходится отметить, что намеченная тема недостаточно раскрыта в этой статье. Справедливо обличая вульгарных социологов, пытавшихся «прикрепить» Гоголя к тем или иным группировкам дворянства, Ан. Тарасенков выдвигает в противовес

весьма расплывчатое толкование творчества великого реалиста, видя в нём некое общее выражение «самого духа нашей нации». Следует заметить, что этот «дух нации» никак нельзя считать чем-то неизменным на всех ступенях исторического развития нашего народа.

Конкретного решения вопроса о том, какой исторический период в национальном развитии России отразился в творчестве Гоголя, статья не даёт. Не найдёт в ней читатель и отчётливых выводов по вопросу о новой жизни гоголевских образов в условиях нашей современности, о звучании творчества Гоголя за рубежом и т. д.

Гоголь — величайший художник слова. Его произведения глубоко поэтичны, могучи по силе и яркости образов. Хороший материал о работе Гоголя над образом и словом учитель найдёт в статьях Л. Мышковской («Октябрь», № 2), А. И. Ефимова «Значение Н. В. Гоголя в истории русского литературного языка» («Русский язык в школе», № 1), В. В. Голубкова «Художественное мастерство Н. В. Гоголя» (статья в расширенном виде вошла в настоящий сборник).

В статье Мышковской дан анализ работы Гоголя над созданием образа (из повести «Старосветские помещики», поэмы «Мёртвые души» и других произведений Гоголя).

В статье приведены интересные примеры работы Гоголя над языком его героев. Сопоставляя ряд редакций произведений Гоголя, Мышковская показывает, какую огромную работу проделывал Гоголь над каждой фразой, каждым словом, прежде чем придать им окончательную форму. (Этой же теме посвящена статья Л. Случевской «Работа Н. В. Гоголя над «Мёртвыми душами», включённая в настоящий сборник.)

В статье А. И. Ефимова «Значение Н. В. Гоголя в истории русского языка» коротко, но с достаточной конкретностью и убедительностью освещена борьба Гоголя за чистоту, целостность и всемерное обогащение общенародного русского и литературного языка. Вместе с тем автор статьи устанавливает громадное влияние великого художника слова на дальнейшее развитие русского языка в творчестве писателей-реалистов второй половины XIX в.

Значительное место уделено автором борьбе Гоголя с антинародными жаргонами: воспроизведению и пародированию в его произведениях салонно-дворянского жаргона, особенно остро высмеянного писателем в речи дам города N («Мёртвые души»), чиновничьего жаргона («Ревизор», «Мёртвые души»), церковно-богословского («Сорочинская ярмарка»), купеческо-торгашеской жаргонной лексики и т. п. А. И. Ефимов делает заключение, что, «воспроизводя различные элементы этих жаргонов, Гоголь обличал их носителей как людей, оторвавшихся от народа и ненавидящих русский народ и его язык». Наблюдения Гоголя над салонно-дворянским жаргоном, отразившиеся

в его творчестве, могут служить, как указывает А. И. Ефимов, прекрасной иллюстрацией к положению, высказанному в трудах И. В. Сталина о языке: «Русские аристократы одно время тоже баловались французским языком при царском дворе и в салонах. Они кичились тем, что, говоря по-русски, заикаются по-французски, что они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом»¹.

Конкретному анализу образа Чичикова посвящена статья М. Б. Храпченко («Литература в школе», № 1).

Анализу этого образа посвящены специальные главы и в монографии М. Б. Храпченко о «Мёртвых душах», которую мы рассмотрим ниже.

Методические указания по вопросу о том, как изучать в VIII классе творчество Н. В. Гоголя, преподаватель найдёт в статье С. А. Смирнова («Литература в школе», № 1).

Автор вкратце устанавливает содержание основных этапов работы учителя над данной темой, указывает на задачи повторения и приёмы раскрытия нового материала. В статье рекомендуются темы сочинений для восьмиклассников по творчеству Гоголя и наглядные пособия для оснащения уроков.

Последний вопрос следовало бы развернуть более детально, чем это сделал автор.

* * *

Глубокую разработку основных методологических вопросов, связанных с изучением творчества Н. В. Гоголя, учитель найдёт в ряде вышедших за последние годы книг и брошюр о творчестве и жизни Гоголя (В. Ермилова, С. Машинского, М. Храпченко, М. Мальцева, Д. Иофанова, Н. Онуфриева и др. (см. библиографию в конце обзора)).

Одной из наиболее значительных и развёрнутых новых работ о Гоголе является книга В. В. Ермилова «Н. В. Гоголь»². «Цель книги — исследование идейно-художественных особенностей творчества великого писателя. Автор не ставит своей задачей полное изложение биографии Гоголя, а также исчерпывающий анализ каждого его произведения», — указывается в кратком предисловии.

Естественно, что при сравнительно небольшом объёме исследования невозможно было бы требовать от автора полного разрешения поставленной им перед собой задачи, т. е. исчерпывающего анализа особенностей творчества Гоголя — одного из оригинальнейших художников в мировой литературе. Советскому литературоведению предстоит ещё серьёзная работа в этом направлении. Однако, несмотря на некоторую свою эскиз-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1951, стр. 17—18.

² «Советский писатель», М., 1952.

ность, книга В. В. Ермилова представляет большой интерес и ценность как талантливый опыт исследования художественного творчества великого писателя в единстве формы и содержания. Книга отличается живым творческим характером, идейной остротой и эмоциональностью изложения. Одно из главных достоинств работы Ермилова именно в том, что пафос научного исследования сочетается в ней с яркой публицистичностью. Автор сумел создать живую, волнующую книгу о Гоголе, интересную как для специалиста-литературоведа, так и для массового читателя.

В первой главе даётся общая характеристика Гоголя как великого писателя, приводятся наиболее авторитетные высказывания о нём, затем в общих чертах разрешается вопрос, чем было вызвано к жизни творчество Гоголя, и устанавливается его связь с историческим периодом. В этой же главе от краткой характеристики исторического момента автор переходит к вопросу о самой личности Гоголя и рассматривает первый этап его духовного и творческого формирования. Вторая глава посвящена анализу «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Третья глава — анализу повести «Тарас Бульба». В четвёртой главе делаются важные обобщения об основном пафосе творчества Гоголя и характере его юмора и сатиры. В пятой главе эти положения развиваются на конкретном анализе повестей «Миргорода». Шестая глава посвящена «Петербургским повестям»; седьмая — комедии «Ревизор» и, наконец, восьмая — анализу «Мёртвых душ». Заключительная глава, которая подытоживала бы и обобщала все богатые наблюдения, сделанные автором, в книге, к сожалению, отсутствует.

Общая концепция, лежащая в основе исследования, представляется нам правильной и плодотворной, хотя и не до конца разработанной.

Отвечая в первой главе на вопрос о социально-исторической почве, на которой выросло творчество Гоголя, В. В. Ермилов пишет: «Творчество Гоголя было вызвано к жизни и вдохновлено дальнейшим поступательным развитием русского национального самосознания, связанным со славной эпопеей 1812 года, с могучим общенациональным подъёмом и ростом русского освободительного движения, с именами Пушкина и Грибоедова».

Бесспорно, что творчество Гоголя знаменовало собой рост национального самосознания, однако рост этот связан не только с теми важными обстоятельствами, которые отмечены в приведённой формулировке. Характер развития русской культуры в 30-е годы определялся в первую очередь дальнейшим углублением вопиющих противоречий общественной жизни, в основе которых лежали причины экономического порядка.

Таким образом, ответ на вопрос, чем было вызвано к жизни творчество Гоголя, в рассмотренной нами формулировке не по-

лон. Правда, в последующем изложении, когда автор переходит к характеристике 30-х годов — поры николаевской реакции, он существенно дополняет сказанное им выше и отмечает, что рост прогрессивных идей отражал «нарастание крестьянского недовольства и усилившийся кризис феодального строя». «Отражение крестьянского недовольства и определило демократические идеи Белинского и Гоголя».

Однако характеристика исторического периода даётся в книге элементарно, без достаточной конкретности и углублённости. В результате и вопрос об отражении реальных противоречий исторического периода в творчестве и мировоззрении Гоголя не получает глубокой разработки.

Рассматривая вопрос о творческом формировании Гоголя, Ермилов правильно подчёркивает, что оно определяется высокой идеей патриотического служения родине. Но юношеские иллюзии Гоголя о возможности такого служения на поприще государственной деятельности разбиваются при столкновении с действительностью казённо-чиновного Петербурга. Первые попытки творчества («Ганц Кюхельгартен») оказались неудачными. Наступает кризис в развитии сознания юного Гоголя. Спасает его творческий гений и обращение к народу. Решающую роль на этом этапе его формирования играет Пушкин, вслед за которым Гоголь обращается к поэзии народной жизни; под влиянием Пушкина определяются эстетические идеалы Гоголя. Носителем красоты и правды является народ. Это утверждает Гоголь на протяжении всего своего творчества, это составляет пафос первых его произведений. Но народ угнетён и подавлен. Именно «контраст между силой и красотой народа и его подавленностью и угнетением с громадной силой отражается в творчестве Гоголя». «Противоречие, мучившее Гоголя, было главным противоречием его эпохи», — отмечает Ермилов; это «противоречие общественных форм русской жизни с её субстанциальным содержанием», по выражению Белинского.

Слияние народности с демократизмом в полной мере осуществляется в повести «Тарас Бульба». В этой героической эпопее отсутствует, как подчёркивает Ермилов, противоречие в разрешении проблемы народ—государство, характерное для Пушкина в его «Медном всаднике».

Переходя к последующему этапу творчества Гоголя, автор видит главный пафос писателя в его борьбе с «подлостью-пошлостью» господствующих классов, в разоблачении её, в срывании с неё масок благообразия. Сила отрицания, возрастающая в творчестве Гоголя, «равна его силе утверждения», — доказывает Ермилов. «Публичной казни» подлость-пошлость предана писателем в гениальной комедии «Ревизор», которая разоблачает самые основы николаевского строя. «И до сих пор беспощадная комедия Гоголя бьёт с полной си-

лой по наглой, тупой, мошеннической держиморде реакции» (стр. 200).

В. В. Ермилов показывает далее, как всё расширяются рамки гоголевской сатиры. Особой силы разоблачения достигает писатель в поэме «Мёртвые души». В ней трепещет «живая душа угнетённого народа», в ней звучит широкая «песня о вольной Руси», в ней сочетается «скорбь и вера в могучее, лучезарное будущее могучей родины». «Вера Гоголя в силу народную — источник его веры в будущее России», — утверждает В. В. Ермилов. Историческая новизна содержания «Мёртвых душ», как указывает исследователь, заключается и в том, что в этом произведении наряду с разоблачением крепостнической Руси разоблачается «денежный человек, носитель буржуазного индивидуализма и авантюризма» — Чичиков, «адвокат буржуазно-дворянского общества».

Выводы, вытекающие из поэмы Гоголя, это — «приговор эксплуататорскому обществу», осознание «несовместимости его законов с человеком и человечностью».

Таким образом, В. В. Ермилов раскрывает объективно-революционный смысл творчества Гоголя, которое, по словам Белинского, давало «сознание причины болезни через описание болезни».

«Произведения Гоголя внушали веру в то, что враг может и должен быть разбит».

Травля, поднятая в официальной прессе по выходе «Ревизора», смерть Пушкина, одиночество Гоголя — всё это, как отмечает исследователь, послужило началом глубокого кризиса в сознании Гоголя. Моменты реакционно-утопические, проступавшие порой в его творчестве и ранее (например, в повести «Портрет»), усиливаются. Здесь сказалось одиночество Гоголя, оторванность его от передовых кругов русского общества, отсутствие прочной социальной опоры. Вместе с утратой передовой общественной позиции Гоголь «начинает утрачивать и самую способность к художественному творчеству». «Осознание того, что он не может указать путь вперёд», — трагедия художника, которая ведёт его к гибели.

Этот тезис о «гибели художника», об окончательном переходе Гоголя на позиции реакции в последние годы его жизни, который звучит в конце книги, является всё же очень спорным. Мы вправе говорить о глубоком кризисе в мировоззрении писателя, о резком, мучительном для самого Гоголя обострении противоречий в его сознании и в его творчестве, но не о «гибели» его как писателя, не о безвозвратной утере им передовых позиций. Вторая часть «Мёртвых душ» свидетельствует о глубочайших противоречиях и заблуждениях Гоголя, но не об утрате им творческой силы, связанной с прогрессивными моментами в его творческом сознании.

В заключение Ермилов указывает на бессмертные заслуги

Гоголя, который «был первым из великих писателей, кто поставил задачей своего творчества, всей своей жизни разоблачение лжи и бесчеловечности того общества, для которого живая человеческая душа не представляет никакой ценности». Гоголь «раскрыл подлость-пошлость господствующих классов, утвердил гуманистическую традицию защиты маленького человека, слил в одно целое патриотизм с народностью и демократичностью».

Неоспоримое достоинство книги Ермилова в том, что в исследовании своём он постоянно исходит из творческого анализа самого художественного текста гоголевских произведений. Он даёт читателю не общие схемы, не тощие абстракции, а понимание живого духа гоголевских творений с их неповторимым поэтическим своеобразием, с их громадной силой общественного воздействия. Тем самым он не только углубляет понимание творчества Гоголя, но учит в то же время читателя чутко, внимательно относиться к каждому слову в тексте бессмертных произведений художественной прозы, развивает его художественный вкус, воспитывает в нём понимание подлинной красоты. В каждой главе книги можно отметить множество тонких и верных наблюдений над текстом, с помощью которых автору удаётся довести до читателя, сделать наглядными и выпуклыми важнейшие проблемы гоголевского творчества и вместе с тем показать нерасторжимую связь художественных приёмов Гоголя с идейной сущностью его произведений. Так, в главе, посвящённой «Вечерам на хуторе близ Диканьки», останавливает внимание анализ концовки повести «Сорочинская ярмарка». Превращение радости в грусть — одна из основных особенностей гоголевского творчества — объясняется здесь как одно из первых проявлений того противоречия, которое мучило писателя, — противоречия между красотой и силой народной жизни и угнетённым и подавленным состоянием народа.

По-новому, самостоятельно и свежо объясняется соотношение фантастики и реальности в «Вечерах на хуторе...».

Новизной и тонкостью отличаются наблюдения над портретами Екатерины и Потёмкина в повести «Ночь перед рождеством»; исследователь показывает роль детали, роль каждого слова в художественной ткани произведения и в то же время раскрывает те принципы новой демократической эстетики, которые закладывались в творчестве Гоголя и послужили в дальнейшем одной из основ эстетической теории революционных демократов.

В анализе повести «Тарас Бульба» такая особенность, как сочетание эпоса с открытой широкой лирикой, объясняется в связи с идейной основой этой народной героической эпопеи.

Очень удачно использован первый вариант «Записок сумасшедшего» как одно из ярчайших проявлений открытого вступ-

ления писателя в битву с господствующей подлостью-пошлостью.

Такие художественные приёмы Гоголя, как овеществление людей, внешний алогизм повествования («Повесть о том, как поссорился...»), рассматриваются Ермиловым как художественное претворение и отражение внутренних закономерностей той действительности, которую изображает Гоголь. Ценные наблюдения сделаны при анализе «Петербургских повестей». При объяснении смысла образа Пискарёва («Невский проспект») и отношения к нему автора Ермилов обращается к композиции повести, к соотношению персонажей, а не только к прямым высказываниям автора о своём герое, и доказывает, что Гоголь разоблачает в этом «манифесте русского реализма» «ложное идеальничание».

В анализе повести «Коляска» указывается на связь сюжета гоголевских произведений с характерами, изображёнными в них. На принципах типизации Гоголя, «внешней исключительности, а по существу подлинной типичности» его персонажей исследователь специально останавливается в главе, посвящённой анализу комедии «Ревизор».

Приём «овеществления людей» получает углублённое толкование в анализе «Мёртвых душ». В этой же последней главе книги сделаны наблюдения, касающиеся борьбы Гоголя за общенародный язык, его разоблачений бездушного, лживого жаргона господствующих классов.

На протяжении всего исследования автор стремится установить связь эволюции творчества Гоголя с эволюцией его мировоззрения и с самой реальной действительностью. Однако последний момент порой выступает недостаточно отчётливо. Как уже указывалось, вопрос об отражении в творчестве Гоголя реальных противоречий исторического периода нуждается ещё в более углублённом толковании.

Интересная и ценная книга В. В. Ермилова безусловно сыграла бы, стала ещё полнее и убедительнее, если бы в ней ярче и конкретнее был раскрыт тот социально-исторический фон, на котором развивалось творчество Гоголя, если бы непосредственный анализ художественных особенностей гоголевских творений сочетался бы с показом той общественной и литературной борьбы, которая разгоралась в то время и находила своё отражение в творчестве писателя и его идейно-художественных особенностях. Это ни в какой степени не пошло бы вразрез с основной задачей книги, а только помогло бы её осуществлению.

Автор почти не останавливается в своём исследовании на моментах историко-литературного порядка. В книге правильно подчёркивается решающая роль Пушкина в творческом формировании Гоголя, этим автор и ограничивается. Вопрос о других литературных связях, о традиции и преемственности, каза-

лось бы, необходимый для раскрытия новаторства писателя, в исследовании В. В. Ермилова по существу не поднимается. Но надо думать, что этот вопрос и не входил в задачи автора, поскольку он стремился дать не столько академическое историко-литературное исследование, сколько живую, волнующую, доступную и интересную для широких читательских масс книгу о Гоголе; именно в таком плане и следует её рассматривать.

Книга В. В. Ермилова показывает читателю действенность и остроту гоголевских образов в наши дни, она заставляет понять, что обличительное слово Гоголя, направленное против эксплуататоров и поработителей народа, продолжает разить реакцию и столетие спустя.

Написана книга живым, красочным языком, изложение ведётся в приподнято-ораторских интонациях, которые в большинстве случаев вполне уместны и действенны. Но порой автор слишком увлекается восклицательными предложениями, эпитетами в превосходной степени и тому подобными «риторическими» приёмами.

Работа С. Машинского «Н. В. Гоголь» (Госкультпросветиздат, М., 1951) даёт правильное освещение основных этапов жизненного и творческого пути великого писателя, идейного смысла главных его произведений и, наконец, вопроса о борьбе революционных демократов за наследие Гоголя.

В маленьком введении к книге автор очень кратко очерчивает исторический период, с которым непосредственно связано творчество писателя, и касается вопроса о противоречиях в мировоззрении Гоголя.

Первая глава, «Гимназия высших наук», сообщает необходимые сведения о семье Гоголя и о его юных годах. Важнейшие факты этой поры жизни будущего писателя удачно отобраны и объяснены автором, который сосредоточивает внимание читателя на главном (влияние Белоусова, формирование мировоззрения юного Гоголя, его мечты о служении родине).

Во второй главе, «Пасичник Рудой Панько», обрисованы первые годы, проведённые Гоголем в Петербурге, и первые его шаги на литературном поприще. Поэма «Ганц Кюхельgarten» охарактеризована, пожалуй, чрезмерно кратко, её оценке посвящено всего несколько слов: «замысел Гоголя не получил глубокого художественного воплощения». Это ничего не даёт читателю. Общее понимание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» даётся в основном верно. «Главное в «Вечерах» — это вдохновенное и поэтическое изображение простого человека». «Духом народного творчества проникнута вся философия повестей» (стр. 54). Это истины бесспорные. Однако анализа художественных особенностей ранних произведений Гоголя в связи с их содержанием в книге С. Машинского мы не найдём.

Третья глава посвящена «Миргороду», «Тарасу Бульбе» и «Петербургским повестям».

Более развёрнуто и содержательно охарактеризована в этой главе повесть «Тарас Бульба». Общее толкование идейного смысла других произведений не вызывает возражений, но анализа художественной формы и здесь по существу нет. О языке мы читаем буквально общие фразы: «Язык Гоголя необычайно ярок, красочен, эмоционален» (стр. 84) и т. п..

В четвёртой главе освещается комедия «Ревизор», а вместе с тем даётся краткая характеристика состояния русской драмы в эти годы и взглядов Гоголя на театр.

В пятой главе книги автор касается работы Гоголя над «Женитьбой» и затем подробно останавливается на поэме «Мёртвые души». Ценно то, что в исследовании попутно с характеристикой отдельных произведений раскрывается и та литературная борьба, которая разгоралась вокруг творчества Гоголя. Это углубляет понимание значения его произведений для современников, понимание роли его творчества в формировании передовой общественной мысли, в развитии русского реализма.

В шестой главе книги «Духовная драма Гоголя» автор останавливается на последнем периоде творчества писателя и даёт, как нам представляется, довольно убедительное толкование глубокого идейного и духовного кризиса в его мировоззрении и творчестве. Наиболее сильным выражением этого кризиса С. Машинский считает «Выбранные места из переписки с друзьями». Но, как указывает исследователь, Гоголь не останавливается на занятых им в этой книге идейных позициях, он пересматривает их под влиянием «Письма» Белинского и отзывов Герцена. Во втором томе «Мёртвых душ» «большая и горькая правда жизни прорывалась рядом с фальшивой утопией».

Седьмая глава книги «Борьба за наследие Гоголя» особенно хорошо разработана в той части, где речь идёт о взглядах русских революционных демократов на творчество великого реалиста. Значительно слабее часть главы, характеризующая последующие этапы борьбы за наследие Гоголя. О борьбе за Гоголя в начале XX в. сказано всего несколько слов; вопроса же о борьбе советского литературоведения против искажений творчества великого писателя исследователь совсем не касается. Таким образом, глава не исчерпывает поставленной автором темы.

В «Заключении» к книге говорится о широте обобщений, сделанных Гоголем, о современной жизни его образов, об их использовании великими вождями трудящихся В. И. Лениным и И. В. Сталиным. «Гоголь помогает в нашей борьбе», — заканчивает свою книгу автор.

При ряде достоинств монографии С. Машинского (стройность концепции, широта охвата материала, правильность тол-

кования идейного смысла произведений писателя, анализ творчества на фоне литературной борьбы) в книге всё же ощущается существенный недостаток: нехватает внимания к вопросам художественной формы; общий смысл творений Гоголя объяснён привычно правильно, по формулам, данным ещё Белинским и Чернышевским, но красоты этих произведений, их оригинальности, особенностей их звучания читатель не воспримет, не почувствует, не поймёт, познакомившись с исследованием Машинского.

К гоголевским дням вышла в свет монография М. Б. Храпченко¹, посвящённая значительнейшему произведению великого сатирика-реалиста—его бессмертной поэме «Мёртвые души».

Эта книга представляет особую ценность и интерес для преподавателя, во-первых, потому, что анализ «Мёртвых душ» — центральная тема изучения творчества Гоголя в средней школе; во-вторых и главным образом, потому, что книга М. Б. Храпченко даёт богатый, новый материал, отличается стройностью и систематичностью изложения, широтой охвата вопросов, и, наконец, что особенно ценно, в ней даётся вдумчивый анализ особенностей художественной формы «Мёртвых душ» в связи с идейным содержанием произведения. Преподаватель много полезного почерпнёт из этого исследования: оно укажет ему пути анализа гоголевской поэмы, которые он успешно сможет применить в своей практической работе с учащимися.

Монография М. Б. Храпченко состоит из двенадцати глав, каждая из которых посвящена одной из важных сторон общего анализа произведения. Первая, вводная глава освещает творческий путь Гоголя до создания «Мёртвых душ». В ней автор даёт краткий очерк исторического периода, намечает основные линии в развитии русской общественной мысли 30—40-х годов и подчёркивает влияние прогрессивных идей эпохи на творческое формирование Гоголя.

Вторая глава посвящена важнейшей теме — раскрытию идейной сущности «Мёртвых душ» и основных принципов художественного отражения жизни в поэме. Автор указывает, что основная тема произведения — «это тема о путях развития России, о её настоящем и будущем». Образами ничтожных и мелких людей, «хозяев жизни», Гоголь противопоставляет «образ великой Руси». «Здесь и раскрывается идея произведения, заключающаяся в отрицании устоев господствующего класса, в отрицании общественного застоя во имя прогресса, во имя развития творческих сил народа, нации».

Рассматривая принципы раскрытия характеров в гоголевской поэме, исследователь отмечает, что важнейшим средством

¹ М. Б. Храпченко, «Мёртвые души» Н. В. Гоголя, изд. Академии наук СССР, М., 1952.

выявления ведущих черт психологии героев в «Мёртвых душах» служит для Гоголя показ их отношения к крепостнической собственности.

Гоголевские принципы художественного отражения жизни продолжают и развивают принципы критического реализма, утверждённые в нашей литературе Пушкиным,—делает вывод М. Б. Храпченко.

В главе третьей, «Образы помещиков», даются краткие, но содержательные характеристики представителей поместного дворянства в «Мёртвых душах». Автор книги подчёркивает, что неизбежный результат изображения помещиков у Гоголя — это осознание несправедливости и исторической несостоятельности крепостного права.

В четвёртой главе анализируется образ Чичикова. Указывая на новизну этого буржуазного героя, подчёркивая «коммерческий, предпринимательный характер всей его деятельности», М. Б. Храпченко вместе с тем отмечает, что Чичиков «не вступает в резкий конфликт с хозяевами жизни, а как бы срастается с ними», что отражает исторические тенденции русской социальной жизни того времени.

Образам чиновников в «Мёртвых душах» посвящена шестая глава монографии. Здесь, как и в главе о помещиках, исследователь указывает основные принципы раскрытия характеров у Гоголя. Сущность представителей чиновно-бюрократической России раскрывается в их отношении к государственному долгу. Их «общность» — это «общность людей, живущих за счёт ограбления народа». Особое внимание уделяет М. Б. Храпченко раскрытию идейного смысла повести о Копейкине, которая расширяет и углубляет идейную концепцию поэмы.

Важные наблюдения и обобщения сделаны в шестой главе монографии «Народ в «Мёртвых душах». Народная тема в произведении «развёртывается шире и глубже, чем одно воплощение её в персонажах», — отмечает М. Б. Храпченко. Эта тема звучит в целом ряде лирических отступлений. «Тема народа соединяется в «Мёртвых душах» с темой России. В противопоставлении России подлинной мертвенному облику хозяев жизни и заключается основной смысл поэмы». М. Б. Храпченко останавливается в этой главе на вопросе о противоречивости идейных воззрений Гоголя и указывает, что объективно-революционные выводы, вытекавшие из поэмы, сталкивались с утопическими иллюзиями её автора. Противоречия в мировоззрении Гоголя особенно обостряются в 40-е годы, в последний период его творчества. Однако в первом томе «Мёртвых душ» реакционные иллюзии Гоголя ещё не нарушают жизненной правды; Гоголь создаёт «патриотическое произведение, оказавшее громадное воздействие на формирование революционного сознания».

Особенностям юмора и сатиры Гоголя М. Б. Храпченко

посвящает седьмую главу своего исследования. Источником комического для Гоголя была сама жизненная практика его героев; противоречие между их внешней значительностью, положением, которое они занимают в обществе, и их внутренней ничтожностью — это основа комизма гоголевских образов. Гоголь не прибегал к приёмам шаржа, памфлета, карикатуры, «сатирической обобщённости» он добивался раскрытием жизненно-реальных черт своих персонажей и определяющих их обстоятельств».

В главе восьмой, «Жанр, сюжет, композиция», автор книги показывает своеобразие построения поэмы, неразрывно связанное с её идейным замыслом, со стремлением Гоголя создать произведение, максимально насыщенное жизненным содержанием. Оспаривая выводы некоторых прежних исследователей о том, что «поэма Гоголя «Мёртвые души» якобы лишена отчётливой сюжетной основы», М. Б. Храпченко указывает, что основной сюжета произведения является покупка и продажа мёртвых душ. Развёртывая этот сюжет, Гоголь стремился к показу целостной картины русской жизни, а вовсе не к запутанным «ходам» и сложным сплетениям интриги. Опровергает М. Б. Храпченко и мнения некоторых исследователей о «слабости композиции» «Мёртвых душ», проследивая чёткое и глубоко продуманное построение первого тома поэмы.

Особый интерес представляет глава девятая, в которой раскрываются принципы типизации в «Мёртвых душах» и анализируются художественно-изобразительные средства поэмы. Исследователь останавливается здесь на всех основных художественных компонентах произведения; он рассматривает показ деталей, бытовые зарисовки в «Мёртвых душах», пейзаж, портрет, диалог, речевые характеристики героев, особенности повествовательной манеры автора и, наконец, специально останавливается на языке поэмы. В этой главе содержится ряд интересных новых наблюдений, касающихся художественного мастерства Гоголя, его работы над словом. «Чудесное владение богатством русской речи позволило Гоголю с несравненной силой изобразить жизнь, показать галерею образов, которые заключали в себе страстное обличение существовавшего общественного порядка, объективно раскрывали необходимость новых справедливых отношений», — таков вывод исследователя.

Несомненным достоинством монографии является освещение в ней общественно-исторической обстановки, в которой создавалась поэма, той идейной борьбы, которая разгорелась ещё при жизни Гоголя вокруг его гениального произведения и продолжилась и в последующие годы. Этот вопрос рассматривается в десятой главе.

Второму тому поэмы-романа посвящена одиннадцатая глава монографии. На основании ряда свидетельств

М. Б. Храпченко утверждает, что сохранившиеся главы второго тома не могут быть отнесены к последнему периоду работы Гоголя над «Мёртвыми душами». Эти главы были созданы, по-видимому, в 1843—1845 гг., в период жестокого кризиса в мировоззрении Гоголя. Противоречия в мировоззрении писателя, в его подходе к жизни и в творческом методе нашли резкое и острое отражение во втором томе «Мёртвых душ», сказавшись с особой силой в образах положительных героев. «Отступив от жизненной правды, встав на позиции консервативного дворянства, Гоголь потерпел жестокое поражение», — заключает исследователь.

В последней главе монографии делаются некоторые обобщения относительно роли «Мёртвых душ» в развитии русской литературы и их мирового значения. Общие линии, проведённые здесь, в основном правильны, но эта глава всё же менее разработана, чем главы, посвящённые конкретному анализу.

В заключение исследователь касается значения гоголевских разоблачений в буржуазной современности, но этот вопрос затронут крайне бегло, дальше общих слов автор не идёт.

Во вступительной и заключительной главах книги Храпченко хотелось бы найти более чёткие обобщения относительно мировоззрения и метода Гоголя. Отдельные высказывания по этому поводу в книге имеются, они сопутствуют анализу, что вполне закономерно, но их желательно было бы свести воедино, наметив отчётливую концепцию социально-исторических корней творчества Гоголя, объяснив соотношение сильных и слабых сторон в мировоззрении писателя, указав реальные источники и основания противоречий в его методе и мировоззрении. Этот вопрос ещё не разработан с достаточной глубиной и убедительностью ни в одной из вышедших работ о Гоголе, хотя пути к его разрешению намечены.

В охарактеризованных работах о Гоголе В. Ермилова, С. Машинского, И. Храпченко учитель найдёт весьма ценный материал по всем вопросам, связанным с изучением творчества Гоголя в средней школе. Как хорошее пособие для школы можно рекомендовать также книгу Мальцева «Гоголь в средней школе». В предисловии к книге автор указывает: «Настоящий очерк не претендует на всестороннее монографическое освещение гоголевских проблем, он имеет своей целью облегчить изучение в средней школе жизни и литературной деятельности Н. В. Гоголя... В основном при разработке отдельных тем автор придерживался программы средней школы». В книге Мальцева чёткий план, в общем верное разрешение методологических вопросов, связанных с изучением творчества Гоголя.

Однако в разрешении вопроса о мировоззрении Гоголя М. И. Мальцев в своей книге допускает некоторые ошибочные положения. Открывается книга введением, в котором автор рассматривает вопрос о громадной роли и значении творче-

ства Гоголя для развития русской литературы и русского освободительного движения, о социально-политической проблематике его творчества. С другой стороны, автор говорит о неопределённости социально-политических идеалов Гоголя, о том, что Гоголь не мог дать ответ на вопрос, каков будет общественный строй, который должен сменить порочный крепостнически-бюрократический строй, — что и явилось слабой стороной его мировоззрения, в конечном счёте приведшей его к идейному тупику, духовной драме.

«Духовная драма Гоголя была следствием кризиса дворянской революционности в тот период, когда ей на смену выступила крестьянская демократия, — пишет автор. — Перед угрозой крестьянской революции, которая должна была уничтожить класс господствующих дворян, до того прогрессивные деятели бросились в объятия реакции, чтобы объединёнными усилиями спасти своё социальное благополучие». Правильно наметив особенности социально-политической обстановки, сложившейся в России после поражения декабристов, автор, однако, пошёл не по пути углубления своих мыслей, а сделал неожиданный вывод о том, что политические требования Гоголя были «ограничены классовыми интересами прогрессивного дворянства, признававшего целесообразность уничтожения крепостного права, но сохраняя за собой господствующее положение в стране». Тем самым автор наделил Гоголя определённой системой политических и общественных взглядов, отнюдь не прогрессивных для того исторического периода. Конечно, Гоголь не мог согласиться с программой революционного демократа Белинского, выдвигавшего социалистические идеалы, но он и не мог полностью остаться в рамках идеалов дворянской государственности. Чернышевский отмечал в Гоголе «тесноту горизонта», т. е. недостаточность идейного развития, но это указание Чернышевского не имеет ничего общего с утверждением автора книги о защите Гоголем прав дворянства как господствующего сословия в стране.

М. И. Мальцев правильно отмечает, что «ведущим в творчестве зрелого Гоголя был пафос отрицания» и что наряду с этим пафосом идут и «напряжённые поиски идеала», которые завели Гоголя в лабиринт неразрешимых противоречий, ибо он «глубоко заблуждался в положительной программе, указывал на ложные пути оздоровления современного ему крепостнического общества». Более того, в конце своей жизни Гоголь пришёл к реакционным идеям защиты крепостническо-охранительных начал российского государства, но это не значит, что Гоголь в зрелый период своего творчества руководствовался идеалами дворянской государственности. Руководила Гоголем при создании им классических произведений беззаветная преданность интересам родины, которую он хотел бы видеть свободной от тех гнусных оков и

мерзостей крепостнического быта, разоблачению которых он посвятил свою жизнь. Важным фактором духовного кризиса, который пережил Гоголь в 40-х годах, явилась также жестокая общественная реакция, сковавшая страну, давлению которой Гоголь не смог противостоять. Длительное пребывание за границей, реакционное окружение, в которое он попал в Риме, довершили дело: Гоголь делает попытку «перейти на сторону царя», выпускает в свет «Выбранные места из переписки с друзьями». Но на этом не заканчивается духовная драма писателя. После письма Белинского Гоголю по поводу этой реакционной книги Гоголь готов отказаться от неё и «искупить свой грех новыми творениями, которые бы напомнили его прежние». В таких условиях Гоголь работал над вторым томом «Мёртвых душ».

Обратимся в этой связи к критико-биографическому очерку Н. Онуфриева.

Решение вопроса о противоречиях в мировоззрении Гоголя автор отнёс в последний, девятый, раздел очерка, давая оценку общественного значения творчества Гоголя. «В. И. Ленин высоко ценил обличительные идеи Гоголя, ставил Гоголя рядом с Белинским и говорил, что их идеи дороги «всякому порядочному человеку на Руси» — указывает автор очерка.

Великий сатирик обладал не только необыкновенной способностью подметить отрицательные явления в жизни, но и глубоким пониманием высокого назначения человека.

Реализм Гоголя несёт в себе не только идею отрицания, критику тёмных сторон жизни, он одновременно даёт представление и о положительных идеалах писателя. Речь идёт здесь не об идеале «благородного» помещика и чиновника... а о другом идеале, идеале подлинно человеческого общества, который проходит красной нитью почти через всё творчество Гоголя». И далее: «Но, осуждая жизнь дворянства и чиновничества, настаивая на типичности изображённых им страшных нравов, Гоголь не сумел сделать последовательных выводов из своих обличений, не решился осудить и отвергнуть само существование властвующих в стране рабовладельцев». Правильно установив само противоречие во взглядах Гоголя, Онуфриев, однако, в объяснении этого противоречия отошёл от того методологического образца, который оставил нам В. И. Ленин в статьях о Толстом. Онуфриев рассматривает противоречия в мировоззрении Гоголя не как результат определённых противоречий русской действительности, а главным образом как результат долгого пребывания Гоголя за границей, оторванности его от передовых умственных течений России того времени.

Такое одностороннее, прямолинейное решение вопроса о сложности и противоречивости мировоззрения Гоголя явно недостаточно.

Книга Д. Иофанова «Детские и юношеские годы Н. В. Гоголя» даёт преподавателю богатый фактический материал для лекции и окажет помощь в разрешении проблемы формирования личности и мировоззрения Гоголя. Исследование охватывает двадцатилетний период жизни Гоголя на Украине — со дня рождения до переезда в Петербург (1809—1829).

В книге четыре главы: «Страницы из семейной хроники Гоголей», «Гоголь в Полтаве», «Гоголь в Нежине» и «Дело о вольнодумстве». В приложениях к четвёртой главе публикуются материалы и документы «дела о вольнодумстве».

Конечной целью своего исследования автор ставит выяснение мировоззрения Гоголя в ранний период его жизни. Автор приходит к следующим выводам:

1) Детство и юность Гоголя проходили в обстановке начавшегося распада помещичье-натурального хозяйства, что наложило свой отпечаток на мировоззрение и творчество Гоголя.

2) Общение родителей Гоголя с передовой и высококультурной семьёй Капнистов способствовало формированию прогрессивных тенденций в мировоззрении Гоголя.

3) Духовное общение юного Гоголя с отцом способствовало созреванию демократических тенденций в его мировоззрении, а знакомство с произведениями отца оказало благотворное влияние на развитие в раннем творчестве Гоголя демократических и реалистических черт.

4) Главнейшими факторами, определившими развитие Гоголя в прогрессивном направлении, являются его общение ещё в детские годы с трудовым народом и огромное влияние на него передовой русской культуры.

5) Анализ писем юного Гоголя, его поступки и высказывания в Нежинской гимназии, его отношение к «делу о вольнодумстве» и поэма «Ганц Кюхельгартен» дают убедительное доказательство безусловной прогрессивности убеждений молодого Гоголя, созвучных убеждениям самых передовых людей его эпохи.

6) Консервативные взгляды, высказанные Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями», не были закономерными для юноши Гоголя, о чём свидетельствуют его письма.

7) Демократические и гуманистические тенденции в мировоззрении Гоголя, которые наметились ещё в детстве, окрепли и получили своё дальнейшее развитие в нежинский период его жизни. К моменту окончания Нежинской гимназии высших наук у Гоголя сформировались основные черты его прогрессивного мировоззрения.

Мы считаем выводы автора не лишёнными оснований, но недостаточно конкретными, точными и аргументированными.

В самом деле, если бы мы согласились с автором в том, что убеждения Гоголя были созвучны убеждениям самых передовых людей той эпохи, то должны были бы поставить его в один ряд с формирующейся революционной демократией, что отнюдь не соответствует исторической действительности. И если бы мы согласились с автором в том, что подобные убеждения Гоголя уже сформировались в период пребывания его в Нежинской гимназии, то должны были бы вообще снять вопрос о противоречивости и неустойчивости мировоззрения Гоголя, что также не соответствует исторической действительности. Произвольность подобных выводов очевидна. Как нельзя судить по письмам юного Гоголя к Данилевскому о том, что Гоголь уже в это время чуть ли не овладел реалистическим стилем (именно такой вывод делает автор книги на стр. 252), так нельзя на основании его писем к родителям и поведения в Нежинской гимназии прийти к выводу, что мировоззрение Гоголя было созвучно мировоззрению самых передовых людей той эпохи (стр. 198). Но помимо убеждений Гоголя о необходимости широкой трудовой деятельности для счастья и блага народа, автор не намечает каких-нибудь других сторон или особенностей мировоззрения Гоголя.

Заслуживает внимания как пособие для учителя при изучении в школе «Мёртвых душ» брошюра Е. С. Смирновой-Чикиной «Поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души» (изд. «Знание», М., 1952). Особенно удачна первая глава брошюры — «Система образов поэмы «Мёртвые души». В этой главе автору удалось показать, что поэма «Мёртвые души» явилась широкой картиной жизни 30-х годов XIX столетия. Поместное дворянство и чиновный город в изображении Гоголя правильно поставлены в непосредственную связь с жизнью широких масс крестьянства. В обрисовке жизни крестьян этого времени автор умело использует материал самой поэмы. Отсюда закономерен и вывод автора, что «резко критическое отношение (Гоголя) к крепостническим порядкам отражало интересы широких масс эксплуатируемого народа... делало его (Гоголя) выразителем их взглядов и стремлений».

Правильно намечены в брошюре основные черты Чичикова, в образе которого Гоголь разоблачил хищничество, аморальность и лицемерие дельцов буржуазного типа, хотя анализ образа Чичикова недостаточно развёрнут. Верно рассматривается также автором брошюры и творческая история второго тома «Мёртвых душ».

Слабой главой брошюры является глава третья — «Художественные особенности поэмы «Мёртвые души». Далее общих указаний на типизацию образов, юмор Гоголя и «вдохновенный, патетический лиризм» его поэмы автор брошюры не даёт.

Поможет, несомненно, в работе учителя-словесника и сборник «Н. В. Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников» (Детгиздат, М., 1951). Первая часть сборника включает в себя отрывки из писем и статей Пушкина, Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Немировича-Данченко, Луначарского.

Во вторую часть сборника вошли отрывки из статей и писем современников Гоголя: П. А. Кулиша, Т. Г. Пашенко, Н. П. Мундта, С. Т. Аксакова, И. И. Панаева, В. В. Стасова, П. В. Анненкова, А. П. Толчёнова, М. А. Щепкина и И. С. Тургенева.

Излишним является включение в сборник отрывка из статьи А. В. Луначарского о Гоголе. Она не только трудна для восприятия учащимися, но и частично искажает реальный облик Гоголя.

К сожалению, в стороне от внимания гоголеведов остался весьма существенный жанр исследования — научно-популярный художественный очерк о жизни и творчестве Гоголя. Критико-биографический очерк Н. Онуфриева не удовлетворит читателя, поскольку он написан в своей первой части в плохой традиции очерка школьного учебника. Беглое перечисление дат и фактов, разобщённых, не связанных единством мысли, лишённых жизненной красочности и полноты, — вот основной «принцип» подобного очерка. Живой облик писателя такой очерк воссоздать не в состоянии.

В феврале 1951 г. Учпедгизом была выпущена небольшая книжка в помощь учителю к проведению гоголевского юбилея в школе. В ней помещён очерк С. М. Флоринского о жизненном и творческом пути Гоголя. Следует отметить, что по сравнению с главой о Гоголе в школьном учебнике работа Флоринского, построенная в том же плане учебного пособия для средней школы, является значительным шагом вперёд как в методологическом, так и в методическом отношении. Очерк даёт правильное представление об основном пафосе гоголевского творчества, об источнике силы великого писателя — его патриотизме, его великой любви к народу, пронизывающей всё его творчество. Основные этапы эволюции Гоголя получают у С. М. Флоринского также убедительное толкование. По-новому, свежо толкуются «Вечера на хуторе близ Диканьки», с достаточной углублённостью охарактеризована поэма «Мёртвые души».

Мы не коснулись многих статей, помещённых в различных периодических изданиях, и некоторых брошюр, вышедших в свет к 100-летию юбилею со дня смерти Гоголя, но это и не входит в задачу нашего обзора, имеющего своей целью познакомить учителя-словесника с основными статьями и исследованиями, которые учитель может привлечь в своей работе над изучением творчества Гоголя в средней школе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Краткий список критических работ о Н. В. Гоголе за 1949—1952 гг.

- Ермилов В., Н. В. Гоголь, изд. «Советский писатель», М., 1952.
Иофанов Д. М., Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы, изд. Академии наук Украинской ССР, Киев, 1951.
Мальцев М. И., Н. В. Гоголь в средней школе, Томск, 1951.
Машинский С. И., В. Г. Белинский о Гоголе. Статьи, рецензии, письма, М., 1949.
Его же, Н. В. Гоголь, Госкультпросветиздат, 1951.
Мордовченко Н. И., В. Г. Белинский и русская литература его времени, М.—Л., Гослитиздат, 1950.
Онуфриев Н., Н. В. Гоголь. Критико-биографический очерк, Гослитиздат, 1952.
Смирнова-Чикина Е. С., Поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души», Всесоюзное об-во по распространению политических и научных знаний, 1952.
Степанов Н. Л., Белинский — историк и теоретик литературы (раздел «Белинский и Гоголь»), сборник статей, изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1949.
Щипунов П. Т., Николай Васильевич Гоголь, в книге «Русские драматурги. Научно-популярные очерки», изд. «Искусство», М.—Л., 1949.
«Н. В. Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников», Детгиз, М.—Л., 1951.
«Н. В. Гоголь. К 100-летию юбилею со дня смерти», Учпедгиз, 1952.
Храпченко М. Б., «Мёртвые души» Н. В. Гоголя, изд. Академии наук СССР, М., 1952.
Г. Н. Пospelов, Творчество Н. В. Гоголя, Учпедгиз, 1954.

Журнальные статьи о Гоголе за 1952 г.

- Акимов Ю., Великий русский писатель-патриот, «Пропагандист и агитатор», № 3, 1952.
Абрамович Г. Л., Народная мысль в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», «Учёные записки Московского областного пединститута», 1949, т. 13, вып. 1.
Богословский Н., Гоголь — поборник реализма и народности, «Новый мир», 1952, № 3.
Бурсов Б., Белинский о реализме Гоголя, «Звезда», 1952, № 3.
«Великий русский писатель», «Октябрь», 1952, № 3 (передовая статья).
Голубков В. В., Художественное мастерство Н. В. Гоголя. «Литература в школе», 1952, № 1.

Дубовиков А. Н., Художественное мастерство Н. В. Гоголя, «Литература в школе», 1952, № 1.

Добрынин М., Н. В. Гоголь — великий русский писатель, «Московский пропагандист», 1952, № 2.

Ефимов А. И., Значение Н. В. Гоголя в истории русского литературного языка, «Русский язык в школе», 1952, № 1.

Ермилов В., «Тарас Бульба» и «Петербургские повести» Н. В. Гоголя, «Знамя», 1952, № 3.

Жданов В., Революционные демократы в борьбе за Гоголя, «Новый мир», 1952, № 3.

Жданов В., Великий русский писатель-реалист, «Знамя», 1952, № 2.

Игорь Ильинский, Драматург-режиссёр, «Октябрь», 1952, № 3.

Кружков В., Великий русский писатель Н. В. Гоголь, «Большевик», 1952, № 4.

Лейтес Александр, Гоголь и его зарубежные «комментаторы», «Октябрь», 1952, № 3.

Литвинов В. В., Н. В. Гоголь, «Начальная школа», 1952, № 2.

Мышковская Л., Работа Гоголя над образом и словом, «Октябрь», 1952, № 2.

Райхин Д. Я., Язык Гоголя в поэме «Мёртвые души», «Литература в школе», 1952, № 2.

Сергиевский И., Великое наследие Гоголя, «Звезда», 1952, № 3.

Его же, Мировое значение Гоголя, «Новое время», 1952, № 9.

Слонимский А. Л., Смех Гоголя, «Октябрь», 1952, № 3.

Смирнов С. А., Как работать в VIII классе над темой «Н. В. Гоголь», «Литература в школе», 1952, № 1.

Тарасенков А., Гоголь и современность, «Новый мир», 1952, № 3.

Храпченко М., Драматургия Гоголя, «Октябрь», 1952, № 1.

Его же, «Тарас Бульба», «Октябрь», 1952, № 3.

Его же, Образ Чичикова, «Литература в школе», 1952, № 1.

Чуковский К., Гоголь и Некрасов, «Знамя», 1952, № 2.

Газетные статьи о Гоголе за 1952 г.

Акимов Ю., Журнальные статьи о Гоголе, «Литературная газета», № 7, 1 марта 1952 г.

Андронников И., Одна страница, «Литературная газета», № 28, 4 марта 1952 г.

Антонов С., Николай Васильевич Гоголь, документальный фильм о жизни и творчестве писателя, «Советское искусство», № 19, 5 марта 1952 г.

Белинский о Гоголе, «Известия», 2 марта 1952 г.

Благой Д., Великий русский писатель, «Правда», № 62, 2 марта 1952 г.

Богословский Н., Великий пример вдохновенного творчества, «Литературная газета», № 26, 28 февраля 1952 г.

Виноградов В., Великий русский художник слова, «Правда», № 64, 4 марта 1952 г.

Виноградов В., О языке Гоголя-сатирика, «Литературная газета», № 28, 4 марта 1952 г.

Головченко Ф., Достояние передового человечества, «Учительская газета», № 18, 1 февраля 1952 г.

Гуральник У., Гоголь и современность, «Учительская газета», № 15, 20 февраля 1952 г.

Евнин Ф., Глашатай реализма и народности. Взгляды Гоголя на драматургию и театр, «Советское искусство», № 16, 23 февраля 1952 г.

Еголин А., Великий русский писатель, «Известия», № 35, 10 февраля 1952 г.

Ермилов В., Доклад на торжественном заседании в связи с 100-

летием со дня смерти Н. В. Гоголя, «Литературная газета», № 29, 6 марта 1952 г.

«Издание произведений Н. В. Гоголя», «Правда», № 345, 11 декабря 1951 г.; «Известия», № 16, 19 января; № 45, 22 февраля.

Кречетова Е. и Костин И., По гоголевским местам, «Учительская газета», № 17, 27 февраля 1952 г.; «По гоголевским местам Москвы», № 7, 23 января.

Мейлах Б., Мировое значение Гоголя, «Литературная газета», № 12, 26 января 1952 г.

«На 38 языках». Об юбилейных изданиях произведений Гоголя, «Литературная газета», № 28, 4 марта 1952 г.

«Николай Васильевич Гоголь», «Правда», № 64, 4 марта 1952 г. (передовая статья).

«Открытие в Москве памятника Н. В. Гоголю», «Правда», № 63, 3 марта 1952 г.; № 64, 4 марта. Речи: Н. С. Тихонова, Л. М. Леонова и А. Е. Корнейчука.

«Памяти великого русского писателя Н. В. Гоголя. Открытие всесоюзной выставки в Москве», «Правда», № 69, 9 марта 1952 г.

«Памяти великого русского художника слова Н. В. Гоголя». Торжественное заседание в Большом театре СССР, «Правда», № 65, 5 марта 1952 г.

Петров С., Гоголь и Пушкин, «Московская правда», № 47, 24 февраля 1952 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
<i>Д. Д. Благой.</i> Великий русский писатель	3
<i>В. В. Голубков.</i> Изучение художественного мастерства Гоголя в средней школе	12
<i>Г. К. Бочаров и Н. В. Колокольцев.</i> Уроки по изучению повести «Тарас Бульба» в VI классе	46
<i>П. Г. Воробьёв.</i> Комедия «Ревизор» в практике изучения её в средней школе	61
<i>М. А. Беляев.</i> Изучение поэмы «Мёртвые души» в школе	91.
<i>Н. И. Бражник.</i> Повести «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» в плане внеклассного чтения и кружковой работы в VIII классе	159.
<i>Л. Случевская.</i> Работа Гоголя над «Мёртвыми душами»	187.
<i>Н. Муравьёва и П. Роцин.</i> К 100-летию со дня смерти Н. В. Гоголя (обзор литературы).	233.

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ
В ШКОЛЕ.

Редактор *П. Ф. Рошин.*
Художник *И. Николаевцев.*
Технический редактор
С. Г. Джатиев.

* * *

Сдано в набор 28/X-1953 г. Подпи-
сано к печати 11/VI-1954 г. 60×92¹/₁₆.
16,25 п. л. Уч.-изд. л. 16,58. Тираж
100.000 экз. А03175.

* * *

Учпедгиз. Москва, Чистые пруды, 6.
Заказ № 4580.

Типо-литография Крымиздата, г. Сим-
ферополь, ул. Кирова, 23.

Цена без переплёта 4 р. 50 к.
Переплёт 80 к.

Цена 5 руб. 30 коп.